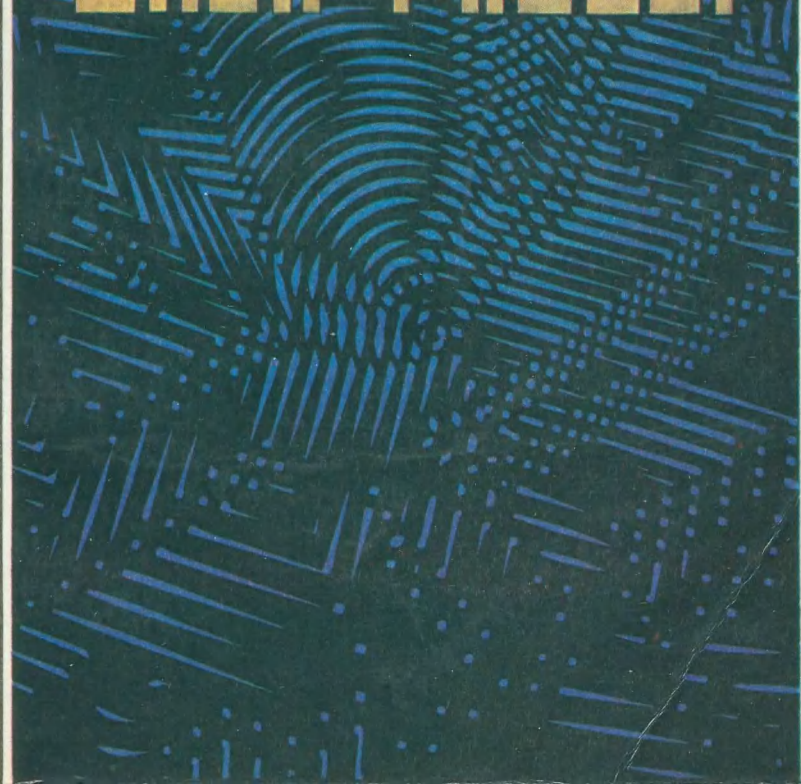

КОГДА
ИСЧЕЗАЮТ
МИРАЖИ

КОГДА ИСЧЕЗАЮТ МИРАЖИ

СИОНИЗМ:
ПРАКТИКА ТЕМНЫХ ДЕЛ

Московский рабочий

1987

Когда исчезают миражи. Сионизм: практика
К57 темных дел: Сборник / Сост.: А. Басиров, К. Борисов.— М.: Моск. рабочий, 1987.— 254 с., ил.

В сборнике на большом фактическом материале показывается подрывная деятельность международного сионизма против СССР, цели, которые преследуют зарубежные сионистские центры и организации, рассказывается об отдельных еврейских националистах, ставших прислужниками международной реакции, и горькой участи тех, кто, поверив сионистской пропаганде, сделал роковой и непоправимый шаг — покинул Родину.

Для широкого круга читателей.

0302030900—197
К М172(03)—87 67—86

66.018
1ФБ

© Издательство «Московский рабочий», 1987 г.

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

В городе Черновцы на улице Ольги Кобылянской оборудована витрина, где выставлены письма бывших жителей города, переехавших на жительство в Израиль. Сделано это по просьбам родственников самих адресатов, пожелавших предоставить для широкого ознакомления животрепещущие свидетельства тех, кто, попавшись на удочку сионистских зазывал, суливших золотые горы, бросил Родину. Горожане так и прозвали эту печальную и поучительную экспозицию: «витрина плача» — по аналогии с часто фигурирующей в пропаганде сионистов «стеной плача», оставшейся от сгоревшего в библейские времена храма царя Соломона в Иерусалиме.

Мария Стекольщик, называя свой отъезд в Израиль трагедией, пишет: «Я увидела здесь страну, пораженную безработицей, инфляцией, преступностью, военным психозом. Многие из наших покончили жизнь самоубийством, не выдержав израильской действительности. После двух лет страданий и мук мне удалось с огромными трудностями добраться до Вены. Здесь я живу теперь, работаю уборщицей... Я совершила грубую, непоправимую ошибку, за которую расплачиваюсь двенадцатый год».

«Здесь я увидел, как люди пожирают друг друга,— пишет Игорь Розенберг, 1955 года рождения.— Ни на одну минуту не хочу оставаться в чужом мне мире. Мне хочется раскрыть людям глаза, крикнуть им: «Остановитесь! Встаньте на колени, целуйте родную землю, которую не заменит никакая чужбина!»

«Вы спрашиваете, почему люди едут сюда,— пишет родным Владимир Давыдович.— Если бы вы знали, как отсюда бегут! Знайте, что евреи, покидающие СССР, совершают непоправимую ошибку, которую можно срав-

нить с самоубийством. Прибыв сюда из Союза, мы шагнули в темноту, на 50 лет назад. Жизнь такая, как в королевской Румынии, когда я был ребенком: миллионеры и нищие, сытые и голодные, жадность к наживе...»

Сожалея, что прозрел столь поздно, В. Давыдович пишет, что только теперь он по-настоящему сумел оценить, какое это великое благо — бесплатное здравоохранение, пенсионное обеспечение, право на отдых, дешевые транспорт, газ, свет, вода, — словом, то, чего он не замечал в СССР, и отсутствие чего в полной мере ощутил на чужбине.

Читатель еще встретится с этими и другими письмами на страницах лежащего перед ним сборника. Но авторы очерков, вошедших в него, не ограничились только публикацией насыщенных драматизмом человеческих документов, они прослеживают истоки трагедии, исследуют области социальных и политических отношений, в которые запустил свои щупальца сионизм, искалечивший судьбы многих тысяч людей.

Приводящее к столь тяжелым последствиям вторжение сионизма в жизнь советских граждан представляет собой одну из крупнейших и обильно финансируемых операций идеологических диверсантов. На масштабы ее проливает свет организованное сионистами в апреле 1986 года в Берне (Швейцария) сборище, названное «международной конференцией», где было заявлено, что в нашу страну за последние годы заслано 648 тысяч вызовов на выезд в Израиль.

Что это за вызовы, как фабрикуется значительная их часть, показало исследование советских экспертов, результаты которого приводятся в этой книге. Изучив обширную группу заказных писем из Израиля с вызовами, они сделали вывод, что оформление и отправка этих вызовов осуществляются не отдельными лицами, значащимися отправителями, а централизованно. Как установила экспертиза, печати и штампы, проставленные якобы в различные сроки, в разных учреждениях и городах, в действительности «родились» в одно и то же время, в одном и том же месте, под крышей одной и той же организации. Многочисленны доказательства того, что сфабрикованные в централизованном порядке вызовы подписываются конкретными людьми либо под давлением, либо за деньги.

Один из авторов этой книги, писатель Цезарь Соло-

дарь, например, беседовал в Вене с 72 беженцами из Израиля и выяснил, что 19 из них попали в эту страну по вызову известных им родственников, 28 человек до получения вызова не знали о существовании таковых в Израиле, а для остальных 25 вызовы были сфабрикованы от имени вымышленных «дядей» и «тетей».

Корреспонденты АПН в Азербайджане опубликовали недавно материал об одной из таких подставных фигур — некоем Драте Арманде из Тель-Авива. Его письма с вызовами однажды обнаружили в своих почтовых ящиках многие жители Баку. «Я получила вызов в Израиль от неизвестного мне Драта Арманда,— пишет Ш. Ашрафова.— Об этом я никого никогда не просила». «Прошу огрaдить меня от провокационных действий неизвестных мне лиц»,— пишет В. Теллер. «Меня удивляет и возмущает то, что неизвестные люди присылают мне приглашения как родственнику»,— возмущается Ю. Бунятатов.

Атакован был зазывалами и участник Великой Отечественной войны К. Раймах, никогда не скрывавший неприязни к сионистам. Наряду с письмами из-за границы приходят посылки с вещами, которыми сионисты стремятся прельстить и склонить людей к выезду. «Зачем мне приносят извещения о посылках из-за границы от неизвестных мне людей?» — написал в своем заявлении по поводу почтового отправления из Тель-Авива бакинец Л. Шабашев. Для него, как и для других советских евреев, патриотов своей страны, даже самая постановка вопроса — жить на родной земле или покинуть ее — кажется кошунственной.

Нельзя не задуматься над тем, каковы же масштабы материальных затрат, производимых на подобные провокации. Ведь в капиталистических странах заказные почтовые отправления, вещевые посылки, услуги нотариусов, всевозможные пошлины стоят недешево. Сюда же надо приплюсовать и «гонорарный фонд», ведь, по свидетельству самих же участников фабрикации «фальшивых» вызовов, за каждую подпись им платят денежное вознаграждение. Такса — от 15 долларов за душу и выше. Если учесть все затраты на идеологическую обработку, транспортировку, юридическое оформление, размещение и содержание тех, кто клюнул-таки на вызовы, то станет ясно, что из капиталов международного сионизма на эти «дела» мобилизованы огромные средства.

В предлагаемой читателю книге разоблачаются расистские лживые тезисы об «исключительности» и «богоизбранности» евреев, о существовании некой «всемирной еврейской нации»; коварные методы и приемы, которыми сионисты пытаются выманить из нашей страны легковых. Проповедь «единства всех евреев», в том числе с живущими в Израиле, — краеугольный камень сионистской пропаганды. Основанные на нем вождедения Тель-Авива видны из опубликованной в израильской газете «Гаарец» статьи под заголовком «Еврейский народ (в это понятие сионисты включают всех евреев, где бы они ни жили. — Б. А.) — резервная сила Израиля». «Все наши войны, — говорится в ней, — усилили процесс объединения и сплочения еврейского народа. В подготовке наших вооруженных сил участвовали его сыновья. Возникает вопрос, можно ли привлекать их к этому еще активнее и каким образом? Будет правильно, если мы заранее создадим в разных странах различные формы подготовки добровольцев, которые могли бы стать резервными боевыми частями Израиля в военное время. Создание резервных соединений из евреев пока кажется нереальным и далеким. Но остается фактом, что еврейский народ является резервной силой государства Израиля во всех отношениях».

Еще одно высказывание, оно принадлежит Бен-Гуриону, бывшему премьеру Израиля: «Мы должны игнорировать то, что евреи рассеяны по всему миру и являются гражданами государств, в которых живут. Это означает помощь Израилю независимо от того, хочет ли этого правительство, которому подчиняются евреи, или не хочет».

Ответом на подобные утверждения может служить верное замечание советского ученого М. Элиасберга: «Вот и подтверждение единой позиции сионистов и антисемитов. Ведь именно антисемиты говорили, что евреи не настоящие граждане тех стран, где они живут, что они преследуют свои собственные цели».

Сионизм¹ многолик. Он предстает в государственной

¹ Сионизм — крайне реакционная идеология, разветвленная система организаций и политика, выражающая интересы крупной еврейской буржуазии, тесно связанной с монополистическими кругами США и других империалистических государств. Основным содержанием современного сионизма является оголтелый расизм, злобный антикоммунизм и антисоветизм.

форме (Израиль), в качестве международных организаций (Всемирная сионистская организация, Всемирный еврейский конгресс и др.), в виде региональных и местных организаций, федераций, фондов, союзов («Американская сионистская федерация», «Национальная конференция в защиту советских евреев» в США и т. п.).

В качестве рычага для давления на Советский Союз сионисты при достижении своих целей стремятся использовать потенциал самой крупной державы мира капитализма — Соединенных Штатов Америки. Здесь действует свыше 570 сионистских организаций, многие из которых принимают участие в подрывных акциях против нашей страны, засылают в нее своих эмиссаров, призывают блокировать соглашения о сотрудничестве и торговле с СССР, ведут подстрекательскую пропаганду, совершают террористические акции против советских граждан и учреждений на территории США. Механизм этой деятельности раскрывается в очерках «Когда исчезают миражи», «Другим быть не могу!».

Что позволяет сионистам оказывать столь значительное влияние на политическую жизнь США? В книге «Сионизм. Его роль в мировой политике» бывший главный редактор журнала Коммунистической партии США «Политикл Афферс» Х. Лумер так ответил на этот вопрос: «Сионизм в Соединенных Штатах в настоящее время возглавляется влиятельной группой американских евреев. Эта группа вносит львиную долю тех отчислений, которые помогают Израилю совершать огромные военные расходы. Она является покупателем облигаций государственных займов Израиля и делает многочисленные вложения капитала в экономику этой страны. Кроме того, она оказывает сильное идеологическое влияние».

Эти слова подтверждаются данными американских справочников («Кто есть кто в финансах и промышленности» и др.). Из них явствует, что сионистскими организациями в США руководят представители той части крупной буржуазии, которая входит в финансово-промышленную олигархию и военно-промышленный комплекс Соединенных Штатов. Например, банкир Ф. Лазар является членом руководства американского еврейского комитета «Джойнт дистрибьюшн комити» и созданной по типу масонских лож организации «Бнай Брит» («Сыны завета»); нефтепромышленник Д. Блаунштейн —

активист «Сионистской организации Америки»; нефтепромышленник М. Фишер — бывший глава «Еврейского агентства»; владелец машиностроительных фирм В. Картер — член директората организации «Объединенный еврейский призыв». Контрольными пакетами акций крупнейших американских монополий владеют мультимиллионеры-сионисты Лимэны, Мейеры, Шиффы, Бронфманы, Буттенвейзеры, Гугенхаймы, Куны, Лебы, Зеллербахи. Только одна фирма «Лимэн бразерс» представлена в советах директоров 101 корпорации США, в том числе «Рейдио корпорейшн оф Америка» и «Дженерал дайнемикс», имеющих годовой оборот в несколько миллиардов долларов. Промышленные магнаты обильно финансируют политических деятелей Америки, которые проводят нужную сионизму политику.

Авторы сборника рассказывают о том, как вкупе с американскими антисоветчиками сионисты действуют в Западной Европе: во Франции, Англии, других странах. Только в последнее время возник целый ряд новых организаций и учреждений: «Европейская сионистская федерация» в Лондоне, филиалы «межпарламентской группы» с центром в Париже, новая организация Европейский еврейский конгресс (ЕЕК). При многих «национальных» (то есть существующих в рамках одной страны.— Б. А.) сионистских организациях образованы информационные центры, ведущие обработку общественного мнения.

Многие новообразования сионистов выступают под всякого рода вывесками неполитических «еврейских», «религиозных», «благотворительных», «культурных», «социалистических», «воспитательных», «научных» и иных лиг, федераций, фондов, союзов, групп и партий, сохраняя в тайне свою организационную структуру, каналы и методы достижения рычагов политической и экономической власти. В настоящей книге читатель найдет сведения о тайных делах сионистов и приемах их маскировки.

Особое внимание её авторы уделяют разоблачению массовой дезинформации, распространяемой западной, в том числе сионистской, пропагандой. Только в Соединенных Штатах выходит 146 сионистских газет и журналов общим тиражом в несколько миллионов экземпляров. В этой стране сионистские идеи распространяют почти половина общенациональных изданий и радиотелестан-

ций, три четверти зарубежных корпунктов газет. В Западной Европе наблюдается та же картина. Более 600 периодических буржуазных изданий, теле- и радиокорпораций в Англии, Франции, Швеции, ФРГ, Австрии сплетены в единую цепь антикоммунизма и ведут антисоветскую, сионистскую, произраильскую агитацию.

С особым усердием для этого используются и передатчики контролируемой ЦРУ подрывной радиостанции «Свобода». По свидетельству бывшего работника «русской службы» РС О. Туманова, которому по его просьбе было разрешено в 1986 году вернуться в Советский Союз, 80 процентов сотрудников этой службы имеют сионистскую, произраильскую ориентацию. Львиную долю своих программ РС посвящает сионистской пропаганде. В 1985 году в Вашингтоне приняли решение открыть на базе РС специальное «радио Макаби», основной функцией которого стало бы целенаправленное вещание на советских евреев с целью внедрения в их сознание сионистской идеологии.

Засилье сионистов в органах массовой информации приводит к тому, что журналисты из разных буржуазных изданий и даже разных капиталистических стран участвуют в грязных сионистских пропагандистских кампаниях и провокациях. Например, аккредитованные в Москве корреспонденты — Лонг (агентство Рейтер), Баусман (Ассошиэйтед Пресс), Тейлор («Дейли телеграф»), Блейкли (Би-би-си) в свое время распространили за рубежом клеветническую фальшивку под названием «Заявление группы московских евреев». Газета «Известия» писала по этому поводу: «Упомянутых выше западных корреспондентов мы знали до сих пор как представителей газет, телеграфных агентств или радиокорпораций США и Англии. Теперь мы узнали их второе лицо. Они, оказывается, представляют и международный сионизм. Однако их в таком качестве никто в нашей стране не аккредитовывал. И об этом надо помнить».

«В социалистических странах, в том числе в СССР, сионизм пытается распространять яд антисоветизма среди евреев и неевреев», — это свидетельство члена ЦК Компартии Израиля Вольфа Эрлиха. Всемирная сионистская организация (ВСО) имеет специальный департамент пропаганды, который ставит целью стимулировать выезд из СССР советских евреев путем распростра-

нения среди них приукрашенной информации о государстве Израиль и «ценностях иудаизма».

О том, как «ценности» сионизма проникают к нам, как пытаются их протащить и внедрить, рассказывается в очерках Виктора Магидсона, ведущего полемический диалог с их персонажами, «настроенными» на волну сионистской пропаганды. Приводимые факты и статистические данные красноречиво говорят о том, что миф о «расцвете еврейской культуры в Израиле» оборачивается для переселенцев настоящим культурным одичанием.

Авторы книги подвергают критическому анализу идейный багаж сионизма, обнажая его расистский характер. Расизм юридически закреплен в законах Израиля. Полноценными гражданами здесь считаются только приверженцы иудаизма или рожденные матерью-еврейкой. Положение остальных, то есть «неполноценных», мало чем отличается от того, в котором находятся индейцы и негры в Америке или банту в ЮАР.

«В еврейском государстве лишь евреи считаются людьми, а неевреи имеют статус животных,— свидетельствует председатель Израильской лиги защиты прав человека профессор Исроэл Шахак.— Животных иногда полезных, а иногда вредных и даже опасных. Есть люди, полагающие, что нельзя быть жестоким по отношению к животным и неевреям. Есть и другие, которые думают, что это не имеет значения. Но любой, кто верит в принцип еврейского государства, убежден в том, что нееврей в еврейском государстве — это не человек, а только объект еврейского интереса... Наиболее ясно это было сформулировано профессором истории Бен-Ционом Динуром, первым министром просвещения Израиля: «В нашей стране есть место только для евреев. Мы скажем арабам: «Убирайтесь!» Если они не согласятся, если будут сопротивляться, мы вышибем их силой».

В дни израильской агрессии в Ливане перед мировой общественностью предстали как прямые аналоги сионистский расизм и германский фашизм времен второй мировой войны.

«Геноцид», «окончательное решение», «новый порядок» — терминология, воскрешающая в памяти преступные деяния нацистов,— писал в дни ливанских событий Генеральный секретарь ЦК Компартии Израиля Меир Вильнер.— Но ныне она употребляется применительно к

политике правящих сионистских кругов Израиля. И это абсолютно правомерно. Между теми и другими при всех различиях существует несомненное родство. Оно — в оголтелом расизме, необузданной агрессивности, курсе на захват чужих земель и физическое уничтожение целых народов, в данном случае палестинского. Сходство и в стремлении добиться «окончательного решения» проблемы — на сей раз палестинской, навязать другим свой «новый порядок» — сегодня Ливану, а завтра Сирии, Иордании и т. д. Злодеяния сионистских агрессоров на ливанской земле стоят в одном ряду со зверствами фашистов в период второй мировой войны».

«Историческим позором является то, что сионистские политики используют те же методы, которые использовались нацистами. Как член Международной комиссии по расследованию преступлений Израиля против ливанского и палестинского народов,— говорил на пресс-конференции Антисионистского комитета советской общественности в Москве представитель Финляндии Мико Лохикоски,— я участвовал в сборе доказательств, подтверждающих использование израильскими агрессорами типично гестаповских методов. Подчеркиваю — именно типично гестаповских методов... При сравнении этих преступлений и преступных методов сионистских правителей, установленных Комиссией по расследованию, с преступлениями и методами, документально подтвержденными в Нюрнбергском приговоре, выявляется поразительное сходство.

Развязывая хорошо подготовленную агрессивную войну против Ливана, сионистские лидеры Израиля не скрывали своей цели. Она заключалась в достижении «окончательного разрешения» палестинской проблемы. Такой образ мышления и действий,— подчеркивал М. Лохикоски,— имеет, по-моему, прямую связь с нацистскими преступлениями, совершенными при попытке «окончательного разрешения еврейского вопроса». Подобно нацистам, израильская армия также придерживалась концепции «тотальной войны» и действовала самым варварским образом».

С этим выступлением перекликается письмо из Израиля от бывшего жителя Вильнюса, приведенное в очерке В. Магидсона «Другим быть не могу!». Это рассказ очевидца о том, как на юге Ливана «фашисты убивают палестинскую нацию».

Известно, что идеи расизма, исключительности и превосходства евреев над неевреями составляют основу идейного багажа сионистов. В этом отношении характерна фигура Иегуды Галеви, которого в сионистских изданиях, в том числе засылаемых в Советский Союз, аттестуют как «знаменитого поэта и философа», преданного «сына еврейского народа». На самом же деле далеко не все сочинения этого жившего в XII веке раввина так уж безобидны, многие из них пронизаны махровым расизмом, вдохновляющим на истребление иноверцев. Газета «Зо Гадерех», орган Компартии Израиля, с возмущением писала о том, что в школах страны в обязательном порядке изучается книга Галеви «Сэфер хакозари», преисполненная расизма и ненависти к неевреям. Эту же книгу читают раввины в подразделениях израильской армии, «вдохновляя» солдат на разбой и убийства.

Авторы настоящего сборника разоблачают антисоветскую подрывную и шпионскую деятельность сионистов, прикрывающуюся измышлениями о якобы имеющих место «притеснениях советских евреев». Истинное положение дел свидетельствует о противоположном: о полном равноправии граждан этой национальности в нашей стране. Об этом с полной ответственностью не раз заявляли руководители нашего государства, это видно любому непредвзято настроенному человеку.

О крайне вредных для дела мира спекуляциях сионистов на «еврейском вопросе» в СССР говорил во время работы XXVII съезда КПСС Генеральный секретарь Коммунистической партии США Гэс Холл. На встрече с журналистами в пресс-центре съезда он отметил негативное влияние сионистского лобби на позицию Соединенных Штатов в ходе советско-американских встреч в верхах. «Во время женеvской встречи,— сказал Гэс Холл,— представители этого лобби пытались отвлечь внимание мировой общественности от вопросов войны и мира и направить его на так называемый «еврейский вопрос» в СССР. Действуя таким образом, в том числе прибегая к провокациям, они уводили внимание от обсуждения основного вопроса, вопроса предотвращения ядерной войны, и таким образом играли негативную роль».

Нужно отметить, что сионистская пропаганда объявляет антисемитами всех, кто раскрывает правду о делах сионизма. Не случайно резолюция ООН № 3379, ква-

лифицирующая сионизм как разновидность расизма и расовой дискриминации, объявлена сионистами «антисемитской». Сионистские пропагандистские органы («Лига борьбы с диффамацией», отдел пропаганды ВСО и др.) сплошь и рядом фабрикуют «факты» и дезинформируют общественное мнение на Западе. Жупел «антисемитизма» используется в одних случаях с целью взбудоражить общественность и политических деятелей для их нажима на СССР и другие социалистические страны, где якобы существует антисемитизм; в других — чтобы сбить волну возмущения злодеяниями сионистов на Ближнем Востоке, погасить недовольство широких слоев населения западных государств сионистским лоббизмом в экономике, средствах массовой информации, общественно-политической и культурной жизни.

В свое время в Москве был пойман за руку некто Дольник, который на снимке еврейского кладбища нарисовал свастику на могильных камнях — для публикации «фотообвинения» в западной прессе против «советских антисемитов». Как было доказано на суде, пользуясь наличием в 60-х годах дипломатических отношений между Советским Союзом и Израилем, сионисты осуществляли идеологические диверсии и шпионаж под прикрытием израильского посольства в Москве. Работавшие в нем сотрудники спецслужб Гавиш, Бартов, Говрин, Биран, Кац, Равэ встречались с Дольником, передавшим им ряд заранее заказанных израильской стороной материалов. При сборе клеветнической информации, нужной сионистам, Дольник пошел на подлог, сфабриковав фотофальшивку «обезображенного еврейского кладбища». «Заказчики» расплачивались щедро...

В очерках «Партитура для голоса с оркестром» и «Когда исчезают миражи» ярко показано, что «работа на благо Израйля» может прямой дорогой привести к предательству Родины и шпионажу. Здесь прослеживается, как шаг за шагом американское ЦРУ пыталось прибрать к рукам «активиста» С. Липавского, превратить его в агента шпионской службы со всеми «атрибутами» этой «профессии» — закладкой тайников, сбором секретной информации, использованием тайной сигнализации и конспиративной связи.

После трезвых размышлений Липавский нашел правильное решение. Он разоблачил подпевал в открытом письме, опубликованном в советской печати. «У них бы-

ла единая платформа и единый руководитель — американская разведка и зарубежные антисоветские организации, — отмечалось в нем. — Они систематически получали по неофициальным каналам инструкции, враждебную литературу, денежные средства». Одновременно Липавский передал для публикации фотокопии письменных инструкций ЦРУ, передававшихся через тайники, заложенные американскими шпионами. Были представлены фотографии самих тайников, мест их закладки, содержащихся в них вложений — денег и микрофильмов.

На страницах этой книги раскрываются также подробности «дела Щаранского», которого завлекла в свои сети шпионская служба США. Сейчас определенные круги на Западе делают попытки обелить Щаранского, утверждают, что советский суд наказал его, не доказав вины. Здесь приводятся материалы, не оставляющие ни малейшего сомнения в том, что этот отщепенец вел шпионаж и сотрудничал с американской разведкой. Все попытки западной пропаганды изобразить его «страдальцем за убеждения и права человека» абсолютно несостоятельны.

Тем не менее сионистская свистопляска вокруг шпиона не унимается. 13 мая 1986 года его притащили на прием в Белый дом. Тот же самый сенатор Доул, который в 1978 году угрожал ликвидацией «всех двусторонних и многосторонних соглашений США при участии СССР», если Щаранский будет предан суду, выступил организатором его чествований на Капитолии. Он организовал решение конгресса о награждении «гостя правительства США» золотой медалью, отчеканенной специально для этого случая. Человеку, некогда подбиравшему ключи к советским секретам, мэром Вашингтона был вручен ключ от города и всего округа Колумбия. Вслед за чествованиями Щаранского в Вашингтоне сионисты подняли шумный гвалт в Нью-Йорке, требуя «вызвания евреев из советской неволи». Вслед за фашистом Кахане губернатор штата Нью-Йорк Куомо подстрекает правительство США «не вести никаких переговоров с Советским Союзом», пока требования сионистов не будут удовлетворены.

После того как в Америке разоблачили агента израильской шпионской службы Джонатана Полларда, работавшего в военно-морской разведке США, в сионистской печати усилилась пропаганда «позитивных» сторон аме-

рикано-израильского сотрудничества; всячески подчеркивалось, что друзья сионистов из ЦРУ и других американских спецслужб предоставили израильтянам шпионские данные для пиратского авианалета на штаб-квартиру Организации освобождения Палестины в Тунисе. Американцы передали составленные с помощью спутников-шпионов карты с указанием точных мест для бомбардировки. Специалисты на кораблях 6-го американского флота организовали создание электронных помех, что вывело из строя локаторы арабской обороны. В свою очередь, как стало известно, агенты израильской разведки «Моссад» помогли ЦРУ устроить взрыв в западноберлинской дискотеке, спровоцировать пиратский налет американских ВВС на Ливию и убийства ее мирных жителей.

Что касается сотрудничества США и Израиля в области шпионажа против СССР, то давно уже перестало быть секретом, что этот шпионаж осуществляет так называемый Еврейский отдел ЦРУ («Джуиш секшн»), действующий в тесном контакте с «Моссад» и крупными сионистскими организациями. В книге рассказывается о том, как ЦРУ и «Моссад» осуществляют совместный широкомасштабный проект по сбору шпионских сведений среди выехавших из СССР. В Тель-Авиве проведены даже этикие «международные слушания по вопросам советской действительности». Их цель заключалась в получении военной, экономической, политической информации об СССР «на основе опросов бывших советских граждан, проживающих в настоящее время в Израиле, США и в других странах, которые в Советском Союзе занимали положение, позволявшее им участвовать в принятии решений». В пропаганде подобного проекта приняла широкое участие сионистская и просионистская пресса западноевропейских стран и Соединенных Штатов Америки.

На реализацию этой шпионской затеи федеральные власти США ассигновали 7,5 миллиона долларов: две трети столь значительной суммы — из кассы министерства обороны, около трети — из «открытых фондов» ЦРУ, остальное — от государственного департамента. К массовым опросам бывших советских граждан привлекаются сотни «исследовательских центров», организаций, объединений и фирм. Анкеты насчитывают в общей сумме тысячи вопросов.

Серия провалов, которые ЦРУ потерпело в последнее время в своей деятельности против СССР, побуждает шпионское ведомство США усилить внимание именно к такому способу добычи разведывательной информации. Стремясь увеличить приток ее «носителей», ЦРУ и «Моссад» стимулируют кампанию сионистов «за выезд евреев из СССР», подключают к ней свою агентуру, вербуют запевал и подпевал из так называемых правозащитников, которые под лозунгами «воссоединения семей» и «свободы передвижения» хлопочут фактически об интересах шпионских служб.

Предлагаемая читателю книга дает решительный отпор антисоветским проискам, вносит весомый вклад в благородное дело разоблачения реакционной идеологии, политики и практики международного сионизма.

Борис АНТОНОВ

СИОНИЗМ: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Почти каждодневно мир узнает о новых и новых преступлениях международного сионизма — одного из ударных отрядов империалистической реакции. Эти преступления невозможно даже перечислить. Их «диапазон» поистине широк: от мелких провокаций и диверсий до прямых вмешательств во внутренние дела других государств, включая захват чужих территорий, террористические акции и ведение разнузданной «психологической войны». При этом нет предела и лицемерию. Израильская агрессия выдается сионистами за «самооборону»; захват чужих территорий — за «приобретение земли без народа для народа без земли» и «возвращение земли предков»; геноцид в отношении палестинского народа — за «борьбу с терроризмом»; вмешательство во внутренние дела стран социализма ведется под предлогом «защиты прав евреев»; попытки навязать лицам еврейского происхождения «двойную лояльность» и вывести иностранных граждан из-под действия юрисдикции государства-родины осуществляются под прикрытием идей «вечности антисемитизма», «особого мессианского предназначения евреев»...

Патологический националистический эгоцентризм сионистов, как отмечают израильские коммунисты, ныне представляет угрозу для народов всей земли, для дела мира в целом, ибо заправилы сионизма, выражая интересы империалистических кругов Запада, играют с огнем третьей мировой войны, всячески содействуют не взаимопониманию народов, а росту недоверия, ухудшению международного климата.

Пиратами XX века назвал сионистов известный египетский поэт и публицист, лауреат Международной Ле-

нинской премии за укрепление мира между народами Абд ар-Рахман аль-Хамиси. Одно из его стихотворений так и называется «Пираты двадцатого века»:

Они громче всех говорят о правах человека,
С высоких трибун выступая полпредами века.
Но снятся ночами любителям легкой наживы
Алмазные копи и золотоносные жилы.
И дремлют в гранатах — запалы и в ампулах — яды,
Надежные средства — чужие присваивать клады.
Душителю правды — пираты двадцатого века,
Когда они громко кричат о правах человека,
Тогда без сомненья — себя они ждать не заставят:
Возьмут автоматы и бомбы напалмом заправят,
Придут за кордон как хозяева: им не впервые
Лопатами жадности выгresti недра чужие.

Да, пираты! Точнее не скажешь. И фактов тому немало: сионисты пополняют свои банки за счет гонки вооружений и нещадной эксплуатации народов развивающихся стран. Они открыто осуществляют политику геноцида в отношении арабского народа Палестины и совершают беспрецедентные акты агрессии против независимого Ливана. Они применяют чудовищные средства массового уничтожения мирного арабского населения и, попирая все общепринятые нормы международного права, аннексируют арабские земли, проводят политику геноцида. Они финансируют и вдохновляют террористов из так называемой «Лиги защиты евреев» и многих других террористических организаций, совершающих десятки и сотни уголовно наказуемых преступлений.

Только в Бейруте за последние годы различными террористическими группировками сионистского толка были организованы десятки взрывов мирных объектов, а количество человеческих жертв исчисляется сотнями.

Сионисты продолжают ратовать за создание «великого Израиля», включающего в себя захваченные в ходе агрессии палестинские земли. Этих же позиций, естественно, придерживаются и разного рода оголтелые экстремистские группировки типа партии «Техия» и организации «Ках», возглавляемой небезызвестным раввином Меиром Кахане, открыто придерживающимся тактики террора, насилия, ратующего за изгнание всех арабов с Западного берега реки Иордан и из сектора Газа. Показательно, кстати, что этот отъявленный расист, которому по здравой логике уместно быть лишь на скамье подсудимых, получил место в израильском кнессете.

Отдел поселений Всемирной сионистской организации и министерство сельского хозяйства Израиля опубликовали брошюру, в которой дается достаточно подробный план увеличения числа израильских поселенцев на Западном берегу в 3 раза, то есть до 100 тысяч в 1986 году. При этом в состав военизированных поселений входят ультранационалистические организации типа «Гуш эмумим», а также механизированные силы, коим надлежит усилить репрессии по отношению к палестинцам и содействовать насильственному процессу израилизации захваченных территорий.

«Палестинцы Западного берега,— свидетельствовал не так давно парижский журнал «Монд дипломатик»,— рассматривают нажим оккупантов не только как желание навязать свои порядки и сломить всякую попытку мятежа, но и как средство постепенного размывания палестинского общества (разъединение семей, ликвидация традиционных форм общественной и культурной жизни палестинцев, подавление национальной самобытности). Это влечет за собой отсталость палестинцев, кроме того, побуждает их к эмиграции».

Сионисты разрушают культуру арабских и других народов, наносят непоправимый вред историческим памятникам, являющимся гордостью всей мировой цивилизации. Они финансируют израильских «археологов», проводящих варварские раскопки в арабской части Иерусалима, игнорируя тем самым решения ООН и ЮНЕСКО. Они торгуют на мировых аукционах произведениями живописи и прикладного искусства, похищенными и нелегально вывезенными из тех или иных стран.

Но и это не все: даже сама история используется сионистами для разного рода политических и идеологических спекуляций. Об этом стоит сказать более подробно, ибо многие «факты» и догмы, на которые пытаются опираться в своей практической деятельности и пропаганде лидеры сионизма, так или иначе связаны с фальсификацией истории, с сознательным извращением картины реальных исторических процессов.

Ретроспективный взгляд в прошлое позволит также напомнить читателю об истоках сионизма, его изначально реакционной, антинародной сущности.

ФАРИСЕИ И ФАЛЬСИФИКАТОРЫ ИСТОРИИ

Уже давно доказано, что идеологически и организационно сионизм оформился к концу XIX века, когда завершился процесс перерастания капитализма в империализм.

В 1897 году на I международном конгрессе сионистов, состоявшемся в Базеле (Швейцария), была основана Всемирная сионистская организация (ВСО), а спустя пять лет, в 1902 году, возник Еврейский колониальный трест — международное сионистское акционерное общество, которое с самого начала устремилось любыми путями и методами обеспечить контроль над массой еврейских трудящихся. Что же касается идеи создания «еврейского национального очага», то сионистские лидеры выдвигали ее как средство достижения своих целей, постоянного стимулирования сионистских, националистических настроений среди еврейского населения.

Распространяя идею «еврейского национального очага», сионистские лидеры спекулятивно использовали миф иудаизма о том, что «евреи в течение тысячелетий лелеяли мечту о возвращении в Палестину», что это-де завещано «библейскими мудрецами», а посему, как утверждает, например, британский сионист Бентвич, «сионизм так же древен, как и плен еврейского народа во времена разрушения храма Навуходоносором» (то есть речь идет о VI веке до н. э.). Другие же сионисты, поднаторевшие на исторических фальсификациях, отодвигают дату рождения сионизма в еще более давние времена. При этом их абсолютно не смущает тот очевидный факт, что древнееврейские (израильско-иудейские) племена в ту пору имели мало общего с современными евреями, точно так же, как, скажем, этруски или италики с современными итальянцами; что их представители с точки зрения классовой структуры находились в отнюдь не одинаковых условиях, мало чем отличались от племен и народов, среди которых им доводилось жить, и потому преследовать какие-то «общееврейские» цели они конечно же не могли. Исторические факты свидетельствуют также о том, что иудейские племена в ту давнюю эпоху (в результате многочисленных войн, пленений, смешанных браков, вытеснения древнееврейского языка арамейским и ослабления общинных связей под влиянием

различных культур и окружающей среды) были заинтересованы не в возвращении в распавшееся царство Соломона, а в расселении на территориях более процветающих стран. Европы и Азии, о чем свидетельствовал еще в эпоху эллинизма философ Филон Александрийский.

Спекулируя на чувствах малосведущих в истории евреев, сионисты усиленно пытаются доказать, что восстание в Иудее (66—73 годы н. э.) и последовавшее после него разрушение римлянами Иерусалима — это свидетельство вечных жестоких гонений на всех евреев. А поскольку евреи, по логике сионистов, были «насильственно удалены из Палестины», то, следовательно, их возвращение в Палестину оправдано «религиозно-историческими правами» и может сопровождаться насилием.

Этот миф, оформленный под соответствующую воинствующую доктрину, не выдерживает никакой критики.

Во-первых, от жестокого римского владычества страдали в те времена не только еврейские племена. Во-вторых, гонения распространялись далеко не на всех евреев. В этой связи уместно напомнить о положении евреев и их расселении накануне восстания в Иудее. Автор книги «Сионизм» Л. Штейн пишет: «Процветающие еврейские общины уже давно существовали в Египте и Киренаике, в Сирии и Месопотамии, в Италии и Греции. Евреи расселились задолго до краха еврейского государства. Действительно, в преддверии христианства евреи в Палестине насчитывали... всего 700 тысяч человек, в то время как в одной Римской империи их было около 4 миллионов».

Таким образом, и в период господства Римской империи, и в эпоху расцвета арабского халифата (VII век н. э.) евреи подвергались не каким-то особым гонениям, а испытывали такой же гнет, какой выпадал на долю любого другого покоренного народа. При этом не следует забывать, что в число жестоких эксплуататоров рядовых членов еврейских общин входили прежде всего крупные торговцы-евреи, которые, собственно говоря, и были заинтересованы в сохранении замкнутых и обособленных еврейских гетто, где бы сохранялись законы и правила, отвечающие интересам правящих классов.

Вот почему всякие рассуждения сионистов о якобы извечно существовавшем «духовном единстве» всех евреев, а также их мифы о «неодолимой идее возврата»

всех евреев к «священному Сиону» — чистой воды спекуляция.

В советской литературе по этому вопросу уже отмечалось, что в жизни еврейских общин того времени противоборствовали две тенденции — естественная тенденция ассимиляции членов общин с окружающей средой и сознательная, проистекавшая из классовых интересов политика верхушки колоний, направленная на придание им строго корпоративного характера. Эта борьба с переменным успехом продолжалась вплоть до средневековья, когда общественно-экономические условия, порождавшие безудержный религиозный фанатизм, и опять-таки экономическая и политическая заинтересованность правящей верхушки еврейских колоний привели к созданию (на короткий исторический срок) вокруг еврейских общин действительно труднопроницаемых стен гетто.

Сионистский миф о «неодолимой идее возврата» вдребезги разбивается и о свидетельства того же Филона Александрийского, который еще в I веке н. э. писал, что многочисленные евреи никогда не ставили своей целью непременно вернуться в Палестину, что «те города, где они родились, где родились их отцы, деды, прадеды... в каждом отдельном случае были, по их убеждению, родиной, отечеством...».

В СГОВОРЕ С КОЛОНИЗАТОРАМИ

Один из наиболее распространенных сионистских мифов — миф о «мирной колонизации» Палестины, о создании там «национального очага еврейского народа» в соответствии с так называемой «Декларацией Бальфура»¹.

Какова же реальность?

Еще в 40-х годах прошлого столетия европейские колониальные державы, потерявшие бывшее влияние в не-

¹ Бальфур Артур (1848—1930) — лорд, английский государственный деятель. В 1902—1905 гг. — премьер-министр, в 1916—1919 гг. — министр иностранных дел в правительстве Д. Ллойд Джорджа; один из организаторов антисоветской интервенции. Будучи тесно связанным с еврейским финансовым капиталом, способствовал сионистским замыслам и планам. В письме от 2 ноября 1917 г. к лорду Ротшильду (Лионелю Уолтеру Ротшильду) объявил о решении британского правительства содействовать установлению в Палестине «национального дома для еврейского народа».

когда сильной Османской империи, начали предпринимать попытки распространить его на Ближнем и Среднем Востоке, чтобы контролировать важнейшие внешне-торговые пути и влиять на политику государств, представляющих для них стратегический интерес.

Самым дешевым и удобным путем достижения этой цели, по расчету многих тогдашних политических деятелей и финансовых воротил Англии, явилась бы колонизация Палестины с помощью евреев, переселение их туда под предлогом создания «национального очага». (К такому методу подавления национально-освободительной борьбы палестинских арабов и овладения Палестиной впоследствии склонялся в числе прочих и премьер-министр Англии Ллойд Джордж. Он признавался, что его интересует именно колонизация Палестины под контролем Англии, а не прошлое и будущее евреев с их рассуждениями «о земле еврейских предков».) С этой целью в Англии в 70-х годах XIX столетия создается «Сирийско-Палестинская колониальная компания», а несколько позднее — «Еврейский колониальный трест», защищающий интересы лидеров сионизма и еврейской буржуазии ряда европейских стран, находящихся в сговоре с английскими колониальными властями.

С этого времени и началась усиленная пропагандистская свистопляска вокруг идеи «общенационального еврейского дела» — возвращения евреев на «землю предков». Появились на свет разного рода националистические доктрины, спешно модифицировались в соответствии с новыми целями «нетленные» догмы иудаизма, издавались книги, авторы которых проливали театральные слезы по поводу «вечно гонимых» евреев, со страниц газет от имени «мирового еврейства» зазвучали декларации о стремлении «преследуемых» обрести «свой дом». Основатели сионизма, заручившись финансовой поддержкой могущественных еврейских магнатов, повели оживленную переписку с главами государств, оказывая всяческое давление на несговорчивых политических деятелей, обвиняя их в «антисемитизме». Так готовилась почва для принятия решения о создании еврейского государства.

Как уже говорилось, в 1897 году в швейцарском городе Базеле состоялся I сионистский конгресс. Утвержденная на нем так называемая «Базельская программа» предусматривала создание «национального очага».

Показательно, на наш взгляд, то, что идея «возвращения на родину» была воспринята евреями, проживающими в разных европейских странах, отнюдь не однозначно. Л. Штейн в цитированной выше работе о сионизме замечал: «Эмансипированные евреи Запада не могли более считать себя изгнанниками, живущими в отдельном мире. Они были неразрывно связаны со странами, в которых родились и с которыми их соединяла не только политическая приверженность, но и самые интимные интересы и привязанности... Их более не удовлетворяли доктрины старого мира об «изгнании и исходе», проистекавшие из представления о евреях как о рассеянных осколках бездомного народа».

Однако лидеры сионизма продолжали нагнетать пропагандистскую шумиху и повсеместно сколачивали множество сионистских обществ, комитетов, клубов задачей содействовать задуманному плану, не слишком стесняясь в методах работы. Для «пользы дела» годились и словесное трюкачество, и шантаж, и террор.

Делая ставку на отношения с британским империализмом, сионисты в годы первой мировой войны создали в Палестине тайную организацию «Нили», снабжавшую английскую армию необходимой разведывательной информацией и одновременно действовавшую по указке английской сионистской федерации.

В результате всего этого родилась упомянутая выше «Декларация Бальфура». Она не была официальным документом, а представляла собой частное письмо министра иностранных дел Англии Бальфура богатейшему лорду-сионисту Ротшильду. В нем, в частности, говорилось, что «правительство его величества благосклонно относится к идее учреждения в Палестине национального очага для еврейского народа и приложит все усилия, чтобы облегчить достижение этой цели...».

Этого частного письма Ротшильду оказалось достаточно, чтобы сионисты рьяно приступили к осуществлению своей цели — созданию «национального очага еврейского народа» — еще до того, как эта «Декларация» вошла в текст договора между странами Антанты и Турцией (заключенного в 1920 году в Севре) и было вынесено решение о продаже Англии мандата на Палестину. И уж тем более задолго до того, когда этот мандат, одобренный Лигой Наций, вступил в силу (29 сентября 1923 года).

Аппетит у сионистов рос. Они потребовали не только «очага», а и установления границ еврейского государства вдоль нижнего течения реки Литани в Южном Ливане, по западным склонам горы Хермон и долине реки Ярмук, а на востоке — вдоль Хиджазской железной дороги.

Подобные притязания на Палестину, Трансиорданию и Южный Ливан, естественно, вызвали возмущение и сопротивление арабов. Вот тогда, в соответствии с шовинистическими установками Т. Герцля, В. Жаботинского и других лидеров сионизма, «переселенцы» открыто перешли к политике террора и вытеснения арабов. Специально для этих целей В. Жаботинским были сформированы так называемые «части самообороны», ставшие причиной нередких кровопролитий и арабско-еврейских уличных конфликтов.

Сионисты, пользуясь деньгами Еврейского национального фонда и Земельного банка, начали скупать земли у арабских феодалов, а это, в свою очередь, вело к разорению многих палестинских крестьян-арендаторов. Повсеместно шло вытеснение арабов и из сферы производства, их стали использовать в основном на самых трудоемких и низкооплачиваемых работах. Росли сионистские притязания также на руководящую роль евреев в сфере управления экономикой и политикой. Если же те или иные усилия и притязания оказывались бесплодными, сионистские террористические организации сознательно провоцировали хаос, а еврейские толстосумы и торговцы нагло объявляли бойкот арабским товарам, проводили в арабском мире политику дестабилизации.

Все эти приемы давления, шантажа, угроз, разорения и вытеснения арабов были с самого начала положены в основу политики и практической деятельности сионистов, направленных на колонизацию Палестины и создание там «национального очага». Есть на этот счет и прямые указания идеологов сионизма. В частности, В. Жаботинский заявлял: «Наша программа — оба берега реки Иордан. Метод — массовая колонизация. Решение финансовой проблемы — национальный займ... Следовательно, требование часа заключается в проведении новой политической кампании и милитаризации еврейской молодежи...»

Экономическая экспансия, политический авантю-

ризм, моральный, духовный и физический террор — вот что явилось фундаментом «еврейского государства» и сущностью сионизма в целом.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ БЕЗ НАКАЗАНИЯ

Чем сионисты Израиля обосновывают свои территориальные притязания? Какие «аргументы» они выдвигают, пытаясь оправдать проводимую ими политику экспансионизма, геноцида, агрессии?

Резолюция 181/11, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 29 ноября 1947 года, предусматривала раздел Палестины на арабское и еврейское государства; при этом как арабам, так и евреям предоставлялись равные права на национальную самостоятельность.

14 мая 1948 года мир узнал о рождении нового государства Израиль.

Тогда же Бен-Гурион, один из лидеров сионизма, первый премьер-министр Израиля, обнародовал Декларацию независимости. Однако какие-либо указания на территориальные рамки страны в ней отсутствовали, и отнюдь не случайно. Сионистов не устраивали ни границы, отведенные Израилю резолюцией ООН, ни решение о международном статусе Иерусалима. Они претендовали на «великий Израиль», который бы простирался «от Нила до Евфрата».

Все эти вождедения, как очень скоро выяснилось, оправдывались... Ветхим заветом, постулатами «библейского права». Таким, например: «Всякое место, на которое ступит нога ваша, будет ваше; от пустыни и Ливана, от реки, реки Евфрата, даже до моря западного будут пределы ваши» (Пятая книга Моисеева, Второзаконие, гл. 11, 24). В «актив» вошли и ссылки на книгу Иисуса Навина, гласящую, что весь Ливан следует включить в пределы «великого Израиля».

Таким образом, взяв на вооружение «божественные писания», сионисты сочли «морально оправданной» политику агрессии и геноцида в отношении своих соседей.

Постепенно сионистский антиарабский терроризм принял чудовищные формы. 31 декабря 1947 года была взорвана бомба в квартале арабских рабочих в Яффе. 4 января 1948 года взрыв бомбы разрушил генеральный штаб арабского национального комитета. На рассвете

8 апреля 1948 года отряды «Иргуна» и «Штерна» окружили деревню Дейр-Яссин вблизи Иерусалима и начали кровавую резню. Член международного Комитета Красного Креста швейцарец Жорж Воше следующим образом описывает эту расправу: «Люди «Иргуна», вооруженные автоматами и пожами, оккупировали маленькое селение Дейр-Яссин вблизи Иерусалима, безоружные жители которого в количестве 400 человек жили в мире с окружающими их евреями. По громкоговорителям населению было приказано в течение четверти часа сдатьсь. Несколько человек вышли вперед, и их перебросили на территорию арабских государств. Остальное население — мужчины, женщины, дети — все было хладнокровно уничтожено. С лица земли были также стерты арабские населенные пункты Вади-Диоз, Пардес-Абу, Ляван и Корао-Тобиас».

23 апреля 1948 года еврейские вооруженные отряды напали на порт Яффу и начали обстреливать населенные арабами районы. Эти акции сопровождались передачей по громкоговорителям угроз с ультимативным требованием к жителям покинуть свои дома и бежать в другие арабские государства.

С тех пор акции геноцида, проводимые сионистами по отношению к арабскому народу, практически не прекращались. Когда же XXX сессия Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций приняла резолюцию, осуждающую сионизм как форму расизма и расовой дискриминации, постоянный представитель Израиля при ООН Х. Герцог разорвал экземпляр документа и без тени смущения во всеуслышание заявил, что это — заговор «деспотических стран», желающих опорочить одно из «благороднейших национально-освободительных движений нашего времени — сионизм».

О «благородстве» этого «движения» ныне известно всему миру. Расистские порядки и нравы давно уже лежат в основе официальной политики правящих кругов Израиля. Первый министр просвещения этого государства Динур, например, откровенно провозгласил: «В нашей стране есть место лишь для евреев. Мы заявили арабам: «Подвиньтесь», а если они не согласны, силой заставим их потесниться. Мы будем их бить, пинать ногами в спину, но заставим потесниться». Этому столпу «просвещения» вторил начальник управления подготовки израильской армии генерал Ш. Гоген: «Для меня

крайне важно, чтобы израильский народ жил в веках независимо от того, будут ли существовать другие народы или нет». Циничнее не скажешь. Но дело не только в наглых заявлениях сионистов, а прежде всего в их преступной практике.

Напомним лишь некоторые преступления израильских сионистов, совершенные ими в последние годы. Многие специалисты по международному праву считают, что израильтяне совершили против палестинцев такие действия, которые следует квалифицировать как геноцид, ибо речь идет о систематическом преследовании и уничтожении целой нации.

Члены международной комиссии, посетившие Ливан, засвидетельствовали, что израильская армия систематически вела преднамеренные военные действия против гражданского населения, что бомбардировкам подвергались мирные города и населенные пункты. Это грубейшее нарушение целого ряда международных деклараций, запрещающих подобное варварство.

Нарушением, в частности Женевской конвенции 1949 года, является и то, что сионисты неоднократно использовали касетные и фосфорные бомбы, подвергали бомбардировкам больницы и госпитали, находящиеся под защитой Красного Креста и Красного Полумесяца, разрушали памятники науки и культуры.

Израильские сионисты систематически обстреливали здания расположенных в Бейруте представительств СССР, Чехословакии, Болгарии, Франции, Алжира, Канады и посольств всех арабских государств. Такое отношение к дипломатическим миссиям, пользующимся правами неприкосновенности, граничит с элементарным бандитизмом.

Не считаясь ни с какими общепринятыми нормами международного права, сионисты не только не собираются компенсировать своим жертвам причиненный ущерб, но и всячески используют сложившуюся по их же вине ситуацию для достижения своих экспансионистских целей. Они предпринимают новые и новые шаги по колонизации и аннексии арабских земель, захваченных еще в 1968 году. На сегодняшний день сионистами присвоено около 40 процентов земель на Западном берегу реки Иордан. Это почти в 5 раз превышает площадь, выделенную еврейскому государству резолюцией ООН о разделе Палестины.

Перечень преступлений сионистов можно было бы продолжить. Но и эти факты убедительно говорят о чело-веконенавистнической, шовинистической сущности сионизма.

Известный советский юрист, председатель Советской общественной комиссии по расследованию преступлений Израиля в Ливане В. Кудрявцев, выступая на международной конференции, состоявшейся по инициативе Генеральной Ассамблеи ООН в августе 1983 года в Женеве, сказал: «Мировое сообщество призвало к ответу нацистских преступников. Срок давности к ним неприменим. Думаю, что было бы надругательством над многочисленными жертвами среди ливанцев и палестинцев сказать, что, мол, война в Ливане прошла, давайте забудем ее результаты и ее виновников. Такой подход граничил бы с поощрением агрессоров. Мы ведь не забываем жертв германского фашизма, помним уроки и токийского процесса над японскими военными преступниками, помним трагедию Хиросимы и Нагасаки. Не следует забывать и события на Ближнем Востоке, более близкие к нам по времени. Виновники их должны понести наказание, тем более что преступления сионизма продолжаются и сейчас».

ПОСОБНИКИ МЕЖДУНАРОДНОЙ РЕАКЦИИ

Преступные действия израильских сионистов убедительно говорят о том, что сионизм — это крайне реакционная идеология и политическая практика. Однако было бы неверно рассматривать деятельность сионизма только через призму ближневосточных проблем и разного рода авантур политических деятелей Израиля.

Ныне сионизм выступает за укрепление политических, экономических и военно-стратегических позиций империалистических держав. С их помощью он откровенно осуществляет политическую и территориальную экспансию, выполняет задачи колонизаторов в странах Азии, Африки и Латинской Америки. Сионизм принимает активное участие в развязывании «холодной войны» империалистических держав против Советского Союза и других социалистических государств, в идеологической и политической подрывной деятельности против них.

Монополистическая буржуазия США сионистского и просионистского толка занимает важное место в национально-государственной экономической системе этой страны, является неотъемлемой частью финансово-промышленной олигархии. Совокупный капитал еврейской буржуазии в Соединенных Штатах превышает стоимость валового национального продукта страны и достигает 1000 миллиардов долларов. Только пять крупных инвестиционно-банковских объединений США, принадлежащих Лимэнам, Кунам, Лебам, Голдманам и Саксам, указывала авторитетная газета «Уолл-стрит джорнэл», владеют 23 процентами акций крупных компаний Соединенных Штатов; иногда эта цифра в зависимости от конъюнктуры достигает 40 процентов.

«Просионистские организации и отдельные лица в Соединенных Штатах,—отмечала газета «Крисчен сайенс монитор»,— платят большие суммы многим сенаторам и конгрессменам, чтобы влиять на их воззрения и на их голосование. Делается это не только в виде откровенных взяток. Подкупы выражаются в самых различных формах: в виде взносов на избирательные кампании, бесплатных поездок в Израиль, гонораров за явки и выступления на произраильских собраниях и т. д.».

Сионисты обеспечивают около 60 процентов всех предвыборных фондов демократической партии и около 40 процентов — республиканской. При этом, как показывает практика, сионисты могут одновременно финансировать как крайне правых, так и крайне левых, кого угодно, лишь бы в конечном итоге оказаться в выигрыше.

Не так давно в американском издательстве «Лоуренс хилл энд компани» вышла книга «Они осмеливаются высказываться. Людям и институтам противостоит израильское лобби». Ее автор — П. Финдли, бывший член палаты представителей конгресса США, на протяжении 22 лет представлявший в высшем законодательном органе этой страны один из избирательных округов штата Иллинойс. Тема книги — роль в американской политической жизни сионистского лобби. Кстати, надо заметить, что выходу работы Финдли предшествовали огромные трудности: многие американские издательства отказывались ее публиковать, что весьма показательно для пресловутой американской «свободы печати» и «демократии».

Повествуя о деятельности так называемого Комитета по американо-израильским общественным отношениям (АИПАК), поддерживающего тесные связи с более чем 200 сионистскими и еврейскими организациями США, автор книги замечает, что «комитет установил эффективный контроль практически над всей деятельностью Капитолия, касающейся ближневосточной политики».

В этом смысле показателен, например, такой факт. В октябре 1983 года у президента США Рейгана возникли определенные трудности в связи с его желанием сохранить в Бейруте контингент американских морских пехотинцев. Их присутствие там вызывало растущую критику на Капитолийском холме. Проблемы возникли даже в сенате, где сторонники Рейгана обычно имели большинство. Вот тогда-то президент и решил обратиться за помощью к сионистскому лобби, в частности к исполнительному директору вышеупомянутого комитета Т. Дайну. Последний отдал своим людям распоряжение позвонить колеблющимся сенаторам, оказать на них давление и помочь президенту принять решение, отвечающее интересам сионизма. В результате лоббистская машина сработала, что называется, безотказно.

Этот случай, по мнению бывшего американского конгрессмена, не только служит наглядным примером тесного сотрудничества Белого дома с произраильскими группировками, но и доказательством того, что вашингтонская администрация находится под большим влиянием сионистских организаций.

Излюбленный метод сионистов — духовный терроризм по отношению к тем, кто хоть в какой-то степени противостоит лоббистскому давлению. Показательна в этом смысле деятельность АИПАК по выпуску всевозможных заявлений, монографий, брошюр, листовок, в которых всячески дискредитируются противники сионизма. Одна из наиболее одиозных форм таких публикаций — многочисленные «списки врагов» сионизма; их, согласно указаниям комитета, следует преследовать, шантажировать, шельмовать.

В этой связи П. Финдли пишет: «Ясно, что многие американцы не чувствуют себя свободными в высказывании своего мнения по одному из наиболее сложных вопросов современности — арабо-израильскому конфликту. Относительно небольшое число тех, кто осмеливался вторгаться в эту область, обнаруживали, что сложив-

шийся в их сознании образ свободного и открытого общества — иллюзия. В отличие от других споров единомышленники (сионисты.— В. Т.) в области арабо-израильского конфликта не оставляют возможности выразить несогласие с ними. Единственная сторона, которую можно поддерживать безнаказанно,— это Израиль. Те же, кто критикуют его, встречают безжалостное возмездие и даже лишаются средств к существованию в результате давления со стороны одной или нескольких составных частей произраильского лобби». И далее автор отмечает: «Вместо оценки их аргументов и мнений критики Израиля неожиданно обнаруживают, что их мотивы, их честность и основные моральные ценности ставятся под сомнение. Независимо от того, насколько умеренна их критика, их могут назвать пешками «нефтяного лобби», апологетами арабского «терроризма» или даже «анти-сеμίтами».

Помимо духовного терроризма, сионисты считают необходимым практиковать и открытый террор, и выстрелы из-за угла, поджоги, уличные беспорядки. Эти действия призвана выполнять, в частности, «Лига защиты евреев», созданная в США в 1968 году и имеющая филиалы в ряде других стран. Под предлогом «защиты евреев» сионистские банды немедленно обрушились на негров, чем заслужили восхищение американских расистов. Затем последовали нападения на помещения компартии и других прогрессивных организаций США. Однако главной целью «лиги» является втягивание американского населения в оголтелую антисоветскую кампанию.

Главарь этой банды в своих печатных опусах призывает евреев всего мира срывать любые миролюбивые инициативы СССР, противодействовать экономическим и культурным контактам с социалистическими странами, вносить хаос и нервозность в международные отношения. Обстрелы постоянного представительства СССР при ООН, взрывы в зданиях советских учреждений в США, нападения на гастролирующих советских артистов — таков преступный почерк гангстеров из «лиги».

Располагая прочными позициями в экономической системе, сионистское лобби в США смыкается с лобби-стами военно-промышленного комплекса. Они совместно выступают за срыв советско-американских отношений во всех сферах, против разрядки, подхлестывают

военную истерию и гонку вооружений, разжигают конфликты в различных точках земного шара.

В ноябре 1983 года стараниями президента США Рейгана и премьер-министра Израиля Шамира был создан пресловутый американско-израильский военно-политический комитет. За истекший период он собирался неоднократно. Какие же проблемы волновали представителей госдепартамента и вооруженных сил двух государств? Разные, но только не проблема сохранения мира и ослабления напряженности в ближневосточном регионе. Переговоры, проходившие в обстановке секретности, носили ярко выраженный антисоветский и антиарабский характер. Речь шла, в частности, о том, чтобы добиться от арабских государств предоставления территорий для новых баз, которые бы Вашингтон хотел иметь вблизи южных границ Советского Союза. Немало внимания уделялось на переговорах и вопросам «сотрудничества», но опять же не в интересах мирного созидания и уж тем паче сохранения окружающей среды. Речь шла об использовании израильских баз для ремонта судов американского 6-го флота и осуществления совместных военных операций «в случае чего» (!). Вообще, предполагаемые мифические «чрезвычайные ситуации», за которыми военным стратегам США, как всегда, хочется видеть «руку Москвы», не раз оказывались в центре «заседателей» комитета. Американская сторона настаивала на том, чтобы усилить американско-израильское влияние в Иордании, Ливане, а также активизировать военное присутствие в Персидском заливе и восточной части Средиземного моря.

В прогрессивной печати разных стран, в высказываниях трезво мыслящих политических деятелей неоднократно отмечалось в этой связи, что политика военных авантюр и агрессивных приготовлений, проводимая правящими кругами Соединенных Штатов Америки, заслуживает самого широкого международного осуждения, так как она направлена против жизненных интересов всего человечества.

Не случайно поэтому, что Советское правительство сочло необходимым выступить с новыми предложениями о созыве международной конференции в целях мирного урегулирования ближневосточного кризиса. Советский Союз считает, что единственно правильным и эффективным путем для обеспечения кардинального ре-

шения конфликта на Ближнем Востоке является путь коллективных усилий с участием всех заинтересованных сторон, в том числе Сирии, Иордании, Египта, Ливана, Израиля, представителей ООН, а также СССР, США и других государств, которые могут или готовы внести положительный вклад в решение жизненно важной проблемы.

Эти предложения, как известно, встретили широкую поддержку как на Ближнем Востоке, так и во всем мире. Однако Израиль и его покровитель США демонстративно проигнорировали и новые мирные инициативы, и мнение прогрессивной общественности мира. Алжирская газета «Аш-Шааб» справедливо заметила, что Израиль и США отказываются от созыва международной конференции потому, что она лишает Вашингтон единоличного участия в решении ближневосточного кризиса и, следовательно, одного из средств установления господства в регионе, а Тель-Авив — создания новых военнизированных поселений на оккупированных землях и возможности захвата новых арабских территорий. Неудивительно поэтому, что сионисты и их союзники отнюдь не заинтересованы в том, чтобы в Ливане воцарились мир и спокойствие. Напротив, они делают все возможное, чтобы эта страна продолжала оставаться ареной кровопролитных внутренних конфликтов.

Сионисты пытаются установить контроль над всем еврейским населением планеты, навязать евреям всех стран «культурное и духовное» обособление. Немало усилий они прилагают и к тому, чтобы повсеместно сформировать из своих единомышленников так называемые «теневые правительства» или «институты консултантов», которые бы незаметно, но настойчиво оказывали влияние на политику властей страны проживания и тем самым содействовали бы деятельности международного сионизма, осуществлению его целей и задач. Сионисты пытаются убедить своих «последователей» в том, что для всех евреев законы Израиля и интересы сионизма — самое святое, что может быть, и поэтому они должны оставаться равнодушными к национальным интересам окружающих их народов и «смотреть на себя как на часть избранного народа».

Сионисты пытаются закрепить свои догмы и расистские теории в законодательных актах. Израильские власти еще в марте 1972 года протащили через кнессет по-

правку к уголовному кодексу страны, согласно которой распространили юрисдикцию Израиля на весь земной шар. Теперь по этой «поправке» посланцы Тель-Авива могут «законным» образом насильно захватить гражданина любой страны, привезти его в Израиль и судить за «ущерб безопасности или экономике Израиля».

Таким образом, деятельность сионистов затрагивает сферы международного права. Они требуют от евреев «двойной лояльности», причем в первую очередь лояльности к Израилю. Это требование предъявляется евреям независимо от согласия правительства страны, где они проживают. Кроме того, сионисты требуют международного признания статуса «единой еврейской нации», обязанной поклоняться «стране Сиона» и подчиняться двум центрам, где находятся руководящие органы Всемирной сионистской организации (ВСО): оккупированному израильянами Иерусалиму и Нью-Йорку. Они призывают признать за Израилем особую «интернациональную миссию» (так как он, дескать, «явление исключительное, не похож на другие государства»), а также особый статус для его дипломатических миссий за рубежом в целях поддержания постоянного свободного и самого широкого контакта с евреями. Они говорят о «прямом долге» евреев создать так называемый «фронт безопасности Израиля», подобный пресловутому «корпусу мира».

Итак, сионисты выступают под флагом защиты «прав человека», «либерализации общественно-политических режимов», а сами насаждают расизм, беззастенчиво попирают элементарные права человека, сотрудничают с самыми реакционными кругами, с оголтелыми сторонниками «холодной войны», развращают нравы и мораль, игнорируют общепринятые международные нормы.

Борьба с сионизмом — это борьба против расизма, крайне реакционного буржуазного национализма, политического и военного авантюризма, против агрессии, борьба против растлителей человеческих душ, против тайных и явных подрывных организаций.

Владимир ТУГАНОВ

ДРУГИМ БЫТЬ НЕ МОГУ!

...Пожалуй, мне следует объяснить, почему вдруг взялся писать эти страницы. Начать же придется изда-лека, вернувшись памятью лет на десять назад.

1

Сначала здесь был пустырь, изъеденный глубоким оврагом. Потом строители засыпали овраг. Мы приезжали сюда с Левой, пытаюсь угадать, где вырастет «его» дом. Прошло всего полгода, и я помогал своему приятелю выгружать вещи на бывшей московской окраине, проросшей по весне многоэтажными параллелепипедами.

Если вы обратили внимание, отношения между соседями в новых домах складываются по двум прямо-таки противоположным схемам: или соседи на долгие годы так и остаются людьми незнакомыми, позволяют себе лишь сухо раскланиваться друг с другом в лифте, либо с первых же дней становятся друзьями: знают друг друга по имени-отчеству, искренне интересуются здоровьем, успехами на работе, детьми... Второй тип отношений почти безошибочно свидетельствует о том, что знакомство соседей произошло в первые суматошные дни заселения дома: иного столь благоприятного случая для общего массового знакомства обычно не возникает.

Этот же дом, ибо дело было в предпраздничные дни, заселялся дружно. Новоселы вынужденно перекуривали в ожидании грузового лифта, вместе запихивали в него шкафы и диваны. И знакомились. Даже потом, когда я приходил сюда в гости, помня те горячие веселые часы заселения, многие по-прежнему здоровались со мной.

А через некоторое время после Левиного новоселья я отправился в длительную командировку в арктические моря, писем там не получал, да и о себе сообщал в Москву лишь короткими радиogramмами. Когда же вернулся домой, то выяснил, что, во-первых, у Леви все еще нет домашнего телефона и, во-вторых, что на старой работе приятель мой взял расчет. Так что в один из выходных дней я без всякой предварительной договоренности отправился к нему в гости.

У подъезда сидели знакомые женщины. Я торопливо раскланялся, пытаюсь поскорее проскочить в подъезд, ибо вовсе не расположен был вступать в обязательные при подобных встречах вежливые расспросы-ответы. И проскочил бы, не останови меня неожиданный — как удар в спину — вопрос: «Что же он, приятель-то твой, нашел в этом Израиле? Какая нелегкая понесла его туда?»

Так я узнал, что Лева больше не живет в Москве — переселился в приграничный израильский кибуц¹, где (впрочем, без особого успеха) пытается совместить свои навыки художника-дизайнера с умением готовить кормовую смесь для коров. А в новой московской квартире остался доживать свои дни его старый отец — он отказался последовать за сыном.

Что мог я ответить бывшим Левиным соседям? Как объяснить такое?.. Жили рядом несколько десятков семей. Кто лучше жил, кто хуже. Но жили именно в своем доме. По случаю выручали друг друга то шепоткой соли, то буткой хлеба, иногда даже забывая представиться — просто из одного дома. Представляясь же, называли друг другу имя-отчество, но не национальность... Национальность оставалась вне повседневных интересов, не имела ровно никакого значения. И вдруг выясняется: для кого-то имела. Лева, «оказавшийся» евреем (при всей своей вполне «московской» внешности и пространенной, кстати, фамилии), упаковал чемоданы и отбыл. На «историческую родину», как объяснил он соседям. Жил-жил и отбыл. Выходит, только внешне он был «как все», а на самом деле... Но почему же тогда Левин отец не только отказался уехать в Израиль, но и просто проводить сына? Как понять, объяснить как все это?

¹ Так в Израиле называют сельскохозяйственные поселения.

...Теперь к той окраине подходит метро, в квартирах недавних новоселов появились телефоны, и, говорят, в кварталах зацвели по весне в первый раз каштаны... Чужие люди похоронили Левиного отца, и я больше не бываю в том районе. Но вопрос бывших Левиных соседей помню. И понимаю, что ответить на него необходимо.

Впрочем, рассказывая в свое время в печати о судьбах некоторых бывших советских граждан еврейской национальности, я попытался на конкретных примерах показать, как готовятся и осуществляются идеологические диверсии против советских людей, какие попытки предпринимаются Западом для того, чтобы посеять в нашем обществе национальную рознь и недоверие. Но ведь жильцы того дома если и читали мои очерки, то уж наверняка и в глаза не видели, скажем, Щаранского, уличенного в шпионаже, слухом не слыхивали о Слепаке, распространявшем среди западных журналистов клевету о нашей стране, о Нудель, обвинившей своего отца (геройски погибшего в годы Великой Отечественной войны в Сталинграде) в том, что он-де не воспитал ее в «еврейских традициях»... С этими вроде бы все ясно. А вот с Левой? Его соседей, сослуживцев, знакомых мучило недоумение: он-то что поехал туда, что побудило его?

От Левиного отца я узнал, что мой приятель, прежде чем перебраться в Израиль, в течение нескольких месяцев посещал своего рода «еврейский клуб», или иначе — кружок по изучению древнееврейского языка иврита — «ульпан», как он его называл. Что это было на самом деле, старик толком не понял, да и знать не хотел: ему, бывшему красногвардейцу и участнику Великой Отечественной войны, все эти «националистические штучки» казались блажью, а проснувшееся вдруг в сыне горячее желание изучать иврит и «истины» иудаизма — «форменным идиотизмом». Кто-то из новых «друзей» и «организовал» Лева вызов из Израйля.

Об «ульпанах» я был наслышан достаточно. Еще Ида Нудель подробно рассказывала мне, как в большинстве из этих «кружков по изучению иврита, иудаизма и истории Израйля» откровенно культивируется дух национализма, национальной исключительности и обособленности. Для чего — об этом некогда без обиняков разъяснил в своей статье, подготовленной для проси-

онистской западной печати, близкий друг и духовный наставник этой женщины Лернер. Он писал: «Мы должны попытаться спасти и сохранить каждого еврея как сына еврейского народа (в интерпретации Лернера это значит — как человека, настроенного непременно просионистски, денно и ночью мечтающего о «земле обетованной». — В. М.). И мы не имеем права хоронить надежду на успех этой миссии до тех пор, пока в СССР останется хотя бы один еврей».

Оставлю на совести самозванного «миссионера» столь непрошеную и горячую «заботу» обо мне и тысячах других советских граждан. Но что значит на деле «сохранить каждого еврея как сына еврейского народа» и, главное, ради чего и по чьему заданию «сохранить», поясню, коли сам автор приведенных слов постеснялся об этом сказать.

Как-то в одной книжке, напечатанной в Израиле, я натолкнулся на рассуждения некоего Пинхаса Гиля, известного мне до той поры лишь в качестве постоянного сотрудника сионистского журнала «Израиль сегодня», издаваемого в Иерусалиме. Как бы продолжая и развивая мысль Лернера, он говорил: «Для того чтобы быть хорошим евреем, необходимо делать массу разных вещей. В частности, уехать из России...»

Вывод же этот «постигается» в первую очередь именно в «ульпанах», где и проходят первоначальную подготовку те, кто хочет «сохранить» себя как «сына еврейского народа» (по Лернеру) или же «остаться хорошим евреем» (по Гилю), а проще — уехать в Израиль. Но таких, как вынуждены признать даже руководители Израиля, становится все меньше, «катастрофически» меньше. Сошлюсь хотя бы на заявление, сделанное в первых числах января 1986 года первым заместителем премьер-министра Израиля Ицхаком Шамиром перед делегатами Всемирного съезда еврейских студентов. Лидер право-сионистского блока «Ликуд», по сообщению «Голоса Израиля», высказался так: «Мы должны помочь евреям Советского Союза осознать свое еврейство, а потом добиваться их репатриации в Израиль».

Это была откровенность по крайней необходимости. Шамир, надо иметь в виду, выступал перед представителями сионистских молодежных организаций; он, ставя перед ними стратегическую задачу, вынужден был дать объективную оценку сложившейся ситуации; пос-

ледняя же заключается в том, что советские евреи в массе своей, вопреки многочисленным уверениям западной прессы, вовсе не спешат стать израильянами. Отсюда и вытекает «насушная» задача — помочь им осознать свое «еврейство» (для Шамира, по установившейся уже традиции, это синоним «сионизма»). Вот для чего и нужны сионистам «ульпаны», которые они хотят представить лишь как безобидные кружки по изучению иврита. Но уши мифического Мидаса обладают удивительной способностью: их не спрячешь...

«Что такое ульпан?» — задает вопрос один из недавних номеров журнала «Израиль сегодня» и отвечает: «Задачи ульпана ограничены. Он может дать лишь самые необходимые знания иврита... Но и это очень важно. Иврит связывает нас со страной и народом. Может быть, это и есть самое главное... Итак, ульпан — не только место изучения иврита. Ульпан — это и символ возвращения людей в свою страну к своему народу». Гилель Бутман, осужденный в начале 70-х годов в Ленинграде за попытку угона самолета гражданской авиации и оказавшийся после отбытия наказания в Израиле, откровенничает в своей книжке, изданной недавно в Иерусалиме, о подготовке к операции «Свадьба» — так воздушные пираты окрестили задуманную ими бандитскую акцию, которая, к счастью, была пресечена органами государственной безопасности. Он пишет, в частности: «Ульпаны — неофициальные группы по изучению еврейской культуры и языка — стали оптимальной формой, позволяющей... концентрировать молодежь в группах, находящихся под влиянием организации... Ульпаны стали базой кадров... За время обучения люди приходили от эмоционального сочувствия Израилю к идее необходимости собственного выезда в страну... Мы боролись с существующим в СССР режимом на узком фронте...»

Да и сам Пинхас Гиль подробно рассказывает об «ульпанах» и «семинарах», которые стали для него, как он считает, «сионистскими университетами». Вспоминает он, между прочим, и «ульпан» некоего Авиغدора Левита. Это показалось мне интересным. Тут ведь вот какое дело: в подавляющем большинстве своем и «ульпаны», и «семинары», с одной стороны, насаждают среди своих слушателей откровенный дух махрового национализма, а зачастую и открытого антисоветизма, а с дру-

гой — очень важно! — информацию о самом Израиле выдают крайне однобокую, «витринную», далекую от действительности.

А. Левит, с которым мы провели за беседой несколько часов, объяснил мне: «Преподавателям ульпанов отведена определенная, чисто пропагандистская роль «ловцов душ», и не более... В конечном счете ульпаны приносят Израилю только вред: прошедшие через них люди получают превратное представление о государстве».

Так-то оно так, превратное, да не в том задача, чтобы познакомить «пойманные души» с израильской действительностью (так ведь и вообще улова можно лишиться), а в том, чтобы заманить, поставить перед свершившимся фактом. А потом уже смотреть-прикидывать, нужен ли израильскому государству новый иммигрант, и если нужен, то в каком качестве? Это как во время браконьерского лова рыбы сетью с мелкой ячейей: крупная рыба — к столу, мелочь всякая — на помойку. Вот об этом и рассказывал мне Левит. Рассказывал, ибо он, в отличие от других преподавателей, берет в свой кружок лишь тех людей, которые, по его признанию, не только согласны принять «израильский образ жизни», но и в состоянии «вписаться» в него — «послужить сионизму» не только самим фактом выезда из СССР, но и действенным участием в укреплении сионизма. Я так и не смог уяснить до конца, какими принципами отбора руководствуется мой собеседник, как определяет он пригодность «душ» к будущей израильской жизни, но уже сам подход к «проблеме» вызвал на Западе ярость, и сионистская печать обрушила на голову строптивого Левита ушаты помоев, обвинив его в «предательстве еврейских интересов», заключающихся, по мнению хозяев этой прессы, именно в том, чтобы выманить из Советского Союза как можно больше людей. Любыми способами, но как можно больше. О каком «отборе» можно вести речь, о какой «сортировке», если сионисты донельзя обеспокоены мельчающим из года в год потоком новых «олим»¹.

По словам Гиля, живя в Советском Союзе (тогда его еще звали Пашей Гельманом), он охотно принимал участие в наиболее экстремистских выходах «еврейских

¹ Так в Израиле называют новых граждан, прибывших туда на жительство из других стран.

активистов», за что даже был осужден на 15 суток. Так это или нет, я не знаю, только кое-кто, оказавшись в Израиле, придумывает себе биографию и «похлеще»: уголовник представляется «борцом за демократию», мелкий пакостник лезет в «водители». В свое время один из бывших приятелей Слепака, который по его заданию поддерживал контакты с антисоветски настроенными западными корреспондентами, рассказывал мне, что ни сам Слепак, ни тем более кто-то на Западе никогда не подвергали сомнению или проверке рассказы «борцов за права человека в Советском Союзе», какими бы фантастическими они ни казались. Слепак, например, поведал однажды миру, как «чекисты» бросили его в «бетонный мешок», пол которого был утыкан гвоздями, а Нудель с иронией пересказывала мне свое интервью одному из западных корреспондентов (кстати, опубликованное), в котором утверждала, что ее — разумеется, за приверженность к сионизму — пытались неоднократно... отравить... Трудно удержаться от улыбки, знакомясь с подобными «историями»: все они рассчитаны на откровенно глупых людей. А вот то, что в Израиле Гиль примкнул к наиболее реакционным кругам, факт. Во всяком случае, он, как сообщается в аннотации к его книжке, активно участвует «в различных мероприятиях «Гуш эмумим», то есть крайне правого, экстремистского движения, выступающего за безусловное и бескомпромиссное включение территорий, захваченных у арабов, на веки вечные в состав Израиля. Арабы, палестинцы для Гиля — вовсе не люди, во всяком случае, он не желает даже обсуждать самую возможность возвращения их на родную землю...

Впрочем, Пинхас Гиль — крайний продукт «ульпанистского образования» (поэтому-то я и рассказываю сейчас так подробно о нем) — презрительно относится не только к арабам, но и к тем евреям, которые отличаются от него оттенком кожи, историческим прошлым, политическими взглядами. Ибо, как он заявляет, «чтобы жить в Израиле, нужно быть не просто евреем, а несколько особым евреем... Не каждому место в Израиле». Он вовсе не скрывает, что сефарды (выходцы из африканских стран) для него — люди второго сорта, что «большинство советских евреев — это слабые для еврейства люди». «Слабые» в том смысле, что не могут и не хотят принять и разделить его профашистскую по-

зицию, выступают против теории и практики сионизма. Впрочем, советским людям и дела нет до того, как оценивает их «особый еврей» Паша Гельман. А вот немало израильтян, судя по всему, обеспокоены практикой, проводимой экстремистскими организациями вроде «Гуш эмуним» или «Ках»¹. Они не себя, а именно таких, как Гиль, считают лишними в Израиле.

Во время XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве мне посчастливилось встретиться и беседовать с членом Политбюро ЦК Компартии Израиля Б. Гоненом. Товарищ Гонен рассказывал, что все больше и больше различных израильских общественных организаций поддерживают сейчас лозунг «Еш гвуль» («Есть предел»). Это движение выступает за возвращение к границам, существовавшим до захватнической войны Израиля, развязанной им в 1967 году. Молодой израильский инженер-строитель Салем Слиман так объяснил мне причины определенных сдвигов в сознании израильтян: «Израильские юноши начинают понимать, что им нечего делать ни в Ливане, ни в других арабских странах. Что мир — это хорошо для всех израильтян вообще, а для молодежи — в особенности. Эту идею поддерживают многие евреи из рабочих районов. Мы постоянно ведем разъяснение, что война отрицательно сказывается на экономике. Большое впечатление производит и то, что среди израильтян много погибших. Люди погибли, и никто не может объяснить, ради чего их не стало...»

По словам Слимана, во время ливанской войны в антивоенных демонстрациях, направленных против безумной политики сионистского правительства Израиля, приняло участие около 400 тысяч израильтян. В связи с этим вспоминаю еще одну фестивальную встречу — с приехавшим в нашу страну в составе делегации Международного союза молодых социалистов функционером организации «Молодежь МАПАМ»² Джоном-Харольдом Гольдбергом. Во время нашей беседы Гольдберг вынужден был признать: «Мы понимаем, что Израилю придет-

Расистская группировка, созданная раввином Кахане. Ее деятельность отличается правоэкстремистскими террористическими акциями.

² МАПАМ (Объединенная рабочая партия Израиля) — одна из сионистских партий, образующих блок МААРАХ. До 1977 года этот блок был правящим. К власти вернулся (вместе с блоком «Ликуд») в результате досрочных выборов 1984 года.

ся отвести свои войска — примерно к границам 1967 года. Но,— спохватился он,— мы не рисуем карт, и о границах существуют разные мнения».

У меня есть все основания предполагать, что Джон-Харольд высказал скорее личное мнение, чем взгляд руководителей своей организации. Высказал достаточно осторожно. Но, видимо, и подобная степень откровенности показалась присутствовавшему при нашей беседе генеральному секретарю организации «Молодежь МАПАМ» Рану Хакиму недопустимой. Во всяком случае, продолжить беседы с Гольдбергом мне не удалось. Но к той, что состоялась, мы еще вернемся.

Разумеется, пока рано делать выводы о влиянии прогрессивных сил на политическую жизнь Израиля. Там по-прежнему еще сильны шовинистические, милитаристские настроения. Об этом свидетельствует тот факт, что, например, на последних выборах в кнессет получил депутатский мандат не кто иной, как Кахане. Но по наблюдению Биньямина Гонена, «война в Ливане и ее последствия для Израиля — в экономическом, социальном, международном планах — изменили политическую обстановку в стране в плане тенденций. Сейчас в стране — в политическом, социальном, экономическом планах — уже далеко не то положение, что было до начала ливанской войны».

Вице-президент израильской «лиги защиты прав человека и гражданских прав» Фелиция Лангер, адвокат по профессии, писала недавно об одном из процессов над группой сионистских террористов, готовивших массовые убийства палестинцев (дело приняло столь громкий оборот, что правительство Израиля вынуждено было согласиться на судебное слушание): «Это карикатура, это позор. Приговоры просто смехотворны: один из террористов осужден на полтора года, а он привез 40 мин, чтобы устроить взрыв в мечети при скоплении людей! Их руки уже в крови, они убивали студентов-арабов и палестинских мэров. И — полтора года!..»

Собственно, в этом деле был применен трюк, достаточно хорошо отработанный израильскими правителями за многие годы: когда то или иное преступление сионистов получает очень широкую общественную огласку, то властями создается видимость судебного разбирательства и наказания. Именно видимость...

Летом 1985 года Фелиция Лангер была гостем Советского подготовительного комитета XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Она привезла в Москву фотографию двери своей адвокатской конторы в Тель-Авиве. На ней фашиствующими молодчиками выведена оскорбительная надпись в адрес этой женщины, ей угрожают расправой, если она не прекратит своей деятельности. «Не берусь подсчитать, сколько было подобных угроз в мой адрес,— рассказала Лангер корреспонденту одной из советских газет.— Власти смотрят сквозь пальцы на такие выходки. В полиции, когда я показала этот снимок, мне лишь посоветовали быть более осторожной...»

Не знаю, полностью ли отбыли, и отбывали ли вообще, наказание вышеупомянутые террористы. Но вспоминается другая история, может быть, первая в цепи подобных.

Ранним утром 29 октября 1956 года израильские парашютисты высадились на Синайском полуострове, а через несколько часов во всех арабских деревнях, расположенных на территории Израиля, был введен комендантский час. Офицер израильской пограничной охраны объявил об этом старосте деревни Кафр Кассем лишь в 16 часов 30 минут — за полчаса до наступления комендантского часа, предусматривавшего, что во время него все крестьяне обязаны были находиться в своих домах. Но к этому моменту около 400 жителей деревни еще работали на своих полях, они ничего не могли знать о приказе властей, что староста и попытался объяснить офицеру. Но тот не стал слушать. А вскоре на окраине деревни раздались выстрелы: израильские пограничники расстреливали крестьян, возвращавшихся с полевых работ. В тот день ими было убито 47 человек, в том числе 9 женщин и 7 детей.

Израильское правительство не смогло замять это преступление, и под следствием оказалось 11 военнослужащих. Вынесенный судом приговор — и без того более чем мягкий — сначала «подкорректировал» высший военный суд, затем срок наказания был уменьшен начальником генерального штаба израильской армии, а потом — президентом Израиля. В результате уже через год все убийцы оказались на свободе. А еще через некоторое время бывшего лейтенанта Дахани, непосредственно руководившего расстрелом мирных арабских крестьян, назначили...

чиновником, отвечавшим за арабские дела в муниципалитете израильского города Рамаллах.

Подготовка массовых взрывов в мечетях, убийство арабских студентов, расправы с палестинскими мэрами и... полтора года заключения! Чем же объяснить такую «отеческую» снисходительность правосудия? «Кто эти террористы, почему в полиции к ним относятся как к героям, почему даже в тюрьме им создают привилегированные условия? — задает вопрос Ф. Лангер и отвечает: — Все очень просто и страшно одновременно. Они принадлежат к движению «Гуш эмумим» — ярых сторонников колонизации оккупированных земель».

Вот какую компанию выбрал себе бывший Паша Гельман, радетель за «возвращение к еврейству», поклонник «сильной руки». Я ведь, повторяю, не случайно так много пишу о нем. В том же Израиле, где, как мы знаем, все еще очень сильны расистские, шовинистические и националистические настроения, культивируемые сионистской пропагандой, наряду с этим крепнут и силы, противодействующие сионизации населения государства. Так, более 2 тысяч солдат отказались служить в Ливане, за что многие из них были брошены в тюрьму; все более широкую поддержку у трудящихся вызывает деятельность таких антивоенных общественных организаций, как «Комитет против войны в Ливане», «Мир сегодня», «Есть предел», «Комитет солидарности с университетом Бир-Зейт». Я храню как дорогую реликвию подаренную мне израильскими коммунистами наклейку — на желтом овале черная надпись на иврите: «Не говори потом, что ты ничего не знал». С этим призывом, обращенным к сознанию каждого израильянина, к его личной ответственности за судьбы мира, коммунисты вышли на демонстрацию, направленную против фашиствующей группировки депутата кнессета Кахане. Кстати сказать, эти слова — только на немецком языке — хорошо известны и антифашистам ФРГ, они стали и их призывом к памяти и личной ответственности сограждан. Это не случайное совпадение. Биньямин Гонер рассказывал мне, что в Израиле вышла книга Я. Котлера, автора весьма далекого от левых убеждений, посвященная деятельности Кахане. Так вот, в ней на нескольких страницах дается текстологический анализ гитлеровской «Майн кампф» и «учения» Кахане. Совпадение поразительное. Речь даже не о вариациях одной «темы», а о дословном переводе...

Так что сегодня призыв «Не говори потом, что ты ничего не знал» одинаково актуален и в ФРГ, где достаточно привольно чувствуют себя и бывшие нацисты, и нынешние неонацисты, и в Израиле, где в кнессет избираются люди, подобные бесноватому раввину...

«Но было бы неправильно представлять все происходящее в Израиле в черном цвете,— говорил в своем выступлении на XXVII съезде КПСС Генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Израиля Меир Вильнер.— Мы действуем не в пустыне. Ширится сопротивление политике агрессии и экспансии, которая угрожает и будущему Израиля. Усиливается борьба трудящихся. Стало массовым движение против распространения расизма и опасности фашизма».

...Есть несомненная закономерность в том, что большинство так называемых «еврейских активистов», оказавшись на Западе — будь то Израиль или Соединенные Штаты Америки,— проявляют себя как наиболее оголтелые ненавистники истинных человеческих прав и свобод, элементарной демократии. В свое время Дм. Шапиро, привлеченный в нашей стране к уголовной ответственности за распространение клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, признался, что его критическое отношение к своей прежней деятельности и к тем, кто направлял ее, в значительной степени формировалось под влиянием наглядных примеров того, что «еврейские активисты» почти непременно в конце концов в своих политических симпатиях скатываются вправо, берут в «кумиры» именно таких деятелей, как Кахане, Пиночет... Думаю, что механизм человеческого регресса здесь вполне ясен: встав однажды на путь обмана и предательства, а то и тягчайшего преступления, люди эти тем более истово служат самым черным, наиболее реакционным силам, чем более зависят от них. Обратимся хотя бы к истории — в этом смысле весьма показательной — человеческого падения Эдуарда Кузнецова и Гилеля Бутмана, пытавшихся, как уже упоминалось, организовать в начале 70-х годов (по согласованию с Израилем, как признал впоследствии Бутман) угон советского самолета гражданской авиации. Готовясь к разбойному нападению, они и еще несколько человек запаслись огнестрельным оружием, резиновыми дубинками, кастетами... О «подноготной» подготавливавшегося преступления сви-

детельствуют и документы дела № 15 Следственного отдела Ленинградского управления КГБ, и многие страницы книги Бутмана, опубликованной в Израиле (часть из них приведена в известной «Белой книге», подготовленной Антисионистским комитетом советской общественности и Ассоциацией советских юристов¹). Ныне воздушный пират Эдуард Кузнецов, сменивший резиновую дубинку на микрофон, разъезжает по Израилю и Соединенным Штатам Америки с лекциями о... «нарушении прав человека в Советском Союзе», а Гилель Бутман, который тайком изготавливал эти дубинки, пытается заработать себе кусок хлеба на «земле обетованной» публичными выступлениями против прав трудящихся Израиля на забастовки. Напомню, что Бутман, как и упоминавшийся Гельман, именно в «ульпане» получил «сионистское образование», приведшее его к тягчайшему преступлению. «Ульпаны», как сообщается в предисловии к мемуарам этого воздушного пирата, «открыли новый мир перед теми, кто еще недавно считал своими героями... Александра Невского и Дмитрия Донского, Петра Первого и декабристов...»

Так что нужны, очень нужны сионистским правителям Израиля «крепкие ребята» вроде Гельмана-Гиля и подобных ему. На их поиски, на воспитание их и нацелены «ульпаны». «Крепкие ребята» нужны Израилю как «пушечное мясо», для осуществления политики агрессии...

Во что обернулось для сотен и сотен людей знакомство с «ульпанами» и «семинарами», можно судить хотя бы по тем письмам, которые приходят нынче со всех концов света в наши государственные и общественные организации от бывших советских граждан, поверивших некогда в свою принадлежность к мифическому «богоизбранному народу», в свою «национальную исключительность».

Я понимаю, как дико звучат для читателя, неискушенного в идеологических диверсиях западных спецслужб, все эти разговоры о «богоизбранности», «национальной исключительности», «врожденном» стремлении к «своей среде»... Ну действительно, разве можно в наш XX век строить на этих разглагольствованиях пусть даже

¹ Белая книга: Новые факты, свидетельства, документы.— М.: Юрид. лит., 1985, с. 93—96.

и откровенно грубую идеологическую диверсию? «Фундамент»-то слишком ветхий... Однако послушайте, что пишет по этому поводу израильский специалист в области буржуазной идеологии Яков Кац: «Национализм — это превращение этнических факторов в основные ценности. Отличительной чертой современного национализма служит возведение этих качеств в разряд высших, а может быть, и единственных ценностей».

Дополняя и конкретизируя эти несколько «академические» рассуждения, некий профессор Моше Гитерман подготовил в Израиле «письмо советским евреям» (оно там издано брошюрой и нелегально переправляется в нашу страну). В этом «письме», больше похожем на инструкцию, есть такие строки: «Не очень-то просто, когда... вы или ваши дети живете в одном мире, а ваши чувства и сердца — с еврейским народом в Израиле... Готовясь к алие (по сионистской терминологии, к переезду в Израиль.— В. М.), имеет смысл приобщаться к еврейской истории, религии, языку, обучать всему этому своих детей...»

«Приобщайтесь и вы»,— говорила мне в свое время и Ида Нудель, приглашая побывать в кружках, где собираются те, кто решил покинуть нашу страну...

Стоп! Вот, собственно, и ответ на вопрос, вызвавший наше недоумение: не на всех советских людей рассчитаны все эти статьи и послания, а именно на тех немногих, кто уже заглотнул или собирается заглотнуть внешне столь безобидную сионистскую паживку об «израильском рае» — поверил, что право на «исключительность» дается по рождению, именно по его рождению, а все жизненные невзгоды — результат-де исконной враждебности и зависти «гоев» (так сионисты презрительно называют всех неевреев). Какой, казалось бы, незначительный, безобидный, прямо-таки малюсенький шаг в сторону от человеческого многовекового опыта! И «всего-то» тут делается «почти незаметное» допущение: что братство и равенство могут быть достигнуты не на классовых, а на расовых началах... Но стоит — пусть на мгновение — допустить, что не классовое чувство, а именно националистическое — наивысшая в мире ценность и мера, как уже само собой на подходе откровенно шовинистическое утверждение: именно мой национализм — национализм самый что ни на есть избранный. А потому-де ему все и дозволено.

Собственно, навязывая гражданам различных стран эту примитивную и коварную схему, сионисты не делают вовсе никакого открытия: так же точно поступали и национал-социалисты в Германии 30-х годов, на том стоят на Западе и неонацисты 80-х... Гитлер, исходя из догматов национал-социализма, требовал уничтожить миллионы и миллионы людей «низшей расы». Один из «отцов» сионизма Макс Нордау, размышляя о судьбах арабов (это было задолго до того, как ООН приняла решение об организации на территории Палестины двух государств — еврейского и арабского), говорил: «Низшая раса скоро погибнет совсем. Я не вижу для нее никакого спасения». По меткому замечанию американского профессора Мориса Коэна, «сионисты разделяют идеологию антисемитов в ее основе, делая при этом лишь иные выводы: вместо тевтона у них еврей, представляющий наиболее чистую и высшую расу».

А что такое на деле «националистическая вседозволенность», мне довелось услышать в кулуарах одного международного симпозиума. Молодая черноволосая женщина, приехавшая из Тель-Авива, долго и подробно рассказывала своим собеседникам о «пацифизме израильтян», «историческом миролюбии и терпимости израильского правительства». И когда один из слушателей задал ей вопрос, а как же быть тогда с жителями Сабры и Шатилы, как соотнести их гибель с «израильским национальным и государственным миролюбием», женщина эта ровным и спокойным голосом ответила так (воспроизвожу дословно):

— А что нам оставалось делать? Арабские террористы попрятались среди мирного населения, в мирных домах. Как мы могли отличить, кто враг, а кто к нам лоялен? Никакой другой возможности, как уничтожить всех, у нас не было.

Это, так сказать, результат — в мыслях и в действиях — «националистической вседозволенности», воспитываемой в гражданах Израиля. А теперь позвольте для сравнения привести другой пример — слова, сказанные мне прилежной воспитанницей «ульпанов», ревностной поклонницей всего «национального» (беру в кавычки, ибо в устах моей собеседницы это однозначно обозначает «националистического») Идой Нудель. Разговор у нас шел о поголовном уничтожении в 1948 году молодчика-ми Менахема Бегина — будущего израильского премьер-

министра — арабской деревни Дейр-Ясин; тогда погибло свыше 250 крестьян — в основном стариков, женщин, детей.

— Действительно, — сказала Нудель, — был такой случай, когда отряд израильтян поголовно уничтожил арабскую деревню... Арабов резали, кололи, били пистолетами, я не знаю, что еще... Но арабы тогда просто вывели из себя наших мальчиков...

Какое пугающее совпадение мыслей, слов даже! И интонация — спокойная, будто и не о жизнях людей шла речь!..

В Антисионистский комитет советской общественности из небольшого литовского городка пришел толстый пакет. В нем были письма, которые некий Виктор К. (фамилию его полностью называть не буду, дабы излишне не осложнять и так непростую его жизнь в Израиле) отправлял своим родственникам в Советский Союз.

«Яша, Гугля! Вернувшись с ливанской «войны», я убедился, что живу среди фашистов. Отношение СССР к Израилю в связи с проблемой палестинцев верно. Кавычки поставлены, так как это война хулигана (Израиль) против существа, отстаивающего свое законное право на родину... В последнюю неделю в армии именно нашу роту направили охранять лагерь пленных палестинцев (ООП). Это настоящий Освенцим. Место называется Рамат Арнон, на юге Ливана. Это огромный концлагерь, где убивают палестинскую нацию... Я дежурил там один раз и видел страшные вещи... Многие солдаты из охраны счастливы присоединиться к военной полиции, надзирающей в лагере, взять дубину или просто прикладом или ногами избивать пленных сколько хочешь...»

Даже из этого коротенького отрывка (а я опустил куски из послания Виктора К., в которых он подробно описывает нечеловеческие пытки, свидетелем которых он стал в этом лагере уничтожения) явствует со всей ужасающей очевидностью, во что на практике выливается «националистическая вседозволенность», как растлевают она души израильтян.

...Конечно же Ида Нудель, Пинхас Гиль, подобные им — это законченный продукт «образования», полученного в «ульпанах». Того самого «национального (то есть националистического. — В. М.) образования», получив которое кое-кому, как мы читали, хочется «взять дубину

или просто прикладом или ногами избивать пленных сколько хочешь», коли эти пленные — палестинцы.

Ну а если не брать крайности... Я все время мыслями возвращаюсь к своему приятелю, рассказом о судьбе которого и начал эти заметки. Не могу поверить, что Лева — даже и уезжая из Советского Союза — был способен разделить столь реакционные взгляды. Но в то же время... ведь уехал. Значит, поверил в свою «богоизбранность». Значит, в конце концов, как и Виктор К., мог оказаться и среди оккупантов, и среди охранников концлагеря...

В каком «ульпане» успел побывать Лева? Какой «еврейский клуб» стал для него «первым классом» на пути к выезду, наверное, никогда не узнаю. Собственно, какой именно — даже и не существенно. Значительно важнее понять другое: где было начало? То начало, которое для многих достаточно скоро оборачивалось концом.

Как это часто бывает, помог случай. Позвонил мне один из читателей и сообщил: если меня интересуют «чисто еврейские знакомства», я могу обратиться за помощью к некоему Натану Евсеевичу Файкину. Я разыскал этого Файкина, мы встретились — и с ним, и с его «активистами», как он называл некоторых отличавшихся особым рвением «учеников». Я попытался понять, что же все-таки стоит за их «позициями»? Насколько, если можно так выразиться, файкинская ботва соответствует корневичу?

Мы спорили, а я ловил себя на мысли, что, встретиться мы с Левой накануне его отъезда, я услышал бы, вероятно, от него те же самые слова о «тяге к своей среде», «вечном антисемитизме», «уникальности исторических судеб евреев»... Нет, Натан Евсеевич вовсе не ратовал за «возвращение» на «землю отцов». Но при этом был за некое «национальное возрождение», за всемерное обособление евреев среди людей других национальностей СССР.

В файкинском «клубе» — в этом было, пожалуй, его главное и формальное отличие от известных мне «ульпанов» и «семинаров» — собирались люди более чем разные. Во всяком случае (я это видел), далеко не все из них готовы были или собирались связать свою судьбу с националистически настроенными лицами, чтобы в конце концов покинуть Советский Союз в поисках «исторической родины» или «западных свобод». Впрочем, приходи-

ли сюда и те, кто хорошо был известен явно просионистскими настроениями и не считал нужным скрывать их. Но таких все-таки было меньшинство, таким здесь было уже неинтересно. Многие же из тех, кто приходил на эти сборища (а собирались на квартирах), как пояснил мне один из «активистов клуба», просто «стремились к еврейской среде, к еврейскому общению».

Такой «клуб» интересовал меня как предмет возможного литературного и социологического исследования. С «ульпанами» и «семинарами» все просто, кого и для кого они готовят — тоже ясно. Но «клуб», подобный организованному Файкиным... Многим из приходивших сюда он казался даже в какой-то степени респектабельным. То, как обставлялись «встречи», их внешняя безобидность более всего и вызывали беспокойство. Ибо, как я понимал (и чего до поры до времени не понимали многие из «посетителей»), в основу «клуба», как ни крути, был положен тот самый «кирпичик», что лежит и в основе идеологического и политического построения, называемого сионизмом. А именно — навязчивое внедрение, потом закрепление в сознании идеи «всемирного еврейства», национализма, созданной ими ценностной шкалы как первоосновы всего. Речь снова шла все о том же «почти незаметном» допущении расового приоритета над классовым — даже в том случае, если Файкин и предпочитал не рассуждать на эту тему. Не знаю, случайным ли было совпадение, или эта «случайность» была запрограммирована Файкиным, но думаю, не мог он, человек с высшим образованием, филолог, не знать, скажем, известных работ В. И. Ленина, направленных против позиции Бунда в понимании «национальной культуры», или ленинской статьи «Критические заметки по национальному вопросу», в которой, в частности, говорится, что тот, «кто прямо или косвенно ставит лозунг еврейской «национальной культуры», тот (каковы бы ни были его благие намерения) — враг пролетариата, сторонник *старого и кастового* в еврействе, пособник раввинов и буржуа», что «никакого закрепления национализма пролетариат поддерживать не может, — напротив, он поддерживает все, помогающее стиранию национальных различий, падению национальных перегородок, все, делающее связи между национальностями теснее и теснее, все, ведущее к слиянию наций. Поступать иначе — значит встать на сторону реакционного националистического мещанства».

Разумеется, эти ленинские слова, столь современно звучащие и поныне, вовсе не означают, что слияние наций — в этническом, культурном или любом другом отношении — рассматривается коммунистами в виде процесса, подвластного директивному вмешательству, администрированию. Это сложный, во многом противоречивый исторический процесс. Но уже сегодня результатом его явилось то, что «советский народ,— это отмечалось в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии,— выступает как качественно новая социальная и интернациональная общность, спаянная единством экономических интересов, идеологии и политических целей».

Все лучшее, что было создано еврейской культурой в царской России и что, как правило, в дореволюционное время являлось достоянием лишь местечек, отгороженных от всего мира глухой стеной ограничений и предрассудков, стало после Октября достоянием всего советского народа, бережно развивалось и приумножалось. Со временем возникла именно советская еврейская культура, конечно, очень далекая от стремления к национальной замкнутости и националистической ограниченности, как и другие национальные культуры, созданные советским народом. Вот как — с предельной четкостью, по-ленински весомо — сказано было об этом в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду нашей партии: «Мы обоснованно гордимся достижениями советской многонациональной социалистической культуры. Вбирая в себя богатство национальных форм и красок, она становится уникальным явлением в мировой культуре. Но важно, чтобы здоровый интерес ко всему ценному, что есть в каждой национальной культуре, не вырождался в попытки отгородиться от объективного процесса взаимодействия и сближения национальных культур... Идущая от Ленина традиция нашей партии — особая чуткость и осмотрительность во всем, что касается национальной политики, затрагивает интересы каждой нации и народности, национальные чувства людей, и в то же время — принципиальная борьба против проявлений национальной ограниченности и кичливости, национализма и шовинизма, в какие бы одежды они не рядились».

...Завсегдатаи «клуба» Файкина, подталкиваемые в спину Натаном Евсеевичем, который очень хорошо учитывал не только политическую инфантильность своих «молодых друзей», но и их национальную ограниченность,

делали свои первые шаги по пути освоения «сионистских университетов». Может быть, и неосознанно, но делали.

Кто-то со временем смог это понять и порвать с Файкиным. Кто-то так и остался, к сожалению, в неведении...

Я не буду называть этих людей полными именами — думаю, это излишне. Но о беседах с ними, чтобы показать, сколь небезобидны подобные «безобидные клубы», расскажу.

2

Часами разговаривали мы с Файкиным, его «активистами», а в то же время как бы и слевой — о том, о чем на самом деле нам с ним не пришлось поговорить... Отвечая Файкину, я отвечал в то же время и бывшим Левиным соседям. И сам от их имени задавал вопросы. Это был мой несостоявшийся диалог слевой. По мере сил я пытался дополнить и расширить его за счет писем, приходящих из-за рубежа, книг и статей, прочитанных мною.

Итак, мы сидим в тесно заставленной мольбертами и книгами комнате художника-оформителя Александра Яковлевича Г., куда привел меня «для выяснения позиций» мой новый знакомый Натан Файкин, в прошлом преподаватель английского языка, а ныне — человек без определенных занятий, живущий случайными заработками. («Вы же понимаете, там, — Файкин имеет в виду милицию, с которой у него довольно напряженные отношения, — я не могу объяснить истинную причину того, почему не работаю, но мне нужно время для общественной (!) работы, а служба...»)

Вернувшись домой, я снова и снова вслушиваюсь в голоса, записанные на моем магнитофоне (с общего согласия мы записываем все наши беседы: каждый раз включается не только мой магнитофон, но и тот, что приносит с собой один из подопечных Файкина. Каждый раз я прошу собеседников говорить только то, что я потом смогу включить в свой очерк).

Во время этих встреч мы действительно спорим. Мои собеседники в полемическом задоре бывают иногда более откровенны, чем им хотелось бы. Только Натан Ев-

сеевич предпочитает выступать «с бумажки». Он зачитывает перед микрофоном свои монологи и уверен, кажется, что не только его «молодые друзья», но и я тоже должен быть согласен с каждым произнесенным им словом, что слово это со временем украсит мою книгу.

...Я нажимаю клавишу магнитофона, и в комнату врываются знакомые голоса:

«Сергей Л. (борода, бакенбарды, усы; слова, пробиваясь через эту поросль, теряют в ней свои окончания, но отнюдь не экспрессию). Вы (это в значительной степени в мой адрес) все время говорите: «Борьба с сионизмом! Борьба с сионизмом!» А я не очень понимаю, что вы под этим имеете в виду... Если то, что называют «борьбой с сионизмом» в советской прессе (снова в мой адрес), то это чаще всего ложь и антисемитская клевета...

(Тут я вынужден напомнить — читателю, но не Сергею, который и так это хорошо знает,— что сионисты, ставя знак равенства между этническим понятием «еврей» и политическим — «сионист», обвиняют в антисемитизме каждого, кто не приемлет именно сионизм.)

Александр Г. (пожалуй, он здесь самый молодой, во всяком случае — самый худой; таких мальчиков в еврейских семьях называли раньше «локш» — «макаронина»). Я недавно отслужил «срочную» в армии, знаю, что это такое — современная армия. И я совершенно твердо могу заявить: никогда, даже ради самых высоких идеалов, не соглашусь так расправляться с мирным арабским населением, как это делает израильская армия... Нет, сионизм — это вовсе не то, что нужно евреям... Советским же евреям вообще нечего делать в Израиле... Просто евреи и в нашей стране должны оставаться евреями, а не превращаться в абстрактных советских граждан...

Леонид С. (математик, заметная седина в волнистой бородке и на висках, очки в тонкой металлической оправе, манера произносить слова с особым значением — все это делает его похожим на начинающего дипломата). Идея нашего клуба заключается, видимо, в том, чтобы найти позитивную альтернативу национальному инстинкту... Надо признать (у говорящего это звучит так: «Вам ничего другого не остается, как признать это вслед за мной»), что определенная часть евреев несет в себе националистические устремления, то есть у евреев (тут Леонид уже опускает оговорку «определен-

ная часть») есть какая-то компонента, которую надо удовлетворить. Может быть, я рассуждаю несколько мистически, но она есть (имеется ли такая «компонента» у людей другой национальности, С., по-видимому, вовсе не интересует). У меня, например, есть потребность встретить еврейскую девушку, я ощущаю в себе потребность этнического общения... Поэтому я и пришел в клуб, здесь я могу оставаться евреем...

Сергей Л. (перебивая). Вы не правы, не правы... Реальность заключается в том, что в Советском Союзе невозможно оставаться евреем, в СССР слишком быстро идет ассимиляция...

Владимир Н. (как и я, он прилежно «фиксирует» на магнитофоне наши беседы, поминутно проверяя по индикатору качество записи; он, пожалуй, единственный среди нас, кто и во время самых горячих споров ни разу не повысил голоса). Но ведь ассимиляция — это естественный процесс, он идет во всем мире, он касается далеко не только евреев...

Александр Г. Так какое же государство, на ваш взгляд, способно все-таки наиболее полно обеспечить интересы евреев: социалистическое или капиталистическое?

Сергей Л. (моментально). Еврейское!

Александр Г. Но ведь в Израиле есть и владельцы заводов, и рабочие... Богатые и бедные... Так какая все-таки социальная система?

Сергей Л. Еврейская система!..»

«Еврейская система»... Эти слова сказаны Сергеем отнюдь не в полемической запальчивости, — мне приходилось их слышать неоднократно в подобных беседах. Поэтому, думаю, есть необходимость еще раз здраво взглянуть на то построение, которое сионисты называют «еврейской историей», породившей-де «всемирную еврейскую нацию», на фундамент этого построения, мысленно обозреть стены, воздвигнутые на нем; разобраться, на какие исторические и социальные нагрузки рассчитан этот самый фундамент «всемирной еврейской нации», породившей, по словам сионистских идеологов, некую «еврейскую систему».

Один из парадоксов (только кажущихся, поскольку здесь есть, разумеется, строгая диалектическая закономерность) заключается в том, что пристальное и беспристрастное изучение сионистских авторов приводит к... от-

рицанию сионизма, ибо дает против него неотразимое, разящее оружие. Разумеется, в том случае, когда читатель скрупулезно отсеивает факты, изложенные в этих трудах, от идеологии, навязываемой сионистами, очищает их от конъюнктурных напластований.

Должен только оговориться, что я не делал специального подбора книг, не выбирал наиболее «удобные» для этой статьи — просто взял несколько израильских изданий последних лет, принадлежащих в основном авторам, откровенно исповедующим сионизм.

3

Израильский исследователь и известный в сионистских кругах идеолог Сесиль Рот, написавший «Историю евреев с древнейших времен до Шестидневной войны»¹, приводит в своей ставшей весьма популярной на Западе книге многочисленные факты, которые представляют интерес именно тем, что не искажают историческую истину. Но именно поэтому они и вступают постоянно в непримиримое противоречие с авторскими выводами и концепциями, опровергают их. Это, впрочем, весьма характерно и для многих других сионистских писателей, которые, опираясь на исторические факты, пытаются дать им тенденциозно сионистское толкование.

Наиболее отдаленные моменты истории евреев обычно не вызывают у различных исследователей ни споров, ни разночтений — большинство из них (так делает и С. Рот) просто-напросто переписывают начальные страницы Библии. Они достаточно хорошо известны, и мы не будем на них останавливаться.

Далее же, как сообщает упомянутый израильский историк, произошло вот что: в 1600 году до н. э. арамейские племена вторглись в Палестину. Среди племенных вождей особенно выделялся патриарх по имени Авраам. Прошло какое-то количество лет, и племя арамеев под предводительством Иакова-Израиля (внука того самого Авраама), гонимое голодом, перекочевывает в Египет. Комментируя этот период скитаний арамеев, историк и бывший министр просвещения Израиля Бен-Цион Динур

¹ «Шестидневной войной» сионисты называют июньскую агрессию 1967 года, развязанную израильским правительством против Египта, Сирии и Иордании.

специально уточняет, что Авраама-де «даже во времена пророков называли «отцом народа» и что «имя «Израиль» является символом растущего сознания религиозной исключительности и выделения той части потомков Авраама, которая верна его наследию». Это уточнение делается для того, чтобы обосновать «расовую чистоту» древних евреев.

В Египте древние евреи (ивримы) попадают в плен, из которого Моисей выводит их в 1227 году до н. э. Выводит через Синайскую пустыню, где, если верить Библии, и снизошло на Моисея «откровение» — им был «заключен завет» (Вторая книга Моисеева, Исход, гл. 34). На этом моменте библейской истории останавливаются практически все сионистские авторы. Он очень важен для них, ибо из него делается следующий вывод: «еврейская нация» возникла в результате двойной исключительности — кровной близости с Авраамом и «завета», заключенного на горе Синай. Так, если полагаться на выводы историков-сионистов, появился на земле «богоизбранный» народ — «чистый плотью и духом», коим и продолжает оставаться по сей день.

А поскольку нынешние «потомки Авраама», изучающие историю отнюдь не только по сионистским источникам, усваивают сей несколько спорный постулат с огромным трудом, то и решил американский профессор Ирвинг Гринберг просветить их. Несколько лет тому назад прислал он в Советский Союз, в распоряжение проживавшего в то время у нас некоего Вениамина Файна, физика по образованию и сиониста по убеждению, текст своей лекции, в которой откровенно — даже без попытки хоть как-то исторически его «обосновать» — исповедуется принцип «национальной обособленности» и «богоизбранности» евреев. Сначала Файн обсудил эту лекцию в своем «семинаре», а потом поместил в машинописном журнальчике под названием «Тарбут», издание которого пытался наладить в Москве.

И вот что тут крайне примечательно. Безусловно, американский сионист был крайне симпатичен Файну — именно оголтелой безапелляционностью своих высказываний. Он, например, заявил, что современные евреи-де «являются детьми Авраама не только в духовном, но и в телесном смысле». Однако! Но ведь это, понимал Файн, еще и доказать не мешало бы... Поэтому, видимо, он и решает поместить рядом со статьей Гринберга работу

С. Рота. Но Файн конечно же не мог не видеть, что достаточно широкие исторические экскурсы, к которым прибегает С. Рот, его «непростительная» научная щепетильность способны камня на камне не оставить от концепции о «богоизбранности и исторической целостности еврейского народа», ради которой, собственно, и писал он свою «Историю...». Поэтому Файн, вооружившись ножницами, вырезает из работы израильского исследователя «излишние подробности». Суть же их, если следовать за Ротом, сводится к следующему.

В 586 году до н. э. «потомки Авраама, дети Израиля» на полвека попадают в вавилонский плен. А когда он благополучно закончился, то в Палестину (то есть на землю, где «богоизбранный народ» заключил религиозный «завет») возвращается лишь часть пленников. Многие, как поясняет израильский историк, обзавелись к тому времени немалым скарбом и предпочли остаться в богатой Вавилонии — на целых 600 лет. Так что они вовсе не спешили к «священной горе Синай», а обосновались в Месопотамии, откуда некогда пришли в Палестину их предки. Надо полагать, что из-за дальности расстояний и слабости тамошних коммуникаций общение между евреями, оставшимися в Двуречье (Месопотамия), и теми, кто откочевал снова в Палестину, не было слишком оживленным. К тому же вскоре значительная часть палестинских евреев переселяется в Египет и основывает там мощную колонию. Так образуется еще один крупный еврейский центр, заживший своею особой жизнью.

Как нетрудно заметить, эта информация, содержащаяся в книге С. Рота, уже сама по себе ставит под сомнение то, что евреи были пасильственно лишены своей «исторической родины», а они, по словам историка, существовали уже задолго до описываемых им здесь событий. Но как быть тогда с заявлениями современных сионистов об их «особых правах» на Палестину? С. Рот предоставит нам возможность еще не раз задать этот вопрос.

Пока же посмотрим, как обстояло дело с «расовой чистотой» евреев в самой Палестине, — этот вопрос, как мы уже видели, очень и очень беспокоит заокеанского сиониста И. Гринберга и ему подобных.

В результате непрерывных войн территория Иудеи (еврейского государства в Палестине) во II веке до н. э.,

по словам С. Рота, увеличилась раз в 10, причем «страна никоим образом не была однородной». Что это значит — подробно объясняет другой израильский автор, Менахем Штерн. В исследовании, посвященном данному периоду, он недвусмысленно отмечает: «Начался процесс присоединения всей Палестины к Иудее, который привел... к ассимиляции нееврейского сельского населения». «Имеются многочисленные свидетельства того, что многие евреи жили в Греции и на прилегающих островах еще до падения Иерусалима... Нигде еврейское поселение не было столь значительным, как в Египте. Отдельные семьи, очевидно, переселились туда еще во времена Первого Храма... Евреи последовали за Александром Македонским... — так пишет Рот, снова и снова приводя многочисленные факты того, что, во-первых, в конце прошлой — начале нынешней эры происходила массовая миграция евреев из Палестины, и, во-вторых (что еще важнее), миграция была чаще всего добровольной, вовсе не связанной с гонениями и преследованиями евреев, как это пытается представить современная сионистская политическая доктрина.

«Дети Авраама», покидая Палестину (и далеко не всегда делая это под натиском врагов), уже и в те далекие времена самим существованием своим могли бы опровергнуть легенду, сочиненную сионистами много веков спустя: евреи тех времен — об этом ведь прямо пишут и С. Рот, и М. Штерн — с точки зрения «чистой расы» давно не были евреями времен Авраама, ибо в полной мере познали влияние ассимиляции. Б.-Ц. Динур отмечает, что смешанные браки евреев с неевреями стали делом весьма обычным «как в древности, так и в средневековье... Расселение евреев вне пределов Палестины... естественно, внесло в еврейскую среду новые этнические элементы».

С. Рот в своей «Истории...» приводит десятки и десятки фактов, свидетельствующих, что с самых древних времен иудейские общины — в культурном и генетическом плане — принадлежали в значительной мере к тем народам, среди которых жили, как и те — к ним.

Вот один из многочисленных и весьма убедительных примеров, взятых из книги С. Рота. Он пишет, что в 711 году войска арабского полководца Тарика пересекли Гибралтарский пролив и за четыре года завоевали Испанию. «В результате наиболее важная в численном, географи-

ческом и культурном отношении часть еврейства арабизировалась. Евреи носили арабские имена, говорили между собой только по-арабски, в интеллектуальной жизни придерживались мусульманской моды и норм, пользовались арабским языком в литературе и даже в какой-то степени в литургии и считали Европу к северу от Пиринеев оплотом варварства».

Вчитываясь в «Историю...», очень быстро начинаешь догадываться, что это, разумеется, если и история, то ни в коем случае не этноса, не нации, не народа (ибо концепция «кровной близости с Авраамом» автором же «Истории...» объективно и подвергается уничижительной критике), а скорее религии. Но даже и как изложение истории иудаизма, книга эта дает более чем убедительные факты, свидетельствующие о том, что люди, называющие себя сегодня евреями, но живущие в разных странах, на разных континентах, говорящие на различных языках, в этническом отношении находятся в весьма и весьма отдаленном родстве — если оно вообще существует.

Собственно, разрушая концепцию «кровной близости с Авраамом», С. Рот, может быть даже сам того не замечая, разрушает и легенду о «духовной чистоте иудеев», о том, что они, и именно они, во веки вечные верны были «завету, заключенному на горе Синай». Он приводит множество фактов того, что члены иудейских общин во все времена достаточно часто переходили в веру тех народов, среди которых они жили, как и те — в иудаизм. Явление это было столь распространенным в древности и в средние века, что то и дело принимались специальные законы, запрещавшие либо как-то регламентировавшие этот процесс. Так, согласно С. Роту, было и в Галлии, и в Бургундии, и в Ломбардии, и в Испании...

Собственно, о том же свидетельствуют, на свой лад, и религиозные книги иудеев. Об акумах (то есть иноверцах), принявших иудаизм (равно как и об иудеях, ставших акумами), не раз сообщается, в частности, в «Шулхан-Арухе» — правовом талмудистском кодексе, составленном в XVI веке раввином Иосифом Каро. А ведь раввин из Цафета, как пишут о том средневековые и более поздние историки, взялся за свой труд, потребовавший от него двадцати лет жизни, лишь для того, чтобы привести религиозное право в соответствие с реалиями своего времени. А для него, видимо, были весьма характерны случаи перехода людей из одной религии в другую.

Еще 1951 году Декларация о расовых различиях, принятая группой видных антропологов и генетиков, отмечала: «Мусульмане и евреи (термин «евреи» здесь употреблен в смысле «исповедующие иудаизм». — В. М.) так же не образуют расы, как католики или протестанты, народы, говорящие по-английски или на любом другом языке, индивиды, принадлежащие к турецкой или китайской культуре, и т. д.».

Вот так — весьма последовательно и убедительно (отчего Файн и прибег к ножницам) — С. Рот разрушает столь дорогую для сионистов, столь много обещающую и много дающую им легенду о «всемирной еврейской нации», явившей себя миру в результате некой «двойной исключительности», а заодно и миф о том, что евреи являются потомками того самого народа, который был изгнан некогда из Палестины.

4

А теперь, отложив на время в сторону книгу С. Рота, снова вернемся к Натану Файкину и его «активистам», попытаемся понять, как возник этот «клуб». И еще: кому его возникновение было действительно выгодно, даже необходимо? Впрочем, со вторым вопросом несколько подождем, хотя, если подойти к нему непредвзято, ответ станет очевиден.

Как возник этот «клуб на национальных интересах», как вообще возникают подобные «клубы» файкиных?

И я снова нажимаю клавишу магнитофона...

«Файкин (ему первое слово: все-таки он инициатор создания «клуба»). Осенью 1979 года я как-то совершенно случайно оказался у синагоги... Я с интересом подходил к кружкам молодых людей и прислушивался к их разговорам... Многие из этих людей были недовольны. Они, например, жаловались на то, что понятие «еврей» для них повисло в воздухе, говорили о своем желании изучать язык, об атмосфере насильственной ассимиляции... (Кстати, здесь Файкин рисует довольно точную картину, которую можно наблюдать в субботний вечер возле синагоги в Москве. Забывает прибавить только: картину эту составляют в основном несколько десятков людей, решивших покинуть Советский Союз. О них и о том, как некоторые западные дипломаты и журналисты

пытаются использовать эти сборища в своих целях, мне уже доводилось писать в очерке «Путь вниз»¹.)

Я наблюдал, — продолжает Файкин, — как то к одной группе, то к другой подходят молодые разговорчивые люди, которые жонглируя фактами, с силой нажимая на отдельные встречающиеся недостатки, ведут просионистскую пропаганду, и все их внимательно слушают...

(В этом месте монолога Натана Евсеевича — возмущенный вопль Сергея Л.: «Я решительно возражаю! Там никто никого не агитирует! Туда приходят уже готовые люди!» Файкин, впрочем, не обращает ровно никакого внимания на протест и продолжает зачитывать по бумажке свой текст.)

И я решил, чтобы как-то нейтрализовать эти просионистские влияния, облечь общение евреев в форму клубной работы под моим контролем... Я задался целью создать клуб. Александр Яковлевич (Файкин имеет в виду хозяина квартиры, где ведется разговор) познакомил меня с рядом лиц еврейской национальности, я завел список, и мы начали приглашать...

Александр Яковлевич Г. (он давно ищет случай вставить реплику в монолог Файкина и теперь, наконец, решается, хотя и явно невпопад). Мы с Натаном Евсеевичем постарались создать нечто вроде «брачного клуба»...

Файкин (живо перебивая и со значением). Ты ошибаешься, Саша, я с самого начала поставил вопрос о необходимости антисионистской пропаганды, с самого начала...

Сказал так — и солгал, как лгал и во время всего своего монолога: и у синагоги оказался он отнюдь не случайно, и вопросы еврейской культуры его вовсе не волнуют, и с сионизмом он конечно же вовсе не собирался воевать...

Правда о том, как все было «с самого начала», кроется, скорее, в обмолвке Александра Яковлевича. О подробностях он умолчал, ну да, может, рядовые «активисты» окажутся словоохотливее своих «наставников»...

«Миша Н. С моей точки зрения, основная задача клуба, который мы тогда пытались создать, заключалась в том, чтобы знакомить холостяков... А почему бы не называть вещи своими именами?..

Леонид С. Честно говоря, в этом клубе я увидел в пер-

¹ См.: С чужого голоса: Сборник.— М.: Моск. рабочий, 1985.

вую очередь возможность познакомиться... Я лично пришел в этот клуб с чисто утилитарными целями — с брачными, и привел с собой некоторое количество знакомых...»

По этим признаниям (а они вполне искренние) получается, что речь идет о вульгарной частной конторе? И только-то?.. Но давайте послушаем дальше:

«*Леонид С.* Где граница между национальным самосознанием и национализмом? Я не вижу такой границы... Когда ко мне приходит еврей и говорит, что хочет жениться на еврейке, — это выражение национального самосознания, и я ему помогаю...»

Странно и противоестественно, что молодой человек вовсе не берет при этом в толк такое общечеловеческое понятие, как *любовь* — словно и нет ее...

Позволю себе на несколько минут остановить магнитофонную запись: в этом месте рассуждений Леонида мне невольно вспомнились другие рассуждения — главного раввина Израиля Ицхака-Айзика Герцога. В опубликованной не так давно статье «Религия и государство» он, заботясь о «чистоте» евреев, доказывает необходимость ведения судопроизводства в Израиле «по законам Торы» (то есть Библии). Вот его слова: «Нашей святой обязанностью является со всей настойчивостью требовать, чтобы бракоразводные дела в еврейском государстве велись исключительно религиозными судами. Ведь если каждому дать выбор, по какому закону ему жениться или разводиться — по религиозному или гражданскому, — то это нанесло бы тяжелейший удар и по религии, и по сохранению еврейской семьи. Тем самым были бы позволены смешанные браки...» Собственно, против них — смешанных браков — и направлен пафос этой части выступления израильского раввина, ибо, исходя из сионистской доктрины, весь мир делится на «евреев» и «гоев». Причем, по утверждению другого израильского раввина, Цви-Иегуды Кука, любой гой бесконечно плох уже по своему рождению, а «самый последний еврей-преступник свят, свят вопреки своему собственному желанию!». Подобные «откровения мысли» служат индульгенцией преступной политической практике сионистских правителей. Государственная политика Израиля как раз и направлена на то, чтобы любыми средствами не допустить — даже в отдаленном будущем — смешения евреев с неевреями. Ибо только благодаря такой искусственной

изоляции и можно как-то поддерживать сионистский миф о «национальной исключительности», а потому и о «вседозволенности» представителей «всемирной еврейской нации».

То, что Леонид С. по наивности ли, по политической ли неграмотности считает «вырождением национального самосознания», является объективно, конечно же, неприкрытым национализмом, именно национализмом, импортируемым сионистами. Так кому же помогает «брачный клуб» Файкина?

«Леонид С. Мы собирались на квартирах — холостяцкие компании. Пили, ели, знакомились...»

Натана Файкина трудно заподозрить в наивности, присущей отчасти его значительно более молодым приятелям, поэтому он пугается столь откровенного поворота в нашем разговоре: «Ребята путают, ошибаются — сколько времени прошло. Ошибаются, — пытается убедить он меня, а заодно и ребят, памятьливость которых его вовсе не устраивает. — Все было не так».

Все действительно было не так. Вовсе не так, как хотелось бы теперь, задним числом, представить Натану Евсеевичу. Я даже не могу успокоить его, согласившись видеть во всем этом «предприятии» лишь малооригинальную попытку частного предпринимательства. Ибо в первую очередь это была продуманная спекуляция на незрелых, националистических настроениях некоторой части молодежи — во имя собственной корысти, разумеется. В своем объяснении (а оно хранится в районной прокуратуре, где мне, как публицисту, занимающемуся антисионистской проблематикой, дали возможность познакомиться с этим документом) Файкин вынужденно сообщал следующее:

«В октябре 1979 года я всерьез решил взяться за решение собственной проблемы брака. Я хотел жениться на еврейке, но нигде не мог познакомиться с женщиной, которая бы мне понравилась. Я решил организовать клуб «Брак и семья», чтобы решить свою брачную проблему, а также помочь своим соплеменникам (нашел же слово! — В. М.) в разрешении аналогичной задачи. Каждый привлекал своих знакомых, и вот собралось значительное число лиц еврейской национальности...»

Так что не путают ребята. Даже из процитированного выше документа, при всем желании его автора прикинуться наивным простачком, совершенно очевидно явст-

вует, что «подпольный брачный клуб» — это лишь форма. А вот содержание... Нет, я вовсе не собираюсь обвинять Натана Евсевича в сознательных симпатиях к сионизму — о нем он имеет весьма смутное, я бы сказал — «витринное» представление, то самое, которое дает знакомство с лакированными обложками пропагандистских книжек и туристских проспектов, привозимых из-за рубежа. Истинное лицо сионизма (тут уж Файкина подводит леньность ума) ему незнакомо, так же, как незнакома и история евреев: «Для чего?» Но оказавшись, пусть даже и случайно, у синагоги, он быстренько сообразил: «предприятие» легче всего строить на националистической основе, на национальной ограниченности встреченных им молодых людей, на настроениях, подогреваемых извне.

Объективно это был подыгрыш многолетней провокации, которую ведет против советского народа империалистическая пропаганда. Файкин, по его же выражению, постарался придать всему «вполне лояльный характер» и тем самым привлек к себе не только тех, кто уже явно был заражен сионистской пропагандой, «готовых», но и ребят, мало сведущих в истории и географии, не искушенных в игре словами, на ощупь пытающихся найти свое место в жизни.

Затеяв организацию «клуба», Файкин резонно рассудил, что, с одной стороны, однажды ему все-таки придется «столкнуться» по этому поводу с милицией, а с другой — что интерес — вещь непостоянная, требует постоянной «подкормки», поэтому он позаботился о придании своей антиправной деятельности некоторой «лояльности». Вот тогда-то он и начинает зачитывать на вечеринках статьи из советских газет, из журнала «Советиш Геймланд». Но одновременно Натан Евсевич пытается организовать и цикл лекций «по еврейским вопросам» с помощью... «активистов за выезд в Израиль», неких Ю. Кошаровского и В. Дубинского, известных своими просионистскими настроениями.

...Осенью 1985 года Н. Е. Файкин предстал перед Московским городским судом по обвинению, предусмотренному уголовным законодательством. Как оказалось, кроме «брачного клуба» этот ловкий проходимец имел и еще один «бизнес»: за соответствующую мзду со всеми возможными предосторожностями давал почитать своим приятелям — из числа, разумеется, наиболее доверенных — книги из своей библиотеки. Библиотека же эта

была не совсем обычная: ее составляли десятки и сотни экземпляров газет, журналов и книг откровенно тенденциозного содержания. Издаваемые за рубежом на деньги западных спецслужб, они нелегально доставлялись в нашу страну и оказывались у «аполитичного» Файкина... Тем и закончилась «общественная деятельность» Файкина: суд приговорил его к лишению свободы. Но важно и другое: смогут ли сделать правильные выводы из этой истории его приятели и подопечные из «брачного клуба»?..

5

Для тех, кого окружающие называли иудеями, и для самих этих окружающих — христиан и мусульман — годы относительной религиозной терпимости можно назвать (с известным допуском, конечно) благословенными. Впрочем, если следовать за сионистской доктриной, то оценка должна быть противоположной. Ведь именно в изоляции, полной изоляции, согласно этой доктрине, видится для евреев залог счастливого существования. На этом настаивали духовные вожди сионизма Т. Герцль, Л. Пинскер и другие. Уже известный нам Сесиль Рот также исповедует этот предрассудок, возведенный в политическую концепцию. Однако факты, приведенные в его «Истории...», позволяют сделать совсем иные выводы, увидеть шаткость «теоретических» построек. Вот что, в частности, пишет он о средневековом гетто:

«Принятый III Латеранским собором в 1179 году закон, запрещающий евреям и христианам жить вместе, долгое время не выполнялся... Места, где существовали особые еврейские кварталы, тщательно изолированные от остальной части города, были редкостью... Однако в 1516 году Венецианская республика потребовала изолировать евреев города в особом квартале, известном под названием «гетто нуово» («новый литейный двор»). Несколько позже к кварталу было присоединено «гетто веккьо» («старый литейный двор»)... Несмотря на некоторые различия в наименованиях, общая система повсюду — в Италии, во Франции, в Германии, Польше, Чехии — была сходна... С редкой для угнетенных масс проницательностью евреи поняли, что сегрегация, как бы унижительна она ни была, является хорошим средством сохранения национальной солидарности и культуры».

Итак, да здравствует гетто? Но не будем спешить. Тем более что сионистский историк просто-напросто игнорирует здесь вовсе не безразличные для человечества (в реальной жизни) понятия, такие, как «класс», «бедный», «богатый». Позволю себе вновь привести фрагмент диалога, состоявшегося между Александром Г. и Сергеем Л. Первый спросил тогда: «Так какое же государство... способно наиболее полно обеспечить интересы евреев?» — на что собеседник, давно уже уложивший чемоданы, моментально уронил в бороду: «Еврейское!» Сработал рефлекс, приобретенный за долгие годы тесного общения с «активистами». Вот у Рота, вполне объективного, пока речь идет лишь о фактах, сразу же, стоит ему дойти до выводов, срабатывает тот же сионистский рефлекс: гетто конечно же «является хорошим средством сохранения национальной солидарности»! Вполне очевидно, что Рот, говоря о «национальной солидарности», имеет в виду во всех случаях именно классовую солидарность, хотя мельком и оговаривается, что еврейские общины управлялись далеко не на демократической основе, что беднота в общинных делах вовсе не имела голоса, а «руководство общины внутри гетто было всесильным».

Что же значит — не на словах, на деле — тезис «национальная солидарность в еврейском государстве», что за этим тезисом скрывается, объяснил еще столетие назад отец современного сионизма Теодор Герцль в книге «Еврейское государство». Он писал, имея в виду это самое государство: «Богатым евреям, принужденным теперь прятать свои сокровища и пировать при опущенных шторах, там можно будет свободно наслаждаться жизнью». Такую «обезоруживающую» откровенность можно объяснить тем, что в то время сионизм еще не испытывал нужды классовую солидарность (солидарность эксплуататоров) камуфлировать под солидарность национальную. Здесь мы видим весьма живую иллюстрацию к ленинскому положению о том, что «при всяком действительно серьезном и глубоком политическом вопросе группировка идет по классам, а не по нациям».

Впрочем, и с сохранением в гетто «национальной культуры» (которая, по Роту, тогда уже менее всего была «национальной») не все обстояло ладно: там «во многих отношениях образ жизни был такой же типично итальянский, или немецкий, или французский, как и во внешнем большом мире».

Важное свидетельство. И для сионистов — весьма опасное, ибо из него следует, во-первых, что до образования гетто не существовало единой еврейской культуры — было несколько культур, тесно связанных с культурами тех народов, среди которых жили евреи, и, во-вторых, связанных столь тесно, что даже стены гетто ничего тут не могли поделать.

...Знал ли Файкин, человек с высшим образованием, что уже много веков не существует единой еврейской «истории», единой еврейской «культуры»? Знал, разумеется, но расчет строил на том, что среди молодежи всегда найдутся такие, чья осведомленность в этих вопросах будет нулевой, зато «националистические устремления» и «эмоциональные импульсы» гипертрофированы, их-то он и попытался втянуть в свое «предприятие».

А что рядом с Файкиным оказались в первую очередь люди незнающие, мало того, лишенные элементарной любознательности, — совершенно очевидно. Я попытался выяснить, владеет ли хоть кто-нибудь из них еврейским языком или, возможно, пытается его изучить, тем более что «Советиш Геймланд» регулярно помещает на своих страницах уроки идиша, вышли новые прекрасные учебники. Оказалось, нет, практически никто не владеет, а об уроках в «Советиш Геймланд» и не слышали... Я спросил, знает ли кто историю иудаизма, историю и представителей еврейской культуры? Ответы были однозначны: нет.

Тут не обошлось без курьеза. Александр Яковлевич Г. пригласил меня на репетицию спектакля по одному из достаточно известных произведений Шолом-Алейхема. Спектакль этот под руководством Александра Яковлевича пытались поставить в домашних условиях молодые люди, с которыми он меня и познакомил.

— На каком языке вы играете Шолом-Алейхема? — спросил я.

— На русском, естественно... Мы хотим приобщить (!!) к творчеству этого еврейского писателя еврейскую молодежь...

— А на каком языке эта повесть была написана Шолом-Алейхемом? — задал я вопрос, уже будучи вполне уверен, что в роли «просветителей» выступают явно не подготовленные к этой миссии люди.

И услышал в ответ:

— Наверное, на иврите...

Сам «режиссер», оказывается, не знал, что замечательный еврейский писатель только начинал писать на иврите, но очень скоро перешел на идиш — язык еврейской бедноты и местечек...

Ну ладно, допустим, ошибся. Однако ж не знал Александр Яковлевич и другое, а это было уже не смешно, а грустно... Наш разговор происходил в то время, когда в Москве с большим успехом (не у тех, кто, по выражению Леонида С., искал «позитивную альтернативу национальному инстинкту», а у многонационального столичного зрителя) гастролировал приехавший из Биробиджана профессиональный вокально-инструментальный ансамбль «Фрейлахс», в репертуаре которого были сцены из произведений Шолом-Алейхема на идиш. Мои собеседники, увы, не имели никакого понятия об этих гастролях...

Бедные, наивные «просветители»... Как же далеко зашло их невежество, помноженное на то, что они называли «национальным инстинктом», но что было на самом деле всего-навсего лишь продолжением этого невежества, духовной неразвитости!

Я вспомнил о «просветительских планах» этих ребят в те дни, когда по Центральному телевидению демонстрировался спектакль по повести Шолом-Алейхема «Тевье-молочник». Спектакль, по моему убеждению, получился замечательный. О нем много говорили, писали. В связи с телепремьерой резко подскочил в библиотеках спрос на книги классика еврейской литературы. Но вот что показалось мне особенно примечательным: группа стариков — прихожан Московской хоральной синагоги, помнящая давнишнюю постановку «Тевье-молочника», сделанную замечательным артистом и режиссером Соломоном Михайловичем Михозлсом, направила известному русскому актеру Михаилу Ульянову благодарственное письмо за создание образа Тевье. Они как должное, как вполне естественное дело восприняли то, что подлинными просветителями выступили Михаил Ульянов и его товарищи по работе над спектаклем. И выражали свое восхищение вовсе не за популяризацию еврейского писателя (в этом-то они как раз не видели ничего особенного), а за прекрасную игру...

В кругу «активистов» файкинского «клуба» укоренилось мнение, которого они не скрывали, что все еврейское в нашей стране будто бы находится под «мол-

чаливым запретом», и «факт» этот не подлежит даже проверке...

Я позволил себе маленький эксперимент. Я спросил у молодых людей, утвердившихся в наивной мысли о необходимости своей «просветительской миссии» в условиях этого мифического «молчаливого запрета»:

— А как с еврейской музыкой? Знаете? Слушаете?

— Откуда! — ответили мне. — Где ее взять?

На следующий же день я побывал в одном из крупных столичных магазинов фирмы «Мелодия» — на Садовой-Триумфальной. Там, как оказалось, весь последний месяц продавался альбом из двух пластинок с записью рок-оперы на идиш «Черная уздечка белой кобылице» (по справке директора магазина, альбом пользовался несомненным успехом); в это же время в других отделах магазина можно было купить диск «Еврейские народные песни» в исполнении Ады Светловой, нотные издания: «Еврейские народные песни из репертуара З. Шульмана», «Из еврейской народной поэзии» Д. Шостаковича, «Еврейские народные песни в обработке для хора без сопровождения» М. Гольдина; кроме того, принимались предварительные заказы на сборники, планируемые к выпуску...

Я поведал молодым людям о результатах своего эксперимента, но они как-то мимо ушей пропустили этот рассказ. Данные факты противоречили созданному ими стереотипу. Им куда больше нравилось культивировать в себе уверенность, что «все еврейское — под молчаливым запретом» при всей очевидности того, что это не соответствует истине.

Думаю, что дело тут было не только в инертности мышления, в нелюбознательности или просто в мещанском невежестве. Имел тут место пусть неосознанный, но все же весьма практический расчет. Расчет на то, что утверждением своей «национальной обособленности» от всех «прочих», «тягой ко всему непременно еврейскому» (что в социалистическом обществе, естественно, поддержки не находит) можно «объяснить» причины своих действительных или мнимых жизненных неудач. Разумеется, это позиция людей слабых, не умеющих критически относиться к себе. Занимать такую позицию — значит обречь свою личность на разрушение, ведь заранее «объясняя» и «оправдывая» все возможные в жизни каждого человека срывы и неудачи, она лишает его воли, стой-

кости, гасит социальную активность. Но здесь есть еще и более опасный аспект: подобная жизненная позиция сначала приводит молодых людей к фэйкиным, а позднее (такое, к сожалению, тоже случается) они становятся жертвами провокаций «активистов» похлеще — типа Иды Нудель. Она сама рассказывала мне, что при встречах с молодыми людьми в первую очередь пыталась показать им «бесперспективность для еврея жизни в Советском Союзе»...

В большей части писем, приходящих в нашу страну от бывших советских граждан, эти люди с болью в сердце признаются, что их падение, их «путь вниз» начинались именно с мнения, что-де «в СССР еврей никогда ничего не добьется», с мнения, противоречащего фактам, здравому смыслу, собственному жизненному опыту...

Файкин решил строить свое предприятие на раздувании и выпячивании «особых еврейских черт». О том, сколь «многообещающе» это «дело», быстро смекнул все тот же Сергей Л. Его нисколько не занимала «предпринимательская» сторона организации «клуба», в каждом еврее он хотел видеть потенциального израильянина. Выстроилась и «методическая база»: «Если вы станете говорить, что сионизм — это смертельный враг человечества, к вам не пойдут, а вот если это будет действительно национальный клуб...» Так Сергей Л., для которого быть евреем значило в первую очередь исповедовать сионизм, вполне резонно предположил, для кого создан этот «клуб» и каковы его «перспективы». И надо сказать, что посетители «брачного клуба» несколько растерялись, увидев, как скоро и вроде бы незаметно «националистические импульсы», ощущавшиеся «подсознательно» и на «лояльной почве», перерождаются в откровенно просионистские настроения.

6

А как же обстоит с «всемирной нацией» и «еврейской культурой» в самом Израиле?

Вот уже почти 40 лет в Израиле ведутся яростные споры о том, действительно ли осуществляется на практике сионистская идея о «богоизбранности» евреев, их «исторической целостности» и «исключительности». Или же в этом государстве, в соответствии с законами раз-

вития человеческого общества, постепенно формируется израильская нация, фундамент которой заложили выходцы из разных стран, люди с различным языком, различным историческим, социальным и культурным опытом?

Спор этот идет между теми, кто исповедует идеи расизма, крайнего национализма, и людьми, верящими в равенство и братство народов.

Остановимся на этих двух противоположных точках зрения более подробно.

Некий Гилель Галкин, родившийся в 1938 году в Нью-Йорке, в 1970 году перебрался в Израиль и через несколько лет написал весьма примечательную книгу «Письма американскому другу». Адресована она в первую очередь тем самым американским евреям, которые никак не хотят пересечь океан, дабы поселиться на «земле обетованной».

Рассуждая об израильской культуре, Галкин сообщает своему «американскому другу»: «Именно пустота возникла в Израиле спустя десятилетие со дня образования государства... В этом вакууме могла бы начать образовываться наша подлинная народная культура... если бы в вакуум не ворвались внешние влияния: массовая культура 60-х и 70-х годов, заполнившая мир до краев...» Так что национальная изоляция, вопреки сионистским прогнозам, вызвала в Израиле не «рост национальной культуры», ибо «потенциальные» (опять-таки, в соответствии с сионистской доктриной) носители ее в действительности привезли с собой на «землю отцов» именно элементы культуры тех народов, среди которых они жили столетиями. Из отдельных лоскутов не удалось сшить «национального одеяла», и страну захлестнула массовая стандартизованная культура современного Запада.

Я уже рассказывал в этих заметках о своей беседе во время XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов с молодым израильтянином Джоном-Харольдом Гольдбергом. Он произвел на меня тогда впечатление человека думающего, приглядывающегося к реальной действительности, хотя его высказывания и отдавали сионистским «душком». Он старался быть откровенным, пытался самостоятельно рассуждать — это, видимо, и послужило поводом к тому, что руководители израильской делегации Союза молодых социалистов воспрепятствовали нашим дальнейшим встречам.

Я спросил тогда Джона-Харольда, как он, другие молодые люди оценивают сегодняшнее состояние и перспективы развития культуры в своей стране.

— В современном Израиле,— сказал Гольдберг,— надо говорить не о реставрации еврейской культуры, а об израильской культуре. Когда-то, очень давно, во времена первых сельских поселений, в Палестине действительно существовало то, что можно было назвать еврейской культурой в традиционном смысле этого слова: например, еврейская музыка, привезенная из Европы... (Мой собеседник имеет здесь в виду первые еврейские поселения, созданные выходцами из Европы в начале нынешнего века на землях, купленных у арабов. При этом он даже не замечает, что под «еврейской культурой в традиционном смысле слова» подразумевает именно культуру евреев центральной и восточной Европы — ашкеназийскую, как ее иногда называют. Но она не имела ничего общего, скажем, с культурой евреев Испании или Италии...) Однако в конце 40-х — начале 50-х годов,— продолжал Гольдберг,— в Израиль приехало очень много выходцев из мусульманских стран, которые принесли свою культуру, свой образ жизни, свои традиции. В течение многих лет в Израиле предпринимались попытки синтезировать именно единую культуру, при этом восточную культуру рассматривали как более низкую по сравнению с ашкеназийской... Сейчас в Израиле все чаще склоняются к тому, что у нас должна появиться единая культура западного варианта в широком смысле этого слова. И она почти не будет связана ни с традиционной еврейской, ни, тем более, с восточной...

Обратите внимание: эти слова были сказаны молодым функционером одной из ведущих сионистских партий Израиля. Ну а то, что они расходятся с официальной сионистской доктриной, выдвинувшей тезис о существовании «всемирной еврейской нации» (а ее существование подразумевает, очевидно, и существование «всемирной еврейской культуры», которая в условиях Израиля должна была бы получить — будь она на самом деле — свое естественное и мощное развитие), то тут мой собеседник вовсе не виноват — он ведь говорил о том, как есть, а не о том, как хотелось бы сионистским идеологам.

«Сможем ли мы создать в этой стране культуру, которая в будущем естественно производила бы евреев —

так же, скажем, естественно, как французская культура производит французов?» — восклицает Г. Галкин, автор «Писем американскому другу».

Собственно, он уже сам и ответил на этот вопрос в одном из предыдущих посланий: в Израиле нет и не предвидится единой культуры, созданной на основе «национальных элементов», даже если под этими «национальными элементами» понимать те, что были присущи ашкеназийской культуре.

Не надо думать, что Гольдберг или тот же Галкин высказывают лишь свои частные мнения, что их выводы некомпетентны. Вот какие данные, например, приводит Центральное статистическое бюро Израиля на начало 1983 года: «После трех лет пребывания в стране лишь 19 процентов пользуются в основном ивритом, да и то преимущественно на работе... Большинство (75 процентов) поддерживает постоянные контакты с выходцами из той страны, откуда прибыли, лишь 25 процентов постоянно встречается с израильянами». Что же касается бывших советских граждан, то они, очевидно, с еще большим трудом вписываются в израильскую действительность. Официальная статистика свидетельствует, что бывшие советские граждане «второе реже, чем в СССР, бывают в кино, в шесть раз реже ходят в театр, в четыре — на концерты, вдвое — в музеи и на выставки, в восемь раз реже попадают на спортивные соревнования». Так что тут, пожалуй, стоило бы вести речь не о том, приобретут или нет бывшие советские граждане «еврейскую культуру», а о том, сохраняют ли просто культуру, профессиональный, образовательный уровень, достигнутый когда-то.

Видимо, это очень острая и болезненная для Израиля проблема — сохранение и воссоздание интеллектуального потенциала своих граждан. Тот же Галкин с горечью признает: «Наши местные таланты не смогли бы составить команду международного класса... Интеллектуальная жизнь Израиля действительно далека от совершенства».

Почему происходит так — в двух словах не ответишь. Очень часто, впрочем, оказывается, что сегодняшние проблемы имеют свои исторические параллели, что возвращение памятью к опыту предыдущих поколений помогает лучше понять сегодняшнюю жизнь. Нынешнее израильское государство, воспитывая в своих гражданах

чувство «исключительности» и «богоизбранности», откровенно добивается их духовной изоляции от «нееврейского мира». Сионистское правительство Израиля хотело бы превратить страну в своеобразное гетто. Тут, правда, чтобы лучше, полнее понять сложившуюся ситуацию, полезно было бы обратиться к ленинским словам, написанным еще в 1913 году. В статье «Национализация еврейской школы» Владимир Ильич писал: «Посмотрите на капиталистов: они стараются разжечь национальную вражду в «простом народе», а сами отлично обделывают свои делишки: в одном и том же акционерном обществе — и русские, и украинцы, и поляки, и евреи, и немцы. Против рабочих объединены капиталисты всех наций и религий, а рабочих стараются разделить и ослабить национальной враждой!»

Так что это за исторические параллели? Как бы восторженно ни относился С. Рот к возникновению гетто в средние века, факты вынудили его отметить, что «уже после двух веков существования гетто можно было видеть результаты. Физический тип деградировал. Еврей утратил несколько сантиметров роста и приобрел сутуловатость... Одновременно деградировала еврейская наука. (Так ведь о деградации науки, культуры, даже стиля поведения современного израильтянина пишет и Г. Галкин.— В. М.) Падение гетто с удивительной быстротой повлияло на изменение внешнего вида еврея. Исчезла прежняя сутуловатость, хрупкая комплекция перестала быть всеобщим явлением, на несколько сантиметров увеличился средний рост». Здесь сионистскому историку, пожалуй, стоило бы прибавить, что только после ликвидации гетто, только в тех странах и в тех исторических условиях, где, по словам В. И. Ленина, не было «кастовой обособленности евреев», и «сказались ясно великие всемирно-прогрессивные черты в еврейской культуре: ее интернационализм, ее отзывчивость на передовые движения эпохи».

7

Израильский исследователь Яков Кац, отнюдь не являющийся критиком современного сионизма, более того, полагающий, что именно этнические факторы являются основными ценностями в мире, в исследовании, посвященном «еврейскому национальному движению» (так

западная пропаганда нередко называет сионизм.— В. М.), признает: «Воссоздание еврейского государства, или хотя бы заселение родной земли¹, требовало большего, чем создание движения... Достижение реальных целей означало в этом случае — вырвать людей с корнем из их окружения и пересадить на другую почву, в новые условия. История еврейского национального движения подтверждает правильность положения о том, что национальная идея (то есть сионизм.— В. М.) сама по себе не могла справиться с такой задачей. Она могла добиться этого, только когда другие силы способствовали этому... Добровольного исхода из какой-либо страны, как надеялся Герцль, не произошло». И в доказательство своих рассуждений Я. Кац приводит достаточно красноречивые цифры: из 2,5 миллиона евреев, эмигрировавших из Румынии и России между 1880 и 1914 годами, всего лишь 70 тысяч поселилось в Палестине.

Говоря о «других силах, способствовавших «материализации» национальной идеи», автор данного исследования имеет в виду политику германского фашизма, который из немцев, французов, австрийцев, румын, итальянцев, испанцев еврейского происхождения сделал евреев немецкого, французского, австрийского, румынского, итальянского, испанского происхождения и приговорил их, исходя из расовой теории национал-социализма, к уничтожению вместе со многими другими нациями и народностями.

Гитлеровский фашизм был повергнут, но многие тысячи людей в Западной Европе, оставшиеся без крова, потерявшие в концлагерях своих родных и близких, утратившие надежду справиться с бесчисленными проблемами, вставшими перед ними после войны, устремились в Палестину, где, как им казалось, они смогут, наконец, обрести мирное небо над головой. По утверждениям сионистской пропаганды, физическая безопасность этих людей, их будущее зависят от «наиболее полной концентрации евреев в одной стране, в Палестине». Те, кто ехали туда, преодолевая на своем пути немалые трудности и опасности, однако рассчитывая в конце концов найти

¹ Тут, коль речь зашла о заселении «родной земли», напомним, что сионистские лидеры вовсе не настаивали непременно на Палестине — существовал проект создания еврейского государства, например, в Уганде. Изначально сионизм претендовал именно на территорию, а не на «землю отцов».

«падежное укрытие», не предполагали, что и они сами, и их дети, и внуки будут обречены сионизмом на долгие годы войны и лишений.

8

Собственно, сионизм предал этих людей еще задолго до окончания второй мировой войны. В последние годы стало известно достаточно фактов, свидетельствующих о том, что лидеры международного сионизма не столько заботились о евреях, сколько, прикрываясь разговорами об этой «заботе», обеспечивали именно свои классовые интересы.

Еще в 1956 году в Израиле вынуждены были возбудить уголовное дело против Рудольфа Кастнера, представителя так называемого «комитета по спасению», организованного «Еврейским агентством». Его уличили в сделках с гестапо. Десятью годами позже один из видных сионистских функционеров Элизар Ливнэ писал в израильской газете «Маарив»: «Если бы мы видели нашу основную задачу в спасении максимального числа евреев, тогда нам нужно было бы сотрудничать с партизанами. Партизанские базы были в Польше, Литве, в оккупированных нацистами районах России, в Югославии, а позднее — в Словакии. Если бы наша главная цель состояла в том, чтобы помешать ликвидации (евреев), и если бы мы вошли в контакт с партизанскими базами, то мы бы спасли многих».

Их целью не было спасти многих. Их целью было создание государства, обеспечивающего амбиционные, эгоистические устремления «богоизбранной» группы крупной еврейской буржуазии к дальнейшему обогащению, территориальной экспансии, власти. Именно поэтому сионистские руководители, с одной стороны, вслед за Нахманом Сиркиным, пытавшимся еще в конце прошлого века создать утопическую теорию синтеза социализма и сионизма, утверждали, что сионизм не находится, дескать, в противоречии с классовой борьбой, а стоит над нею, поэтому его должны принять все евреи вне зависимости от их классовой принадлежности; а с другой стороны — искали поддержку для осуществления своих замыслов у самых реакционных режимов и деятелей: у царского министра Плеве, у кайзера Вильгельма, у фашистского правительства Италии... Для претворения

в жизнь сионистских планов нужны были не евреи вообще (судьба «евреев вообще» сионистов мало волновала), а лишь молодые, физически сильные люди, способные стать послушным «пушечным мясом». Еще в 1937 году президент Всемирной сионистской организации, а впоследствии первый президент Израиля Хаим Вейцман говорил о необходимости «спасти 2 миллиона молодежи. Старики (их, по подсчетам Вейцмана, было еще 4 миллиона человек.— В. М.) должны исчезнуть... Они — пыль, экономическая и моральная пыль в этом жестоком мире». Однако не всякая молодежь, по мнению ВСО, заслуживала «права» остаться жить.

Тем же Вейцманом еще в 1934 году сказаны такие слова: «Для нас было трагедией, что наша еврейская молодежь в своих поисках правды уходит в революцию». Сионистские руководители, исходя именно из своих классовых интересов, отказывали в помощи тем евреям, которые, по их мнению, способны были «уйти в революцию», так же, как оставляли на расправу фашистам стариков и детей, считая их «экономической и моральной пылью». Они всячески противились движению сопротивления в гетто, опасаясь революционизации еврейских масс.

Это был длительный, планомерный и хорошо продуманный процесс. На одной из пресс-конференций Антисионистского комитета советской общественности были оглашены и предъявлены корреспондентам документы, показывающие, что за период с 1933 по 1938 год сионистам при содействии нацистской Германии удалось перекачать в Палестину огромную по тем временам сумму — 40 миллионов долларов. Эта сумма складывалась из взносов, которые делали состоятельные евреи, выезжая с помощью сионистов в Палестину. Участь несостоятельных евреев Германии, а таких было подавляющее большинство, известна всему миру...

Владимир Беляев в книге «Я обвиняю», Юлиан Шулмейстер в книге «Совесь и бесчестье» приводят многочисленные документальные свидетельства того, как сионисты, захватившие управление в гетто Львова и Каунаса, обрекли евреев на массовое уничтожение гитлеровцами, более того — сами принимали в этом участие. «...До последней минуты существования несчастных,— пишет В. Беляев,— эти проповедники еврейского национализма и ортодоксального иудаизма внушали им покор-

ность, слепое повиновение властям, подталкивали массу людей к свежим могилам обезоруженными не только физически, но и морально... А ведь они могли (особенно, когда львовское и другие гетто еще не были ограждены) вырваться в соседние леса, на Волынь, где со временем стали действовать партизанские отряды и соединения полковника Дмитрия Медведева, дяди Пети (Антон Бринского), Юзефа Собесняка, Василия Бегмы, Виктора Карасева, Николая Прокопюка и других активных борцов с фашизмом. Можно ведь было взяться за оружие...»

«Можно было взяться за оружие...» Но как раз этого-то, участия трудящихся евреев в партизанском движении, их классовой солидарности с трудящимися стран, выступивших против фашизма, более всего и опасались сионистские руководители. В их задачу вовсе не входило «спасение максимального числа евреев», ибо, по заявлению вице-президента «объединенного еврейского призыва» Монтора, «Палестину нельзя переполнять стариками или нежелательными лицами».

Собственно, это еще одно, очень страшное, опровержение сионистского мифа о «единой еврейской нации», в основу которого положено, в частности, провокационное утверждение, что, дескать, вовсе не классовое, а именно расовое единение обеспечивает братство и равенство. Сотни и сотни тысяч людей поплатились за веру в этот миф своими жизнями во время второй мировой войны, многие платятся и сейчас — под флагом с голубой шестиконечной звездой. А тем временем в Израиле выходят книги, ставятся спектакли, в которых люди вроде фашистского сообщника Кастнера предстают в качестве «невинно пострадавших». Совсем не случайно я снова вспомнил Рудольфа Кастнера, в недалеком прошлом высокопоставленного израильского чиновника. Дело в том, что в 1986 году тель-авивский Камерный театр поставил спектакль «Кастнер». Сообщая об этом, радиостанция «Голос Израиля» скорбно заметила: в свое время против этого человека, который, желая спасти членов еврейской общины Венгрии, из самых высоких побуждений вступил в финансовую сделку с фашистами, было выдвинуто обвинение в том, что он «в первую очередь позаботился о своей семье и близких». «Компетентный» суд отверг данное обвинение. Однако некий «фанатик», не согласный с таким решением, пристрелил Кастнера на улице. Вот об этом — о судьбе «несчастливого» Кастнера —

новый спектакль. Постановка, по сообщению «Голоса Израиля», получила главную театральную премию года! Большее кощунство над памятью погибших трудно себе представить.

Впрочем, чтобы исчезли последние сомнения в том, что представлял собой этот деятель «Еврейского агентства», приведу выдержку из интервью нацистского преступника Эйхмана журналу «Лайф»: «Доктор Рудольф Кастнер, уполномоченный представитель сионистского движения... фанатичный сионист. Кастнер обещал мне навести порядок среди евреев, удержать их от сопротивления насильственной депортации, если я закрою глаза на то, что несколько сот или несколько тысяч отобранных сионистами евреев нелегально эмигрируют в Палестину. Это была выгодная сделка... Мы вели переговоры как равные... С его изумительным лоском и выдержкой он сам должен был стать идеальным гестаповским офицером. Главной заботой доктора Кастнера было вывезти группу венгерских евреев в Израиль. Я верю, что Кастнер пожертвовал бы тысячью или сотнями тысяч людей, чтобы достичь своей политической цели».

Так что, может быть, доктор Кастнер действительно и вывез из Венгрии в первую очередь своих близких. Только, увы, это отнюдь не единственное и далеко не главное обвинение, которое следовало предъявить ему. И израильский суд, и создатели спектакля «забыли» о тех тысячах венгерских евреев, которых предал этот представитель «комитета по спасению», продал фашистам, обрек на смерть. «Я имел всего несколько дюжин офицеров и унтер-офицеров и менее 300 рядовых эсэсовцев,— скажет потом Эйхман.— Без еврейского комитета я не смог бы ничего сделать...» Иными словами: без помощи Кастнера, без помощи сионистов нацисты не смогли бы уничтожить венгерских евреев...

В связи с 40-летием Победы над фашистской Германией публиковалось много материалов, посвященных бессмертному подвигу советского народа в Великой Отечественной войне. В числе советских граждан разных национальностей, внесших вклад в дело разгрома гитлеровских полчищ, отмечались и евреи — воины, труженики тыла. И западная печать достаточно подробно сообщала о советских воинах-евреях. Так, журнал «Календарю дель пополо» в одном из номеров рассказал своим читателям об участии советских евреев в партизанском

движении на оккупированной фашистами территории. (Согласитесь, нам, людям иного мировоззрения, непривычными, противоестественными даже, кажутся самые попытки подходить к такому великому общему делу, каким была победа над германским фашизмом, с подобными мерками: кто, что и сколько; определять «долю» участия и высоту героизма той или иной национальности.) Итальянский журнал сообщает, в частности, что подпольная организация сопротивления в Минске уже в августе 1941 года призвала евреев уйти из гетто в партизанские отряды. Несмотря на жесточайшие репрессии пацистов, в сентябре того же года она установила контакт с партизанской группой капитана Быстрова, организованной еще в июле 1941 года. Приводятся многочисленные свидетельства того, как евреи из минского гетто с помощью подпольщиков перебирались в леса, вступали в партизанские отряды, активно участвовали в борьбе с оккупантами. Только вывод из этих фактов следует иной — не тот, что делает журнал. Не обида, не желание отомстить за оскорбление собственного национального чувства заставили советских евреев взяться за оружие, а, как и людей всех наций и народностей нашей страны, любовь к Родине, ответственность, сознание неразрывности своей судьбы с судьбой всего народа, интернационализм.

В журнале вспоминается эпизод, связанный с борьбой одного из отрядов легендарной Украинской дивизии Сидора Ковпака. Отряд действовал во вражеских тылах с самых первых дней войны. Командиром его был лейтенант Красной Армии Юрий Колесников. Вместе с ним в тылу оккупантов сражался еще ряд офицеров еврейской национальности: Леонид Прутковский, Александр Непомнящий, Пейсах Чепчинский...

Сегодня Юрий Колесников — известный писатель... Мне доводилось беседовать с ним. И, вспоминая славную боевую биографию своего отряда, Юрий Антонович как-то признался, что, хотя среди партизан были люди самых различных национальностей, о национальной принадлежности никто тогда не думал: какое это могло иметь значение? И командиром отряда был не еврей Колесников, а советский офицер Колесников, и это было самым главным, самым авторитетным.

С 1985 года в издательстве «Советский писатель» начал выходить на русском, английском и французском

языках литературный ежегодник «Год за годом». В нем публикуются наиболее интересные материалы, появившиеся в журнале «Советиш Геймланд» на идиш. Уже первый выпуск (а сейчас в производстве находится третий) стал заметным событием в нашей литературной жизни. Я же хочу рассказать сейчас о документальной повести Льва Аркадьева и Ады Дихтярь «Неизвестная», опубликованной на его страницах.

...Первый раз фотографии Неизвестной я увидел лет десять назад в кают-компании грузового теплохода «Володя Щербацевич». Они были помещены в книге о пионере-герое из Белоруссии Володе Щербацевиче, казненном фашистами в октябре 1941 года. Вместе с Володией были казнены еще двое: подпольщик Кирилл Трус и неизвестная девушка, почти девочка. Один снимок запечатлел, как фашисты ведут их на казнь; на груди девушки — она в центре — плакат «Мы партизаны, стрелявшие по германским солдатам». Другой — казнь героев. Это, как я узнал уже потом из ежегодника, была первая публичная казнь на оккупированной территории нашей страны.

Я не знал имени девушки. Его, как сказали мне моряки, никто не знает. Для меня, для всех остальных она оставалась Неизвестной. Неизвестной советской героиней. Славной моей соотечественницей.

Долгий, очень сложный поиск, предпринятый Л. Аркадьевым и А. Дихтярь, помог восстановить имя Неизвестной. Это была семнадцатилетняя минчанка Маша Брускина. Вместе с этой еврейской девочкой сражались белорусы, русские, татары... Кто возьмется сейчас подсчитать, сколько людей различных национальностей участвовало в партизанском движении на территории хотя бы одной лишь Белоруссии? Да и кому нужен такой подсчет? Эти герои — что бы ни пытались сейчас говорить сионисты — сражались именно как советские люди. И — если было суждено — гибли как советские люди. Они защищали свое Отечество...

Сионисты не только всячески препятствовали участию евреев в борьбе против фашизма — об этом подробно пишет и итальянский журнал, — но и сейчас минувшую войну пытаются представить так, будто бы она велась фашистами лишь против евреев. Во время XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве я услышал, что в национальном клубе Великобритании развернута выставка о движении Сопротивления. Оказалось,

что создали эту выставку юноши и девушки из британской ассоциации еврейских студентов, входящей в Европейский союз студентов-евреев — организацию ярко выраженного сионистского толка. Выставка называлась так: «Еврейское сопротивление в годы холокоста. 1939—1945». Открывала ее фотография, на которой человек с нашитой на пиджак шестиконечной звездой (как это делалось в гетто, созданных нацистами) ведет урок талмуда. Подразумевалось, видимо, что именно с этого и начиналось сопротивление. На других фотографиях были запечатлены молодые люди в тропическом обмундировании и с оружием в руках; за ними следовали странички из дневника девушки, замученной нацистами... И создавалось полное впечатление, что не было никакой мировой войны, только холокост — уничтожение евреев.

Эту выставку мы смотрели вместе с членом партии «Молодые либералы» Ховардом Кохеном, евреем по происхождению. И он сказал мне:

— Евреи, безусловно, должны признать, что и другие народы понесли большие жертвы в войне с нацизмом, что антиеврейская политика была отнюдь не единственным преступлением германского фашизма...

Не станем винить Х. Кохена за мягкость выражений, куда важнее его реалистический подход к проблеме. Ведь советский народ потерял в минувшей войне более 20 миллионов своих сыновей и дочерей! И при знакомстве с выставкой, представлявшей какую-то «процеженную» войну, мне было стыдно. Я думаю, читатели поймут, почему.

Сионисты могут сколь угодно говорить о «всемирной еврейской нации», о том, что, дескать, «истинная родина» евреев — Израиль, но к каким бы словесным ухищрениям они ни прибегали, им никак не обойти тот очевидный факт, что именно Советский Союз стал Родиной для населяющих его евреев — иначе как объяснить столь активное, осознанное, творческое участие большинства советских евреев в жизни и защите нашего социалистического отечества?

В выманивании советских граждан на Запад, в спекуляции на так называемом «еврейском вопросе» принимают зачастую самое активное участие некоторые западные политические и общественные деятели, казалось бы, стоящие в стороне от сионизма, у которых, как мы знаем, достаточно собственных хлопот. Скажем, таких, как

рост безработицы в стране «свободного мира», расовые и этнические конфликты, повсеместный для капиталистического Запада рост организованной преступности...

Тут самое время вспомнить, что современный сионизм, хотя он и пытается решать собственные стратегические цели, вытекающие из его идеологии, является всего-навсего лишь одним из отрядов антикоммунизма. Как отмечают израильские коммунисты, «во многих частях мира, включая Израиль, сионистские организации и израильское правительство стали основными инструментами политической и идеологической борьбы империализма против социализма и коммунизма, против социалистических стран, особенно против Советского Союза».

Надо помнить и о другом. Каждый раз, когда Советский Союз выступает с новыми конструктивными мирными инициативами, на Западе находятся достаточно мощные силы, действующие в угоду военно-промышленному комплексу. Они тут же предпринимают ставший уже вполне банальным пропагандистский маневр, который, как они полагают, должен убедить мировое общественное мнение в том, что Запад готов к разоружению, но Советский Союз, дескать, неискренен в своем стремлении к росту доверия между народами, к международной разрядке. А потому у Запада нет иного выхода, как вооружаться и вооружаться... В качестве «убедительного доказательства» своей правоты рыцари «психологической войны» тут же выкладывают очередную фальшивку о «нарушении прав человека» в Советском Союзе, о «преследовании евреев» в нашей стране, о том, что-де советские евреи все как один мечтают о переселении в Израиль...

Непавистники социализма готовы любого преступника или же откровенного проходимца выдать за «жертву коммунистического режима» и лицемерно встать на его защиту. На какие только трюки не идут они, лишь бы сбить с толку общественное мнение, отвлечь, увести его в сторону от действительно насущных проблем!

Расскажу в этой связи о недавней истории, свидетелем которой мне довелось быть. Истории весьма показательной, на мой взгляд.

В феврале 1986 года сенатор США Оррин Д. Хатч, «ответственный за ратификацию договоров», как сообщает он о себе, отправил на имя депутата Верховного

Совета РСФСР Т. Г. Долгих письмо. Получив его, Тамара Георгиевна показала это письмо мне. Дело в том, что Т. Г. Долгих работает намотчицей на московском заводе «Динамо», коллектив которого традиционно поддерживает самые тесные контакты с Московской писательской организацией. Я же долгие годы работал в московской писательской газете, был даже одно время руководителем пресс-центра штаба по «Содружеству московских писателей с трудовыми коллективами столицы». Поэтому мы были достаточно знакомы с Тамарой Георгиевной.

— Прочитав письмо сенатора,— рассказывала мне Тамара Георгиевна,— я всю ночь спать не могла. Все думала: может, Люда, моя племянница, плохо перевела его с английского? Может, не так я поняла сенатора? Ведь если верить господину Оррину Д. Хатчу, то это именно Советский Союз виноват в том, что американский конгресс отказался ратифицировать договор ОСВ-2, что рейгановская администрация не поддержала советский мораторий на испытания ядерного оружия, взяла курс на милитаризацию космоса... Вот, посмотрите...

Я читаю письмо, отпечатанное на плотных листах желтоватой бумаги, украшенной поверху золотым тиснением — изображением герба Соединенных Штатов Америки.

«Дорогая мисс Долгих! — пишет Оррин Д. Хатч. — Я поздравляю Вас с избранием депутатом Верховного Совета РСФСР. Я приветствую борьбу за мир и прекращение смертоносной военной гонки. Но это может произойти только в том случае, если мы будем доверять друг другу и если все партии будут уверены, что интернациональные соглашения, необходимые для упрочения нашего будущего, будут заключаться искренне. Шагом в этом направлении может быть выезд из СССР Геннадия Хасина и его семьи...

Меня также тревожит безопасность Хасиных. Они были обвинены в прессе в преступлениях, которые они не совершали. Они были под угрозой нападения, но никакой защиты от милиции не получили... Во имя дела мира и международного сотрудничества эти злобные, несправедливые преследования Хасиных... должны быть прекращены. Я взываю к Вашим гуманным чувствам и прошу Вас сделать все, что в Ваших силах, чтобы ускорить отъезд Хасиных. Ваши попытки в этом направлении

будут положительным шагом в деле упрочения взаимного доверия между нашими странами...»

— В одном прав сенатор,— говорила Тамара Георгиевна.— Чтобы совместно бороться за мир, за разоружение, надо верить друг другу, крепить нашу дружбу. Но почему столь важные, принципиальные вопросы он сводит к частной проблеме — разрешению на выезд из Советского Союза в Израиль семьи Хасиных? И кто их преследует? Откуда такие сведения у сенатора? В чем видит он, наконец, нарушения Советским Союзом Хельсинкских соглашений и Международной декларации гражданских и политических прав?

— Я думаю, это очередная идеологическая провокация,— ответил я.— Кто-то, видимо, подsunул сенатору историю о «преследовании» советскими властями этой семьи. А мистер Хатч и ухватился за нее... Тот же «Иерусалимский центр информации о советских евреях» как блины печет подобные «истории». Да и в самой Америке, в странах Западной Европы достаточно подобных сионистских центров... Обратите, Тамара, внимание: каждый раз, когда Запад не готов или не хочет в позитивном духе откликнуться на наши мирные инициативы, он выдвигает очередные обвинения в нарушении прав человека в Советском Союзе. Очередной отвлекающий маневр, я так думаю...

— Я хочу во всем этом подробно разобраться,— сказала Тамара Георгиевна.— Вы пойдете со мной к Хасиным? В письме сенатора указан адрес этой семьи.

...Мы встретились у проходной завода «Динамо» после смены. Потом долго ехали на автобусе — через весь город, на улицу Шоссейную. Пока добирались, я постарался в нескольких словах рассказать Тамаре Георгиевне, что знал об этой семье — Наталье Борисовне Хасиной, ее муже Геннадии...

В свое время они решили уехать из Советского Союза на Запад. Но тогда им временно отказали в выезде, так как по характеру своей работы Н. Хасина располагала сведениями, составляющими государственную тайну. Весьма расчетливая Наталья Борисовна очень быстро сообразила, что из создавшейся ситуации — при определенных условиях — можно извлечь немалую выгоду. Тем более что перед ее глазами был достаточно красноречивый пример: ее хорошая знакомая Ида Нудель, которая нигде не работала длительное время, ухитрилась не

только припеваючи жить за счет «западных налогоплательщиков», но и приобрела к тому же значительное влияние среди тех, кто пытался по мере сил своих подражать ей, ибо смогла получить доступ к непосредственному распределению «материальной помощи», поступающей так называемым «активистам» и прочим «борцам» от сионистских организаций Запада.

Летом 1985 года москвич Дмитрий Шапиро, привлеченный к уголовной ответственности за распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, в своем заявлении, сделанном по Центральному телевидению, рассказал о той грызне, которая идет среди «активистов» за тряпки, бульонные кубики и денежные переводы, приходящие от «зарубежных родственников». Сказал он и о другом: Н. Хасина и несколько других лиц из ее близкого окружения, сами оставаясь по возможности в тени, не только своекорыстно распоряжаются «кассой», но и немало делают для того, чтобы привить своим знакомым дух национализма, втянуть их в акции, инспирируемые из-за рубежа, склонить этих людей к выезду в Израиль.

...Наверное, мы выбрали не самый удачный час для визита. Дверь, правда, нам открыли сразу, даже поначалу обрадовались: приняли за гостей, приехавших из другого города. А гостей в тот день здесь ждали, это мы поняли по ароматному запаху, плывущему из кухни, по звону посуды, устанавливаемой в одной из комнат просторной квартиры, по оживленной суете.

Но нас не позвали к столу. Быстро разобравшись, кто мы, нас попытались выставить за дверь. Тогда Тамара Георгиевна достала из сумки письмо американского сенатора и сказала, что пришли мы сюда по просьбе мистера Хатча из Вашингтона.

— Мы этого сенатора не знаем,— решительно заявила Наталья Хасина.— За помощью ни к нему, ни к кому-либо другому не обращались, мы в ней не нуждаемся... Сенатора ввели в заблуждение, нам ничто не угрожает.

Нас явно старались поскорее выпроводить — вместе с мистером Хатчем, который так не вовремя и не к месту решил заступиться за «бедных преследуемых». Хозяева, наверное, боялись, что мы встретимся ненароком с кем-либо из их гостей. И тогда мало ли что может произойти...

— Я приехала к вам после рабочей смены,— сказала Т. Г. Долгих.— Приехала как депутат, чтобы разобраться в вашей ситуации. Помочь, если есть в том необходимость. Так что, будьте уж так любезны, уделите нам несколько минут.

Нас буквально затолкали в дальнюю комнату, и, пока супруги препирались за стенкой, кому из них беседовать с депутатом, а кому встречать гостей, в дверях, отгораживая нас от остальной квартиры, стоял их внушительного вида зять...

Хоть и недолго, но нам удалось все-таки побеседовать с хозяевами, расспросить их о жите-бытье. Например, мы узнали, что Н. Хасиной хорошо известно мнение о ней Д. Шапиро, но она к нему «равнодушна...» Рассказали супруги и о том, как «воспитывают» свою младшую дочь: «Она у нас учит все, что задают в школе, но она уже понимает — это все не наше, это чужое, не нужное ей... Мы и старшую дочь так же воспитывали,— не скрывала Н. Хасина.— Она недавно вышла замуж и тоже собирается уехать из Союза...»

...А через несколько дней Тамара Георгиевна Долгих показала мне свой ответ американскому сенатору мистеру Оррину Д. Хатчу. С ее разрешения я привожу выдержки из письма:

«Уважаемый господин сенатор!

Мне близка и понятна Ваша забота о сохранении мира на нашей планете, Ваша обеспокоенность гонкой вооружения. Но, согласитесь, одно лишь декларирование своей озабоченности судьбами человечества мало что может дать в наше тревожное, беспокойное время, когда не только Земля, но и космос могут стать ареной ядерной войны, в которой не будет ни победителей, ни побежденных. Наше время требует конкретных и направленных действий, которые гарантировали бы коллективную безопасность, вселили бы уверенность в завтрашний день...

Я полагала, прочитав начальные строки Вашего письма, в которых Вы приветствуете борьбу за мир, что далее пойдет серьезный разговор о том, как нам с Вами — по мере наших сил — крепить этот мир. Как нам, используя ту власть, которой облекли нас избиратели, выполнить их основную волю — обеспечить мирное будущее планеты.

Но в чем же Вы, сэр, если судить по Вашему письму,

видите путь к разоружению, к росту доверия и взаимопонимания между нашими народами? К чему Вы, господин сенатор, сводите все те серьезнейшие проблемы, которые стоят сейчас перед человечеством и которые, как Вы утверждаете, волнуют Вас как законодателя, ответственного за ратификацию договоров...

Если судить опять-таки по Вашему письму, Вы ставите фактически знак равенства между судьбами мира и решением вопроса о том, когда семье Хасиных, проживающей в Москве, будет разрешено... выехать в Израиль...

Я не вижу никакой принципиальной связи между решением вопроса о выезде из СССР семьи Хасиных в Израиль и уровнем доверия между советским и американским народами. Более того, попытка установить и оправдать такую связь кажется мне не только искусственной, но и безответственной. Полагаю, что она явилась результатом той откровенно недобросовестной информации о семье Хасиных, которой кто-то позаботился снабдить Вас, чтобы использовать Ваше имя в целях, весьма далеких от тех, что Вы декларируете в своем письме...

У Вас, господин сенатор, вызывает особую тревогу, что Наталья Хасина дважды была названа на судебных процессах и в прессе «преступной подстрекательницей». Наверное, Вам было бы небезынтересно узнать, кто же назвал ее так? По словам Хасиной — ее недавние друзья Дмитрий Шапиро и Евгений Койфман... Как они рассказывали, именно с помощью Хасиной они получали посылки из-за рубежа, которые и являлись платой за их преступную деятельность, направленную против Советского государства... Не считаете ли Вы всерьез, господин сенатор, что подобная деятельность Хасиной способствует укреплению доверия между нашими народами и может вызвать одобрение Ваших избирателей?..

Наталья, как она рассказывала мне, вот уже более 10 лет предпочитает нигде не работать. Она вовсе не скрывала при этом, что фактически ее семья находится на содержании сионистских организаций США... Интересно, знают ли американские избиратели, куда и на кого идут их деньги? Считают ли они для себя возможным таким образом «крепить» взаимопонимание между нашими народами?

Впрочем, в жизни Хасиных, как я узнала от них, есть все-таки один нерешенный вопрос, он связан с тем, что семье временно отказано в выезде на постоянное жительство...

ство за рубеж. Вы, сэр, также касаетесь этой проблемы, настаивая на том, что Хасины, дескать, лишены возможности воссоединиться со своими родственниками в Израиле.

Действительно, в 1977 году мать Геннадия Хасина, разрушив фактически семью, бросив сына, выехала в Израиль. Три года тому назад она умерла.

Теперь уже сам Геннадий, как он сказал мне, готов выехать в Израиль с младшей дочерью, оставив в Советском Союзе свою жену и ее ребенка от первого брака... Такой поступок Геннадия Хасина вряд ли сможет снискать ему уважение. И мне не очень понятно, почему Вы, господин сенатор, решили вдруг взять под свою защиту человека, совершающего столь сомнительный с точки зрения элементарной порядочности поступок... Каким же образом, объясните, пожалуйста, поощрение безнравственности может служить столь благородным целям, как укрепление доверия между людьми?

Вы, господин сенатор, требуете разрешения на незамедлительный выезд из СССР семьи Хасиных, ссылаясь при этом, в частности, на соответствующие пункты раздела «Сотрудничество в гуманитарных и других областях» Хельсинкского соглашения.

Но при этом Вы, господин сенатор, во-первых, почему-то забываете упомянуть, что ни одно государство, подписывая Заключительный акт в Хельсинки, не обязывалось разрешить свободную эмиграцию своих граждан... И, во-вторых, Вы произвольно опускаете следующее важное положение, записанное в первом разделе Заключительного акта: «В области прав человека и основных свобод государства-участники будут... выполнять свои обязательства, как они установлены в международных декларациях и соглашениях в этой области, включая в том числе и международные пакты о правах человека».

В этом году, как Вы, верно, знаете, человечество отмечает двадцатилетие Международного пакта ООН о гражданских правах... В этом документе записано, в частности, что ограничение свободы является необходимым «для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения». В ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод отмечено, что «осуществление этих свобод, поскольку оно налагает обязанности и ответствен-

ность, может быть сопряжено с некоторыми формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые установлены законом, необходимы в демократическом обществе для охраны национальной безопасности... для охраны здоровья или нравственности... для предотвращения разглашения конфиденциальной информации». Добавлю еще, что государства-участники обязались «уважать право друг друга... устанавливать свои законы и административные правила».

Я так подробно остановилась на этом вопросе, чтобы показать, во-первых, что временный отказ семье Хасиных на выезд в Израиль, вопреки Вашим утверждениям, не вступает в противоречие с теми международными соглашениями, на которые Вы, господин сенатор, ссылаетесь... И, во-вторых, что попытка связать решение вопроса о выезде Хасиных из СССР с международной разрядкой, с ростом международного доверия является не только неправомерной и глубоко ошибочной, но и должна рассматриваться в свете Хельсинкских соглашений как вмешательство во внутренние дела суверенного государства, как неуважение его прав на собственные законы.

Впрочем, сама Наталья Хасина и объяснила мне, что ей отказано в выезде. Поэтому она и не обращается повторно с просьбой о выдаче ей визы...

«Я взываю к Вашим гуманным чувствам», — пишете Вы, призывая меня незамедлительно оказать помощь и защиту семье Хасиных, которые ни в помощи, ни в защите не нуждаются.

Заверяю Вас, господин сенатор, что все советские люди, а так же, как я думаю, многие американцы, посчитали бы истинным проявлением гуманных чувств с Вашей стороны, если бы Вы публично, ответственно осудили политику государственного терроризма, проводимую администрацией США... Вы озабочены мнимыми преследованиями, которым якобы подвергаются в нашей стране Хасины. Я же говорю о преследованиях вполне реальных, массовых, санкционированных правительством США.

...Ваша забота о семье Хасиных и им подобных не имеет ничего общего ни с укреплением доверия между нашими народами, ни с решением тех действительно серьезных задач, которые стоят сейчас перед человечеством, от решения которых зависит его будущее. Наше будущее...»

Такое письмо написала Тамара Георгиевна Долгих, рабочая завода «Динамо», депутат Верховного Совета РСФСР своему коллеге-парламентария в Вашингтон. Я был на заводе, когда Тамара Георгиевна рассказывала своим товарищам по работе об этой переписке с сенатором Хатчем, о том, что представляет из себя на самом деле семья Хасиных, как готовятся и осуществляются подобные идеологические диверсии. Я видел, с каким вниманием слушали ее и инженеры, и рабочие... Я очень жалел, что в зале нет мистера Хатча, американского сенатора. Интересно было узнать, чем была вызвана такая его доверчивость? Почему он, даже не потрудившись проверить подsunутые ему «факты», ринулся в бой? Почему, интересно было узнать, некоторые западные политики и общественные деятели столь охотно верят в подобного рода нелепицы? Действительно — почему?

...Хатча на той встрече не было. Насколько мне известно, своих объяснений, а равно и извинений — вполне естественных, как мне кажется, в подобной ситуации — он Тамаре Георгиевне Долгих не прислал...

9

Ну а если попытаться суммировать все те факты, о которых шла речь в моих заметках, — кто же тогда есть я? Кто есть я, говорящий уже не в первом поколении на русском языке, воспитанный на русской культуре¹? Кто есть я, предки которого веками жили в России?

Ответом на этот вопрос, думаю, могут стать слова, в свое время опубликованные в газете израильских коммунистов «Аль-Иттихад»: «Сама жизнь неопровержимо доказала, что евреи, живущие в различных странах, в национальном отношении принадлежат к тем нациям, внутри которых они живут... Нет абсолютно никаких оснований утверждать, что советские евреи и американские евреи принадлежат к одной нации, так как советские евреи есть советские и никакие иные по своей культуре, по своему экономическому и социальному укладу, политическим взглядам и воспитанию. Евреи, живущие в Аме-

¹ Несколько лет назад в печати было опубликовано сообщение о том, что исследователями Токийского университета экспериментально доказано: формирование уникальной культуры и психологического склада каждой этнической группы тесно связано с приобретенным еще в детстве языком.

рике, есть американцы и являются таковыми по культуре, политическому и экономическому укладу».

Кстати сказать, сходного мнения придерживаются и многие американцы. Так, например, известный общественный деятель, президент организации «Американские еврейские альтернативы сионизму», раввин Элмер Бергер еще в 60-е годы заявил: «Мы отвергаем программу, которая превращает евреев в изолированное, замкнутое, сегрегированное меньшинство... Какую альтернативу мы предлагаем?.. Евреи есть граждане тех стран, где они живут и земля которых стала для них родной... В современном мире мы хотим быть свободными индивидуумами, полностью интегрированными в общества, в которых мы живем...»

Об этом же говорил мне и президент Культурной федерации еврейских общин Аргентины, редактор журнала «Тьемпо» Рубен Синай:

— Аргентинская нация сложилась благодаря выходцам из Европы... У нас даже не существует официально такое понятие, как национальные меньшинства. В стране, население которой насчитывает почти 27 миллионов человек, проживает около 300 тысяч евреев. Но дело в том, что уже три поколения этих евреев, как и других выходцев из Европы, родились в Аргентине... Сейчас они значительно больше аргентинцы, чем евреи... К тому же мы вовсе не хотим рассматривать себя как представителей национального меньшинства — как не хотят того аргентинцы, предки которых были итальянцами, немцами, французами... Мы — аргентинцы.

Есть основания полагать, что эта точка зрения, высказанная независимо друг от друга и израильскими коммунистами, и достаточно далеким от коммунистических воззрений американским раввином, и прогрессивным общественным деятелем Аргентины, разделяется с каждым годом все большим числом здравомыслящих людей. Во всяком случае, XXX конгресс Всемирной сионистской организации, состоявшийся в декабре 1982 года, констатировал с прискорбием, что из 9 миллионов евреев, живущих в капиталистических и развивающихся странах, лишь 1,4 миллиона являются сторонниками сионизма. А ведь в это число, как неоднократно свидетельствовала западная пресса, сионисты включают не только действительно поддерживающих их, но и тех, кто вынужденно, под давлением вносит деньги в «Юнайтед джуиш эп-

пил» — организацию, занятую сбором средств для Израиля, руководят которой высшие чиновники американской администрации.

...По своему происхождению, воспитанию, духу я есть советский еврей и никаким другим быть не могу. Моя культура — это не только Шолом-Алейхем и Менделей Мойхер-Сфорим, но и Александр Пушкин, Лев Толстой, Максим Горький.

Моя культура — это Дмитрий Шостакович и Перец Маркиш, Чингиз Айтматов и Кайсын Кулиев. Иными словами, та культура, которая смотрит на окружающий мир не через призму «национальных интересов», а видит его во всей полноте, многообразии, сложности; которая утверждает не национальную ограниченность, некую особость одной нации, а подлинный гуманизм, равенство, уважение к людям.

Я воспитан на советской культуре, созданной долгим и вдохновенным трудом всех народов и народностей, живущих в нашей стране. На той самой культуре, которую новая редакция Программы КПСС определяет как социалистическую по содержанию, многообразную по национальным формам, интернационалистскую по духу.

И я горжусь этим!

* * *

Случается — уезжают, уезжают по израильским вызовам. Но едут люди не потому — об этом я и хотел бы сказать бывшим соседям Левы, — что евреи, а потому, что обмануты, потому, что плохо знают историю, потому, что поверили в миф о существовании «всемирной еврейской нации» — опасный, зловещий миф, порожденный сионизмом. Случается, что едут и в надежде на скорое обогащение, в надежде удовлетворить свои частнобизнеснические интересы, навязанные передачами разных зарубежных «голосов», пропагандистскими брошюрками, рассказывающими о «прелестях свободного мира». И забывают при этом, что обогатиться на Западе может, как правило, тот, кто лучше умеет обманывать, ловчить, жать соки из других...

Об обманутых людях, об их разочарованиях писал недавно западногерманский журнал «Шпигель». Его корреспондент побывал в Нью-Йорке, в районе Брайтон-

Бич, где расположилось «самое большое в мире еврейское эмигрантское гетто», которое здесь называют «маленькая Одесса». В многочисленных бедах этих людей западногерманский журналист винит... Советскую власть, советскую печать, которые недостаточно хорошо подготовили этих людей к жизни в «свободном мире», в условиях «слишком большой свободы». Той самой «свободы», которая обернулась для них трагедией.

Для очень и очень многих, покинувших нашу страну по вызову, пришедшему из Израиля, вызов этот стал знаком беды и неисчислимых страданий.

Виктор МАГИДСОН

ЧУЖИЕ СРЕДИ ЧУЖИХ

1

На цветной фотографии, вложенной в пестрый конверт, обклеенный израильскими почтовыми марками,— пожилая седоволосая женщина. Она стоит на раскаленной ленте асфальта, поставив у ног хозяйственную сумку, щурясь от яркого солнца. За ее спиной до самого горизонта желтеет пустыня, среди которой нелепо торчат три скучных параллелепипеда многоквартирных корпусов. На обороте фотографии аккуратно выведена надпись: «Единственному дорогому сыну от безумной мамы. Кирьят-Ям. 24. 04. 81».

Когда я писал в очерке «Путь вниз»¹ о судьбе бывшей москвички Ф. Л. Хайкиной, я еще не видел этой фотографии и не читал ее писем. Из документов, с которыми меня познакомили в ОВИРе, я знал только, что Хайкина, поддавшись на уговоры случайных знакомых, людей, настроенных крайне националистически (о них я отчасти тоже попытался рассказать в упомянутом очерке), решила перебраться в Израиль. Зачем? В целях «воссоединения семьи» — именно так объяснялось в ее заявлении желание покинуть Советский Союз. (Беру эту формулировку в кавычки не только потому, что она взята мною из документа, но и потому, что она вопиюще противоречит истинному положению дел.)

Я писал о том, как сын Фани Лиокумовны, московский инженер-математик Валерий Петрович Дулуб, вел яростную борьбу за родного человека: всячески пытался переубедить ее, умолял отказаться от рокового шага, обращался в различные организации с просьбой повлиять на его мать. Но Хайкина была непреклонна и все-

¹ См.: С чужого голоса: Сборник.— М.: Моск. рабочий, 1985.

таки уехала, оставив в Москве сына, родных сестер, многочисленную родню...

Об этом я и писал.

А вскоре после выхода книги мне позвонил Валерий Петрович Дулуб, с которым прежде мы знакомы не были. Назвавшись, он предложил встретиться.

...Валерий Петрович оказался еще довольно молодым мужчиной. Широкоплечий, пожалуй, чуть грузноватый (потом я узнал о его увлечении занятиями штангой), он сидел напротив меня, внимательно вглядываясь через стекла очков мне в лицо большими грустными глазами. Впечатление Дулуб производил несколько странное: сила и явная целеустремленность, а они положительно угадывались в его манере держаться, как-то очень органично соседствовали с почти детской беззащитностью, с наивностью человека, которого никто никогда не обманывал, с той застенчивостью, что обычно свойственна людям, привыкшим к сосредоточенному одиночеству.

Вот тогда-то он и принес мне эту фотографию. И еще толстую папку, в которой со скрупулезностью, присущей математику, были сложены письма его матери из Израиля и копии ответов на них. За все годы.

Валерий Петрович хотел, чтобы я опубликовал их. Почему — это я без труда понял, читая переписку.

С тех пор мы — два-три раза в месяц — встречались с Валерием Петровичем. И вместе читали новые письма, присланные Фани Лиокумовной. Или же вместе волновались, если они долго не приходили. А основания для волнений были...

Валерий Петрович рассказывал мне о своей матери, о ее последних годах жизни в Москве; пояснял некоторые места в ее письмах, понять которые непосвященному так вот, с ходу, непросто: иногда, чтобы обезопасить себя от возможных преследований израильских властей, Фани Лиокумовна прибегала к шифру или иносказаниям.

Читая письма этой женщины, я не мог не думать об ответственности иных моих бывших соотечественников, бездумно и опрометчиво распорядившихся и своею судьбой, и судьбой своих близких. Только на них, этих людей, покинувших свою страну, ложится вся тяжесть ответственности за свой поступок — перед оставленными родственниками, перед бывшими друзьями, перед живыми и мертвыми...

В июне 1983 года на пресс-конференции Антисионистского комитета советской общественности корреспондентами иностранных газет среди других вопросов были заданы и такие: «Чем можно объяснить уменьшение числа выездов из СССР?», «Правда ли, что в СССР желание советских евреев выехать в Израиль или другую страну расценивается как предательство? Если да, то почему?».

На эти вопросы отвечал первый заместитель председателя Антисионистского комитета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР С. Л. Зивс: «Мы давно сталкиваемся с жонглированием цифрами, которое широко применяется сионистской пропагандой. То объявляется, что из Советского Союза желает выехать 50 тысяч, то 700... Естественно, возникает вопрос, откуда берутся эти цифры? Отсчет ведется не от реального количества лиц, которые обращаются или обратились с ходатайством о выезде, а от тех цифр, которые планируются сионистскими, с позволения сказать, демографами. Скажем, посылают 100 тысяч вызовов — немедленно объявляется: 100 тысяч человек хотят выехать. Как это делается? Под предлогом «объединения семьи» подобного рода вызовы направляются людям, у которых никогда не было и нет родственников в Израиле. Иногда они посылаются даже реально не существующим советским гражданам либо по несколько одному человеку... Советские граждане присылают нам письма, полные возмущения, прилагая вот такого рода «официальные» вызовы... В течение ряда послевоенных лет основным мотивом, который побуждал советских граждан еврейской национальности выезжать, был мотив воссоединения. Однако воссоединение в основном завершено, и поэтому, естественно, происходит сокращение числа выезжающих... В записке со вторым вопросом (корреспондента американской газеты «Лос-Анджелес Таймс». — В. М.) подчеркнуто слово «предательство». Я думаю, что из моего ответа вы поняли: в том случае, когда имеет место воссоединение членов семьи, когда действительно воссоединяются отец и дети, которых он потерял во время войны, или они его потеряли, никакого предательства нет. Но когда речь идет о том, что человек попал в сети лживой сионистской пропаганды, я, как юрист, сказал бы, что это антипатриотический поступок, который не соответствует нашим моральным принципам,

который не встречает поддержки советского общества, абсолютного большинства евреев — граждан нашей страны».

Что и говорить, Фани Лиокумовна Хайкина, другие, о ком мне приходилось писать, в частности в очерке «Путь вниз», уезжали вовсе не потому, что потеряли в свое время родственников и теперь, найдя их, хотели с ними воссоединиться. Причины были иные. И, уезжая, они не могли не понимать, что совершают именно антипатриотический поступок. Но уезжали.

Многие из них — пусть с опозданием, трагическим для их судьбы опозданием — осознали ошибку и свою ответственность за нее, готовы были собственную загубленную судьбу превратить в назидание, предостережение другим. Но, как известно, даже самое искреннее и полное осознание вины еще не означает ее искупление. Пока это — неперемненное условие внутреннего обновления, возрождения, очень важное, решающее, может быть, условие!

«Я глубоко осознал совершенную мною ошибку... Я понял, что моя жизнь вне Родины немыслима», — так пишет проживающий сейчас в США бывший москвич, «гражданин СССР с 1938 по 1979 год» Леонид Давидович Лейбман, который в свое время, как он сообщает, «подписал трафаретную ложь о якобы имеющихся родственниках в Израиле».

Эти же слова о немыслимости жизни на чужбине — не о жизни, а о существовании в лучшем случае — содержатся в письмах и заявлениях сотен и сотен бывших советских граждан, оказавшихся в силу политической и гражданской незрелости за рубежом. Пишут те, кто стал — так или иначе — жертвами идеологической диверсии. Именно жертвами, ибо я веду сейчас речь не об убежденных националистах, о горстке отщепенцев, которым чужды и советский строй, и наши обычаи, и наши великие цели. О тех — особый разговор. Здесь речь — о жертвах.

Не стоит упрощать проблему, сводить ее лишь к тому, что большинство бывших советских граждан, оказавшихся в капиталистическом «раю», непременно голодают и холодают (хотя многим действительно приходится несладко). Не в том даже дело, что «новые граждане» — на «земле обетованной» или в иных заморских землях — сталкиваются, как правило, с труд-

ностями, о которых раньше знали лишь из газет: с массовой безработицей, жизнью на подачки, с социальным беспорядком, самыми изощренными формами расовой вражды и нетерпимости... Не в этом суть, ибо многие в конце концов как-то устраиваются, приспособливаются, имеют и кусок хлеба, и пару джинсов — так что не голодают вроде бы и голыми не ходят...

Ну а разве в Советском Союзе голодали? Разве выстаивали часами на биржах труда в поисках работы? Или мерзли в хибарах, сколоченных из кусков фанеры и ржавых листов кровельного железа? Стоит ли выдавать «жизненные успехи» выехавших из нашей страны за действительно ж и з н е н н ы е у с п е х и? Стоит ли рассматривать постную благотворительность капиталистического мира как некий образец социальных завоеваний, как некий гарант и признак человеческого благополучия? Вот посмотрите, из каких жизненных «радостей», из каких достижений состоит, скажем, жизнь того же новоявленного «американца» Леонида Давидовича Лейбмана.

В Москве Лейбман имел и квартиру, и прекрасную, уважаемую работу — много лет он успешно трудился врачом-протезистом в районной поликлинике, слыл хорошим специалистом. А вот что он пишет о своей жизни там. «Мне удалось найти работу в стоматологической лаборатории... С ростом цен за жилье, продукты питания и транспорт я с трудом сводил концы с концами. Мне требовалась медицинская помощь, но я не смог себе этого позволить из-за высокой стоимости посещения врача. Я вынужден был искать вторую работу вечером. Мне удалось найти работу уборщика. Пришлось мыть полы в коридорах, туалетах, рабочих помещениях учреждений... Отложив немного денег, я обратился к врачу-специалисту после перенесенной мною сильной простуды. После приема мне назвали причитающуюся с меня плату. Я был ошеломлен названной суммой, она превышала мою недельную зарплату. И это всего лишь за 10-минутную консультацию... Неожиданно меня уволили с прежней работы из-за недостатка заказов... Сначала я пробовал искать работу сам, потом стал просить какую-либо работу на бирже труда. Мне неизменно отвечали, что ничего мне предложить не могут, работы нет... Мне удалось найти работу в лаборатории при зубной клинике с оплатой, едва превышающей минимальную».

Так что, как видим, Лейбман в конечном счете с голоду не умер, даже устроился много лучше, чем иные коренные американцы, до сих пор простаивающие с утра до ночи на бирже труда. Правда, при этом он, врач, дабы хоть как-то свести концы с концами, вынужден был приработка ради мыть туалеты. Ничего подобного в Москве ему и в голову не приходило!

А уж если говорить о Ф. Л. Хайкиной, то ей вроде бы и вовсе не на что жаловаться: и пенсию ей в Израиле в конце концов дали, и комнату... Но так ли это важно, ведь и Хайкина, которая все это и многое другое имела в Советском Союзе, и Лейбман, и многие другие — устроившиеся и неустроившиеся — не только о хлебе насущном пишут в своих письмах и заявлениях, а прежде всего о принципиальной невозможности жить в капиталистическом мире человеку, родившемуся и получившему воспитание в советском обществе. Даже при условии, что Запад дает ему работу, кусок хлеба и крышу над головой. Эта принципиальная невозможность обусловлена иным восприятием жизни, иными требованиями к ней. Наконец, постоянным ощущением своей чужеродности: ведь и жители тех стран, в которых оказались эти люди, видят в них не только приезжих, которые никогда не станут своими, но и реальных конкурентов. Это вынуждены признавать даже те немногие из бывших советских граждан, у кого на первый взгляд меньше всего оснований считать себя «жертвами», кто отправлялся на Запад с одной и неприкрытой мечтой — сделать карьеру в «мире свободного предпринимательства». К таким относятся, в частности, некие супруги Инжеваткины — Регина и Александр. Из Советского Союза они выезжали на постоянное жительство в Израиль, но, оказавшись в Вене, быстро сориентировались в обстановке: объявили себя «политическими (?)» иммигрантами и заявили о своем желании следовать уже не в Израиль, а в США. Не знаю, как сейчас, а в начале 80-х годов супруги были несказанно довольны своим новым положением. Но и тогда в их письмах в Москву проскальзывали отнюдь не безоблачные нотки: «Вас, конечно, интересуют судьбы иммиграции. Не могу сказать, что все безоблачно. Как сказал мой Саша: «Если бы я не надеялся на что-то впереди, я бы повесился». Да, нас принимают организации, три месяца содержат, оплачивают квартиру, газ, питание, а потом... Мы здесь никому

не нужны... Еврейские организации устраивают людей на мелкие еврейские предприятия, где есть переводчики из своих, в основном это физический труд, и оплата невысокая... Конечно, отдельные подготовленные личности пробиваются, но это, может быть, 1 процент... Я, походив по университетам, конечно, место преподавателя философии или русского языка не нашла...»

Не знаю, что случилось с розовой мечтой этой женщины и ее мужа, но обратите внимание на фразу: «Мы здесь никому не нужны». Чужие среди чужих — в этом все дело. Тем более чужие, если из благотворительного фонда оплачены твоя квартира и твой стол.

«Если бы я не надеялся на что-то впереди, я бы повесился...» А на что, собственно говоря, можно надеяться в чужой стране? На то, что попадешь в мифический 1 процент? На осуществление в реальности рождественской сказки о бедном замерзающем мальчике, ставшем в назидание неверующим в «мир равных возможностей» миллионером?

Ну а, допустим, произойдет такое чудо! — разве станет даже тогда чужая страна своей? Чужое небо — родным?

Когда приходит неизбежное осознание себя как чужого среди чужих, понимание, что до конца жизни (до конца!) для всех, тебя окружающих, ты будешь лишь «паршивым иммигрантом», который ест «не свой кусок хлеба», занимает «не свое место»? Когда наступает прозрение?

Из множества писем, приходящих в нашу страну от бывших советских граждан, я не случайно выбрал для публикации те, что были отправлены Хайкиной. Не случайно именно их я предлагаю вниманию читателей — в том виде, как они были написаны ею. Я посчитал необходимым лишь сделать некоторые сокращения, а также — там, где это необходимо — прокомментировать переписку матери и сына: встречаясь регулярно с Валерием Петровичем Дулубом, я, естественно, знал о злоключениях его матери несколько больше, чем рассказывали письма.

Судьба Фани Лиокумовны заинтересовала меня не потому, что сложилась она как-то особенно трагично. Если судить по внешним приметам, все обстояло более или менее благополучно... Но в этой судьбе изначально была заложена некая неестественность, абсолютная не-

возможность счастья. Ведь, с одной стороны, в мире ценностей, на которые привыкла ориентироваться Фани Лиокумовна, были такие понятия, как Родина, семья, достоинство советского человека. А с другой... Что оказалось с другой? Что заставило ее бросить родной дом и мчаться с такой готовностью и безоглядно невесть куда? И как пришло осознание своей ошибки? Мне показалось, что письма дают ответы на этот, на многие другие вопросы. И в этих письмах — предостережение. Предостережение всем тем, кто готов с бездумной легкостью позволить недобрым людям распоряжаться своею судьбой.

2

...О своих новых знакомых Фани Лиокумовна старалась говорить дома поменьше. Чувствовала, что не по душе они сыну.

Познакомилась она с некой Асей Моисеевной Цитленок. Собственно, встреча с нею произошла почти случайно, в продовольственном магазине. Правда, в эту случайность слабо верится. Трудно предположить, что Ася Моисеевна, достаточно разборчивая в знакомствах, так уж сразу, без причины вспылала любовью к впервые увиденной соседке по очереди, стала приглашать ее к себе домой, подолгу беседовать с ней. А в беседах этих почти непременно принимали участие ее взрослые сыновья, Виктор и Борис. В искренность отношений семьи Цитленков к Хайкиной не верится вот почему: когда, уже оказавшись в Израиле, Фани Лиокумовна навестила Асю Моисеевну, та встретила ее более чем прохладно — столь прохладно, что продолжение знакомства стало невозможным.

А что же тогда в Москве? Причину, видимо, надо искать в другом: ведь известно же, что адреса людей, которые «хотят» или «могут захотеть» выехать из Советского Союза — «капитал», и немалый, среди «активистов». Тем более, если к тому же окажется вдруг, что отысканный адрес не «липовый». Семья же Цитленков, готовясь к израильской жизни, всю сколачивала «свой капитал» и известна была московской милиции достаточно хорошо: Борис, например, неоднократно привлекался к административной ответственности за нарушение общественного порядка. И всякий раз отчеты о

его похождениях, соответствующим образом обработанные, оказывались на страницах наиболее реакционных западных газет. Об этом заботился «крестный отец» братьев Цитленков Владимир Семенович Слепак, сыгравший печальную роль в судьбах многих десятков москвичей (о нем я подробно рассказывал в очерке «Путь вниз»).

В. П. Дулуб хорошо запомнил кое-какие рассказы братьев Цитленков: его мать почти дословно повторяла их дома. Собственно, сначала Хайкиной внушалась мысль, что в Советском Союзе-де существует «целая программа антисемитизма», которую вот-вот начнут превращать в жизнь — будут и погромы, будет и кое-что пострашнее... Но даже Фани Лиокумовна, не обладающая особенно широким кругозором, поверить во все это не могла.

Тогда пошли рассказы о том, какой в Израиле чудесный климат, какие там замечательные врачи, какая приятная жизнь и т. д., то есть о более понятных для женщины вещах: здоровье и впрямь начинало потихоньку сдавать, незадолго до этого была перенесена тяжелая операция. Поэтому уверения, что в Израиле «лечат все болезни, буквально все», производили впечатление. Однако от веры во всемогущество израильских врачей до веры в «погромы» — расстояние огромное. Ведь никто никогда Фани Лиокумовну в нашей стране не притеснял. У нее всегда ладилась работа. Ей с сыном дали хорошую квартиру в Измайлове. Валерий закончил Московский университет, прекрасно устроен. А с другой стороны — там «лечат все болезни», там «булки растут на деревьях, надо только откусывать»...

(Я позволю себе поделиться с читателем одним наблюдением, видимо, хорошо известным психологам и социологам. Когда человек очень хочет чего-либо, и если он к тому же недостаточно критично настроен к своим желаниям, то тут даже у достаточно умных людей возникают столь мощные «допуски», что вскоре белое начинает казаться черным, а черное — сам бог не поймет, каким. Вот почему, я думаю, многие из тех, кто столь страстно, самозабвенно рвался за рубеж, уже в первые дни по приезде туда начинали, что называется, кусать локти: реальный Запад никак не укладывался в созданную ими схему — в ту единственную схему, которая «оправдывала» их желания.)

Любая нелепица, связанная с «там», воспринималась как истина. И вот уже женщина обмирала от ужаса, когда «очевидец» Виктор Цитленок рассказывал ей, как под улюлюканье толпы по одной из московских центральных улиц будто бы гнался за еврейским юношей русский здоровяк, пытаясь пронзить его самодельной пикой... А другой Цитленок, Борис, поспешал с «комментариями» насчет того, что-де скоро евреев будут принимать на работу только дворниками да грузчиками. «Я вот уже работаю грузчиком в булочной», — говорил он. И Хайкина согласно кивала: в последнем он не лгал. Только не ведала она, что Борису, имеющему высшее образование, выгодно было работать грузчиком — именно в этом качестве он и несколько его приятелей и представляли интерес для западной прессы: ведь та преподносила хулигана Цитленка как «жертву советского режима», как «невинно страдающего борца за свободу». Да и материально выгодней: потоком шли «жертвам» посылки из сионистских центров.

Осенью 1971 года Ася Моисеевна объявила Хайкиной, что вместе с младшим сыном Виктором уезжает в Израиль. Не хочет ли та последовать ее примеру?

Хайкина попыталась осторожно выяснить у сына его отношение к отъезду. И услышала категорическое: «нет!»

А вскоре от Аси Моисеевны пришла Хайкиной шуба, оцененная в комиссионном магазине в 250 рублей. Комментируя этот подарок, Борис Цитленок подчеркнул специально: «Вот видите, не успели наши приехать на новое место, а уже такие дорогие подарки делают». (Только несколькими годами позже узнала Фани Лиокумовна, откуда берутся эти подарки¹...) Борис же сообщил с гордостью, что Виктор добровольцем пошел служить в израильскую армию, а Ася Моисеевна устроилась в «Сохнут»: «Вот как наши славно устроились!»

Перед Новым годом Хайкина серьезно заболела. Тогда ее навещил старший Цитленок, Лев Давидович. И вновь потекли «сладкие» речи о чудесах израильской

¹ Сотрудники «Сохнута» или, как его чаще называют в Европе, «Еврейского агентства», организации, специализирующейся на заманивании евреев в Израиль, ведут подробный опрос бывших советских граждан, выясняют, в частности, у них адреса «нуждающихся» и, случается, высылают по этим адресам посылки. Так зачастую начинается идеологическая диверсия, конечная цель которой — склонить людей к выезду на Запад.

медицины¹, о прекрасной жизни в этой стране, где все друг друга любят, друг другу помогают, а капиталист отличается от рабочего только тем, что трудится денно и ночью... Лев Давидович собирался к отъезду в Израиль и не жалел слов, чтобы уговорить Фани Лиокумовну последовать за ним, непременно вместе с сыном.

...В начале 1979 года Хайкина выехала в Израиль. Одна. Сын категорически отказался ехать. Однако она была уверена, что Валерий Петрович вскоре последует за ней, что ему просто ничего другого не останется: после отъезда матери его выгонят с работы, затравят...

О том, как все сложилось на самом деле, лучше всего расскажут письма...

* * *

Хайкина — Дулубу. Вена, 2 марта 1979 года: «Дорогой сынуля! Привет сердечный из Вены! Итак, я здесь... Нас встретили и отвезли в гостиницу. Кормят отлично... В субботу вечером, возможно, полетим дальше... Целую крепко. Мама».

Хайкина — Дулубу. Израиль, Нагария, 10 марта: «Здравствуй, мой дорогой сынуля!.. В Вене я две ночи переночевала одна в комнате и сразу утром смогла свою гимнастику сделать, с палкой. Она путешествовала всю дорогу со мной, очень многих развлекала. Будучи в Вене, я получила море удовольствия. Очень торжественно встретили и проводили субботу... В субботу после ужина нас посадили в самолет, и ночью мы прибыли на аэродром им. Бен-Гуриона. Нас, пенсионеров, отвезли в гостиницу и дали денег — пособие на первое время, которое будем получать в течение трех месяцев. Нам уже оформили банковские книжки, на которые будут переводить нашу пенсию с первых дней пребывания в стране — 1800 лир в месяц. За три месяца у меня будут сбережения 5400 лир... То, что я обменяла в Союзе, тоже не буду тратить...

Отель наш находится на берегу Средиземного моря. Когда сижу за столом, то море кажется сразу же под окном. Вид и воздух сказочные... Я живу в однокомнат-

¹ Любопытно отметить, что все эти разговоры об израильской «чудо-медицине», судя по всему, один из излюбленных приемов «вербовщиков в Израиле». Об этом, в частности, рассказывал в мае 1984 года на пресс-конференции Антиснионистского комитета советской общественности москвич И. Е. Лехт, семья которого стала жертвой подобной провокации.

ной квартире еще с одной. Я хочу добиться, чтобы ей дали отдельную, и остаться одной...»

Хайкина — Дулубу. Израиль, Нагария, 16 марта: «Я сегодня положила в банк свои доллары, которые обменивала в Москве, так что у меня будут уже сбережения. Для начала это очень хорошо... Скоро нас начнут возить на экскурсии. С наступающим днем твоего рождения...»

Дулуб — Хайкиной. Москва, 2 апреля: «Здравствуй, дорогая мамулька! Получил от тебя телеграмму из Вены, письмо из Вены и два письма из предместья Хайфы. Ты говоришь, что утром 2 марта отправила мне из Вены телеграмму. На самом же деле телеграмма была отправлена из Вены 7 марта в 17. 10 по венскому времени. Ты говоришь, что утром 2 марта отправила мне из Вены письмо. На самом же деле письмо было отправлено из Вены 6 марта. Видимо, ты написала 2 марта телеграмму и письмо и сдала их охраннику лагеря. Вас всех не выпускали из лагеря, поэтому ты не смогла позвонить мне... Кстати, ты так и не видела Вену, да и лагерь находится не в самой Вене...

Твою посылку (в предыдущем письме Хайкина сообщила сыну, что высылает ему посылку.— В. М.) я еще не получил. Кстати, в какую сумму обошлась тебе эта посылка? Я боюсь, что эти посылки сильно ударят по твоему карману, поэтому в дальнейшем тебе следует воздержаться от них... Твой сын Валерий».

Хайкина — Дулубу. Израиль, Нагария, 26 марта: «Здравствуй, дорогой сынуля!.. Сегодня море с утра буйное, шумит без устали, как хорошо здесь! Пенсию с 1 апреля прибавят в связи с повышением цен. Нас не обижают — сразу же и надбавка. Будем получать 2150 лир в месяц. Я высчитала, что у меня будут приличные сбережения. Кроме того, жизнь здесь беззаботная... Нас должны возить по стране на экскурсии, я еще ничего не видела».

Дулуб — Хайкиной. Москва, 11 апреля: «Здравствуй, дорогая мамулька!.. Я проанализировал твои предыдущие письма и сделал вывод, что посылку мне ты выслала не за свои личные деньги... В субботу 7 апреля по телевизору в передаче «В мире животных» целый час показывали заповедник Аскания-Нова... Очень сожалею, что ты не смогла ее видеть...

3 марта исполнилось 20 лет созданию на механо-ма-

тематическом факультете МГУ (Дулуб заканчивал этот факультет.— В. М.) кафедры математической логики... 7 мая исполняется 45 лет Еврейской автономной области. Кстати, Еврейский народный театр в 1967 году на конкурсе народных театров РСФСР завоевал первое место... Поздравляю с праздником 1 Мая. Твой сын Валерий».

Хайкина — Дулубу. Израиль, Нагария, 29 марта: «Дорогой сынуля, здравствуй! Я еще ничего от тебя не получала, неужели ты еще ни одного моего письма не получил? Возможно, и рано...

1 апреля еду в Тель-Авив к Фанечке...»

(Тут следует сказать несколько слов о том, кто такая Фанечка, в гости к которой собиралась автор письма. С Фаней Львовной Лурье и ее матерью Анной Михайловной Неймарк Хайкина познакомилась лет за десять до описываемых событий, когда те снимали дачу у сестры Фани Лиокумовны. В начале 1979 года, поддавшись на уговоры своего мужа Бена Лурье, Фаня Львовна уехала с ним и с дочерью в Израиль, некоторое время спустя туда отправилась и Анна Михайловна. Эти подробности приводятся потому, что данная семья сыграла значительную и далеко не безобидную роль в судьбе Хайкиной...)

Дулуб — Хайкиной. Москва, 18 апреля: «Здравствуй, моя дорогая мамулька! Ты обижаешься на меня за то, что я вроде бы не желаю тебе писать и даже отказался от тебя. Этого никогда не было и не будет. Ты всегда со мной, несмотря на то, что нас разделяет более чем 3000 километров. Я постоянно помню и думаю о тебе. Просто долго идут письма...

Завтра пойду на концерт финской эстрады. А ты хоть смотришь телевизор?»

Хайкина — Дулубу. Израиль, Нагария, 10 апреля: «Сижу у окна и пишу. Море бесподобно голубое шумит, погода прекрасная. Живу хорошо, беззаботно...»

Дулуб — Хайкиной. Москва, 27 апреля: «Получил от тебя весьма своеобразное письмо из Нагарии. В этом письме на конверте ты не написала ни номера моего дома, ни корпуса, ни квартиры. Лишь благодаря тому, что моя фамилия довольно-таки редкая, письмо с некоторой задержкой попало ко мне... Находясь в Москве, ты ни разу не делала ошибок в написании адресов. Такие ошибки при написании своего родного адреса приводят

меня к назойливой мысли, что ты не нашла в новой стране того, о чем мечтала, когда жила в Москве. А когда человек разочарован, расстроен, то у него буквально все валится из рук, и он на самых простых вещах делает досадные ошибки. Ты не огорчайся и не падай духом...»

Хайкина — Дулубу. Израиль, Тель-Авив, 18 апреля: «Здравствуй, сынуля! Нахожусь уже несколько дней в Тель-Авиве у Фанечки... Она работает на военном заводе... Тебе Бена хочет написать несколько слов. Он разговаривал с одним человеком, тот говорит, что такому, как ты, можно устроиться моментально. С кем бы я ни говорила о тебе, все удивляются, как это ты, математик, и... остался. Короче говоря, все твои прогнозы не подтвердились! Целую тебя. Мама».

Приписка на полях письма, сделанная Б. Лурье: «Лера, привет! Наверное, ты меня еще не забыл. Я разговаривал с одним доктором наук, физиком. Он говорит, что с твоей квалификацией нет никаких проблем. Так что я жду тебя здесь... Жму руку. Бен».

Хайкина — Дулубу. Израиль, Нагария, 21 апреля: «Наконец, я получила твое первое письмо — в день возвращения из Тель-Авива. Я тебе оттуда послала письмо с маленькой припиской Бены...

Что касается твоего представления обо мне в Вене, то это все не так. Во-первых, у меня там еще не было денег, чтобы телеграмму, письмо и посылку отправить. Все это делают сотрудники «Сохнута» бесплатно. Что они посылают, я не знаю, они только в бланке отмечают, сколько человек. Нас охраняют, это правда. Охраняют от террористов, и мы выносим за это нашу искреннюю благодарность...»

Хайкина — Дулубу. Израиль, Нагария, 25 апреля: «Вчера получила твое второе письмо... У тебя очень неправильное представление обо всем... Ты меня извини, я думала, что ты хоть немного изменил свое поведение».

Хайкина — Дулубу. Израиль, Нагария, 30 апреля: «Я читала твое письмо здесь нашим соседям — обхохотались из-за «геркулеса» и постельного белья. Ты, наверно, думаешь, что я живу впроголодь, и решил оказать мне материальную помощь. Еще раз благодарю, не надо ничего, кроме того, о чем я сама тебя попрошу... Твои, сыночек, прогнозы ни в чем не подтвердились...»

Дулуб — Хайкиной. Москва, 6 мая: «Как видно, мои прогнозы подтвердились полностью. Значит, дело было

так. 1 марта ты очутилась в Вене на аэродроме. Туда подъехал автобус с полицейскими машинами. Вас посадили в автобус и отправили в замок Шенау. Замок Шенау похож на военный лагерь. Он обнесен колючей проволокой и охраняется вооруженными полицейскими с овчарками. Колючая проволока и полицейская охрана пужны для того, чтобы не убегали люди, передумавшие ехать в Израиль. Здесь, в комнате 1-А, «Сохнут» ведет первую обработку прибывших: долгие беседы с каждым в отдельности, в основном о тех знакомых в Советском Союзе, кому можно послать вызов...

У нас в квартире ничего не изменилось, по выходным дням обедаю в диетической столовой, белье стараюсь стирать сам...»

Дулуб — Хайкиной. Москва, 20 мая: «Тон твоих последних писем меня огорчил. По твоим словам получается, что в Израиле многие живут прекрасно, прямо как в сказке, как в раю. А так ли это на самом деле? А тебе известно, что ежегодно число беглецов из Израиля превышает число прибывающих в Израиль? Бегут из Израиля от войны, нищеты, дискриминации и расизма... 90 процентов бывших советских граждан, попавших в Израиль, хотели бы оттуда уехать, но сделать это очень трудно из-за долгов... А теперь возьми бумагу и карандаш. Мы будем сейчас делать кое-какие расчеты. Раньше у тебя была пенсия в размере 1800 лир. Теперь у тебя пенсия в размере 2150 лир. Значит, тебе прибавили пенсию на 19 процентов. Раньше ты на конверты наклеивала марку стоимостью 5,40 лир... Теперь же ты наклеиваешь три марки: 5,40, 3,00 и 0,10. Таким образом, стоимость марок на конвертах стала равной 8,50 лирам и увеличилась на 57 процентов. Тебе не кажется, что увеличение стоимости марок на конверте в процентах значительно больше увеличения твоей пенсии?.. Тут есть о чем подумать...»

15 мая в 12 часов 30 минут я решил одну математическую задачу. Я пытался решить ее целых 10 лет. Никто в мире не умеет решать эту задачу...»

Хайкина — Дулубу. Израиль, Нагария, 3 мая: «Получила твою посылку. Большое спасибо за заботу... Лерочка, у Изика скоро день рождения, и мне хочется подарить ему хорошую бритву, если можно, купи ему «Агидель», запасную головку и ножи. А мне хотелось бы электромиксер...

Ошибаешься, сыночек, телевизор мы смотрим, и не так уж скучно нам, как ты пишешь...»

Дулуб — Хайкиной. Москва, 22 мая: «Ты просишь, чтобы я тебе выслал электробритву «Агидель» с запчастями. Кстати, кто такой Изик? Впервые слышу это имя.

Сегодня смотрел документальный фильм об эвакуации в грозном 1941 году. В то время фашисты больше всего и с особым остервенением бомбили железнодорожные составы. Как мы с тобой уцелели тогда — один только бог знает...»

Хайкина — Дулубу. Израиль, Нагария, 16 мая: «...Лечение здесь исключительно на высшем уровне, лекарства не такие, как в Союзе. Купила йод, и он совсем другой. Так что, мой сыночек, ты нахватался нелепых информации. Прошу тебя, больше мне гадости не пиши, ибо я могу на тебя очень обидеться. Еще раз: опомнись, что ты делаешь???!!! Я тебе три вызова послала. Почему ничего не пишешь, получил ли хоть один? Повторяю, сыночек, опомнись. Мне очень не нравится твоя среда...»

Дулуб — Хайкиной. Москва, 3 июня: «Ты жалуешься, что я тебе писал «гадости». Но эти «гадости» взяты из официальных документов, из писем израильских граждан, и в частности из писем Фанечки к матери. Так что обижаться на меня из-за этих «гадостей» не следует, ведь эти «гадости» — сама израильская жизнь. Ты говоришь, что я в жизни совершал ошибки. Согласен, совершал. И самую страшную ошибку я совершил 1 марта этого года; ошибка заключается в том, что я не сумел сорвать твой выезд на чужбину. Потерю Родины не заменят ни море, ни пальмы, ни фрукты...

Тебе не нравится окружающая меня среда. Но эту среду составляют Берта, Фира, Нина (ближайшие родственники Хайкиной.— В. М.), соседи из 31-й квартиры, Анна Абрамовна, Елена Давидовна, Лиза Гольдман (здесь речь идет о бывших московских друзьях Фани Лиокумовны.— В. М.)... Все они никак не могут понять, во имя чего ты уехала в Израиль и обрекла себя на одиночество.

Посылку¹ еще не получал, а вызов получил...

¹ В каждом из своих писем Хайкина интересуется, получил ли сын посылку, отправленную по ее просьбе сотрудниками «Сохнута» еще из Вены,— об этой посылке она упоминает еще в одном из первых писем в Москву. Валерий Петрович считает, что сотрудники «Сохнута», знакомясь с содержанием его писем в Израиль, поняли, что он ехать никуда не собирается, и посылать ему ничего не стали.

Сегодня к 8 часам утра мне удалось развить успех в решении математической задачи, решенной мною 15 мая...»

Хайкина — Дулубу. Израиль, Нагария, 22 мая: «Сегодня получила посылку, за которую благодарю, а больше ругаю... Когда задумаешь что-нибудь послать, то купи на рынке Измайловском две большие мочалки (у ворот) и 2 столбика моего любимого сахара...»

Дулуб — Хайкиной. Москва, 10 июня: «...Наша Нина говорит, что Изика с его приближающимся днем рождения не существует и в помине. Просто ты выдумала Изика, чтобы реализовать те предметы, о которых ты меня просишь. Так ли это на самом деле?..»

Хайкина — Дулубу. Израиль, Нагария, 28 мая: «Получила твое письмо, которое меня окончательно вывело из терпения. Я думала, что ты возьмешь себя в руки и образумишься... Я тебя в предыдущем письме просила прекратить мне писать гадости и повторяю: если еще раз такое письмо получу, больше ответа не жди! Забудь... Я твое письмо прочла одним людям, они явно решили, что ты психически неполноценный... Повторяю, посылки мне не посылай. Я кушаю то, что вам и во сне не снилось!..»

Дулуб — Хайкиной. Москва, 17 июня: «Здравствуй, дорогая мамулька! Ты пишешь, что я якобы попал под чье-то влияние... Это все не так. Во-первых, у меня высшее университетское образование, и ко всем явлениям окружающего мира я стараюсь подходить научно... А во-вторых, меня окружают хорошие, доброжелательные люди, и они на меня не оказывают никакого давления... Поскольку я тебе сын и друг, а ты моя любимая мать, то я считаю своим человеческим долгом сообщить тебе о том, с чем ты можешь воочию столкнуться...»

Хайкина — Дулубу. Израиль, Нагария, 3 июля: «...У нас в Тель-Авиве открывается ресторан «Русский самовар». Будут продукты все русские — водка, икра, шампанское и т. д. Приезжай, пойдем в ресторан...»

Вот ведь как, с умилением, пишет женщина о том, от чего еще совсем недавно так истово отрешивалась, что готова была презирать и хулить. Впрочем, я уже привык к неизбежности подобных мотивов в письмах бывших советских граждан. Конечно же, этот тель-авивский ресто-

ран с «русской кухней» — всего-навсего еще одно печальное свидетельство неистребимой, хотя пусть и не всегда осознанной, ностальгии человека, оказавшегося на чужбине. Чужие среди чужих... Они цепляются за любую малость, чтобы — пусть иллюзорно! — вернуться к тому, что безвозвратно потеряно...

Недавно я прочел очень интересную книгу ленинградского журналиста Бориса Кравцова «Бегство из гетто». В ней, в частности, приведены выдержки из западногерманского журнала «Шпигель» за август 1982 года. В статье, принадлежащей З. Когельфранцу, дано своеобразное развитие темы, затронутой в последнем письме Хайкиной из Израиля. Когельфранц пишет о «маленькой Одессе», о районе Брайтон-Бич, расположенном в Нью-Йорке. По его словам, это «самое большое в мире еврейское эмигрантское гетто». Вот несколько строк из этой статьи: «Хотя магазин называется «Интернациональная пища», ассортимент товаров рассчитан на «ограниченный круг покупателей»: копченая рыба, селедка, «изрядно прочесоченная колбаса» и «минеральная вода «Боржом» с Кавказа» (по 1,49 доллара за пол-литровую бутылку, поскольку она доставлена с другого конца света). В расположенном по соседству магазине грампластинок продают те же самые пластинки, к которым жители «малой Одессы» привыкли в то время, когда жили в Одессе или Киеве. В газетном киоске они покупают «Советский спорт», в ресторане им предлагают русские блюда. Здесь играют... в шахматы вместо флиппера...

Этот район,— сообщает журнал,— настолько быстро превратился в гетто, что нью-йоркские полицейские, несущие там службу, должны приспосабливаться к особенностям жителей; поскольку большинство пожилых иммигрантов не учит английский язык и не нуждается в нем в своем квартале... дорожные патрули прибегают к исковерканному русскому. Они реагируют на крик «помогите» и могут на ломаном русском спросить: «Что случилось?» Выход своей депрессии одни дают в еврейских организациях: «Зачем вы зазвали нас сюда?» Другие штурмуют советские представительства. Некоторые кончают жизнь самоубийством...»

Дулуб — Хайкиной. Москва, 22 июля: «...Я никогда не покину пределы Советского Союза хотя бы уже потому,

чтобы тебе было куда и к кому вернуться... Я тебя до сих пор не выписываю и квартплату вношу за тебя и за себя...

В Москве в середине июня проходили гастроли еврейского музыкального ансамбля. Об этом регулярно сообщалось в газетах. 21 июня по телевизору из Италии передавали финальный матч на первенство Европы по баскетболу между мужскими командами СССР и Израиля. Матч прошел очень корректно. СССР выиграл и занял первое место... А ты смотрела этот матч? Твой сын Валерий».

Хайкина — Дулубу. Израиль, Нагария, 31 июля: «...Что же мне делать, если ты окончательно отказываешься приехать ко мне? Что же делать? Нас на планете только двое, я всю жизнь прожила ради тебя... Ведь ты у меня один-единственный...»

Хайкина — Дулубу. Израиль, Нагария, 3 августа: «Дорогой сынок, здравствуй! В следующую пятницу мне должны предложить квартиру, какую и где — не знаю... Хочу скорее получить, чтобы можно было забрать багаж, во всем разобраться...»

Хайкина — Дулубу. Израиль, Нагария, 15 августа: «...Завтра сдаю документы на оформление квартиры в Кирьят-Яме, в большом доме со всеми удобствами. Это специально для пожилых одиночек и супружеских пар...»

Хайкина — московской подруге Анне Абрамовне. Израиль, Нагария, 25 августа: «Спасибо, Анна Абрамовна, за долгожданное письмо... То, что мой Лера может убедительно доказать, что я совершила ошибку, он прав! Я действительно ожидала другого отношения к нам. Материально жить можно, но духовная жизнь отсутствует, культура тоже... Мы здесь второй сорт, если не третий. Распространяться не следует, поэтому я посылаю небольшое представление о положении (в конверт была вложена вырезка из израильской газеты «Наша страна» от 20 августа 1979 года. Автор этой статьи вынужден признать, что у олим — новых израильских граждан — более чем достаточно оснований для панических писем на бывшую родину.— В. М.). До сих пор квартиры не имею, стало очень трудно с жилой площадью. Пенсионерам вообще неохотно дают, особенно в приличном районе. Самочувствие среднее, настроение ниже среднего... Получила уже

два письма от Полины Юльевны. Она находится в «ульпане»¹, настроение так себе».

Дулуб — Хайкиной. Москва, 1 сентября: «Здравствуй, моя любимая мамулька! Сегодня исполнилось 40 лет с того дня, когда гитлеровская Германия развязала вторую мировую войну. Кроме того, исполнилось полгода, как с Шереметьевского аэродрома взлетел воздушный лайнер и взял курс на Вену...

Я внимательно слежу за жизнью в Израиле и знаю, что за последние два месяца дважды повышались цены на продукты питания. При этом в последний раз, то есть в середине августа, цены на хлеб и мясо-молочные продукты поднялись на 45—50 процентов, а твоя пенсия повысилась (в середине августа) на 6,29...»

Хайкина — Дулубу. Израиль, Нагария, без даты: «Здравствуй, дорогой сынуля! ...Что должна я делать? Пиши, чтобы я окончательно готовиться начала. Ты понял меня?..»

У читателя, дошедшего до этих страниц, неизбежно должен возникнуть вопрос: как так? Еще совсем недавно Фани Лиокумовна не мыслила, казалось, себя вне «земли предков». Ни уговоры родных, ни долгие споры с сыном — ничто не смогло ее остановить. Уезжала, чувствуя себя героиней, с победно поднятой головой. И в Израиле ее встретили, если судить по первым письмам, не худшим образом. Так почему?

Когда прошла первая радость от «щедрот» «Сохнута», Фани Лиокумовна конечно же не могла не подумать о том, что в Израиле она не получила ничего, чего бы не имела на Родине, только получено это было не из милости, а трудом нажито. Затем последовало новое разочарование: оказалось, что никому из тех, кто уговаривал ее уехать из Советского Союза, нет до нее дела. А тут еще выяснилось, что никто в Москве преследовать Валерия Петровича не собирается. Значит, обманули ее? И тем самым лишили надежды на встречу с сыном, во всяком случае, в Израиле, ведь ехать туда он не собирался и туда его, вопреки предположениям Хайкиной, никто не

¹ Большинство вновь прибывших в Израиль прямо с аэродрома, зачастую вопреки их воле, отправляют в «ульпаны», где они подвергаются соответствующей идеологической и психологической обработке.

гнал. А если и в другом обманули? Она наверняка должна была однажды так подумать... Постепенно пребывание в Израиле потеряло для женщины смысл — тот, изначальный, который, как казалось старой женщине, руководил ее решением покинуть свою Родину, Советский Союз. А поэтому она уже была способна заметить не только ласковое море, видимое из окна общежития-гостиницы, но и многое другое, чего раньше не замечала и замечать не хотела. Ее письма — тому свидетельства, хотя до сих пор она была очень сдержанна в них (почему — выяснится позже).

Я читал письма в том порядке, в каком в свое время читал их Валерий Петрович Дулуб: иногда хронология нарушается, ибо порой поздние письма опережали написанные ранее — порядок этот я счел нужным сохранить. И, хотя знакомясь с теми, первыми, я еще не мог понять всего, что произошло с Фани Лиокумовной, читал терпеливо и ждал. Ждал, когда из отдельных штришков, недомолвок, иносказаний, невольных признаний выкристаллизуется ясная причина того, что сделает для Фани Лиокумовны невозможным дальнейшее пребывание в Израиле.

Но не будем забегать вперед. Не станем поспешно судить женщину за нерешительность и за некоторую мелочность, излишнюю расчетливость, за какие-то другие, быть может, малоприятные черты, которые сможет угледеть читатель. Не это все главное.

Главными в ее жизни были два поступка: отъезд из Советского Союза и попытка вырваться из Израиля, когда пришло прозрение. Что лежало между этими поступками — рассказано в письмах. Давайте вновь обратимся к ним.

Дулуб — Хайкиной. Москва, 14 сентября: «Здравствуй, дорогая мамулька! Я продолжаю писать статью, надеюсь кончить к Новому году... От говяжьего мяса отказываться тебе не надо (несмотря на дороговизну говядины). Питание должно быть разносторонним и полноценным...»

Хайкина — Дулубу. Израиль, Нагария, без даты: «Сегодня продала транзистор «Спидолу» за 1800 лир, ибо оставлять себе нет смысла... Квартиры еще не видно... Мясо я не покупаю, оно очень дорогое, курятина тоже очень дорогая. Основное питание молочное, овощи

и фрукты. В весе я здесь с момента прибытия в страну потеряла 7 кг...»

Хайкина — Дулубу. Израиль, Нагария, 3 октября: «...Фотоаппарат и «Спидолу» уже продала... На днях приехала «шлеперка» (нищенка.— В. М.). Когда-то она жила под Москвой, но мы совершенно разные во всех отношениях... Скоро здесь начнутся дожди, а у меня нет плаща. Придется купить...»

Дулуб — Хайкиной. Москва, 21 октября: «...Несмотря на дороговизну мяса, его изредка тебе надо кушать. Позволяет ли тебе бюджет покупать 1 кг мяса раз в неделю?..»

Хайкина — Дулубу. Израиль, Нагария, 15 октября: «...Сегодня день приема представителем «Сохнута». Дело в том, что мое временное удостоверение находится около двух месяцев в Хайфе, отдадут лишь недели через две, вместе с ордером. Это, собственно говоря, меня не волнует, но без книжки не могу багаж получить... Вчера мне звонила Фанечка. Материально живут хорошо, но скучают по Ленинскому проспекту...

Жизнь здесь безумно дорожает...»

Хайкина — Дулубу. Израиль, Нагария, 28 октября: «...Дороговизна отчаянная, пенсию получаю 3350 лир, на питание уходит около 2000...»

Хайкина — Дулубу. Израиль, Нагария, 31 октября: «...Лерочка, ты спрашиваешь, сколько стоит 1 кг мяса. 240 лир...»

Хайкина — Дулубу. Израиль, Нагария, 21 ноября: «Здравствуй, дорогой сынуля! Здесь со вчерашнего дня повысились цены на хлеб, молочные продукты, мороженных кур, масло растительное. Еще предстоит повышение на воду, электроэнергию, транспорт, почтовую связь и т. д. Надбавок к пенсии пока нет...»

Хайкина — Дулубу. Израиль, Нагария, 25 ноября: «...Получила твое письмо в пятницу, но сразу не ответила, ждала воскресенья: с чем пожалует сотрудник по жилплощади? И опять безрезультатно. Дело в том, что заселять этот дом будут лишь в январе, но мне ведь главное книжку получить, без которой не могу багаж получить... Вчера звонила Фанечка, у них уже устанавливают телефон, установка обойдется в 5600 лир...»

Хайкина — Дулубу. Израиль, Нагария, 30 ноября: «...С 1 декабря подорожает транспорт на 50 процентов... Письмо теперь будет стоить 12 лир. Уже три дня, как

началась израильская зима, от которой можно одуреть. Ветры страшные, вой, дожди ливневые, море взбесилось, на улицу не выйдешь. И так, говорят, будет продолжаться два месяца...»

Хайкина — Дулубу. Израиль, Нагария, 18 января 1980 года: «...Лерочка, я давно никуда не ездила, ибо транспорт очень дорогой. Из Нагарии в Тель-Авив поездом стоит в одну сторону 60 лир. Вообще все подорожало: хлеб серый, 750-граммовый батон, стоит 5 лир, черного здесь нет, а белый еще дороже, его никогда не покупаю; мой сахар любимый — 45 лир, а песок — 22,50 лиры за килограмм. Треску не кушаю, очень дорогая — 95 лир, молоко тоже не покупаю — 16 лир за литр. Творог хотя и дорогой, но его употребляю ежедневно: покупаю коробку в 400 г за 30 лир. Вчера купила одну селедочку за 52 лиры. Сметану не покупаю, масло сливочное 1 кг — 160 лир, кушаю только маргарин — 9 лир пачка в 200 грамм, мне хватает на целую неделю...

Лерочка, в письмах будь сдержан...»

Хайкина — Дулубу. Израиль, Нагария, 10 января: «...С Асей (речь идет о семье Цитленков.— В. М.) у меня никакой связи. Квартиры пока нет, успокаивают одними обещаниями, сыта по горло. Но не это меня волнует, а багаж. Боюсь, что все сгниет, а это основной мой капитал...»

Хайкина — Дулубу. Израиль, Нагария, 13 декабря 1979 года (это письмо пришло с большим опозданием): «Здравствуй, дорогой сынуля!.. Фанечка мне часто звонила, пока у нее была сверхурочная работа, а в обычное рабочее время, когда все начальство на работе, звонить нельзя. Как тебе известно, здесь телефонные разговоры, особенно днем, очень дорогие... Книжку (удостоверение) вернули в прошлое воскресенье, а заселять обещают в январе, в чем сомневаюсь... В гостинице живу бесплатно, а там будет стоять хорошую копейку, ибо за все удобства надо платить: за паровое отопление, мусоропровод, лифт, уборку, кондиционирование воздуха и т. д. Все очень подорожало, дороговизна обгоняет надбавку...»

Дулуб — Хайкиной. Москва, 8 февраля 1980 года: «Здравствуй, моя дорогая мамулька!.. Вчера исполнился год, как я из Малаховки привез мебель, рухнул вместе с мебелью на пол и разбил люстру. После разбитой люстры у меня было плохое предчувствие. И вот на следующий день — ровно год назад — я из почтового ящика вынул

неприятную открытку, разрешающую тебе выезд из СССР...»

Хайкина — Дулубу. Израиль, Нагария, 27 января: «...В Тель-Авив поеду (эта поездка нужна была Хайкиной, чтобы начать хлопоты о выезде из Израйля.— В. М.), когда будет квартира и с багажом разделаюсь. Надо полагать, что времени у меня еще много впереди. Только терпение, а его у меня всегда было много. И на сей раз постараюсь, чтобы хватило. Здесь на каждом шагу говорят «савланут» — терпение, а терпеть приходится кругом. Квартиру, наверное, получу не раньше февраля — марта...»

Хайкина — Дулубу. Израиль, Нагария, 12 февраля: «...Квартира повисла в воздухе. В апреле, в мае — неизвестно... С одной стороны, лучше: платить не надо. А с другой — багаж, что с ним? Уже скоро год, как он находится в Тель-Авиве... На питание уходит около 2 тысяч лир.

Уже неделя, как живу одна в комнате, моя соседка выехала. Никто не приезжает. Слава богу!

Фанечка очень жалеет, что оставила маму и приехала в эту дыру. На днях получила от нее письмо...»

3

Поняв окончательно, что выезд в Израиль стал для нее роковой ошибкой, Хайкина начинает бороться за право уехать из «страны предков». Бороться прежде всего с собой, ибо ей, человеку, привыкшему верить в непогрешимость собственных жизненных оценок и практических поступков, пытавшегося уверить в этом и сына, и родственников, психологически трудно признать свою ошибку, осознать, что она, ошибка эта, исковеркала и ее жизнь, и жизнь ее семьи. Но вместе с тем она начинает уже внимательней, острее вглядываться в то, что окружает ее на «земле обетованной». Поэтому в письмах все чаще проскальзывают горечь, откровенная растерянность. Она сообщает сыну, что решила предпринять практические шаги для того, чтобы покинуть Израиль, может быть даже, если удастся, вернуться в Москву. Оба, и мать, и сын, понимают, как это непросто: ведь государственная граница — не улица, которую с легкостью можно пересекать в любом направлении. Да и, если уж быть откровенным, нехорошо уезжала из Советского Союза Хайкина...

Нет, пожалуй, смысла и далее подробно, придерживаясь хронологического порядка, приводить переписку матери с сыном. Я постараюсь воспроизвести здесь лишь те строки из писем Хайкиной Дулубу, из которых возникает не тот рай-Израиль, что изображен на красочных обложках сионистских проспектов, не тот рай-Израиль, который взалхлеб восхваляет радиостанция «Голос Израиля», а реальная страна, мало схожая с рекламой. В ответных письмах Валерий Петрович пытается всячески поддержать мать, вселить в нее уверенность в то, что ее решение покинуть Израиль — разумное и единственно правильное. Он пишет матери о своей работе, увлечениях, товарищах, о жизни нашей страны. Делится мыслями по поводу прочитанных книг, новых кинофильмов — ведь всего этого Фани Лиокумовна Хайкина лишена в Израиле.

Хайкина — Дулубу. Израиль, Нагария. Строки из писем 1980 года:

«Здравствуй, дорогой мой сынуля!.. В голове у меня целый сумбур. А главное, что все у меня в секрете, не с кем поделиться... Моей соседки уже нет, вчера приехала новая... Лерочка, пора мне от них избавиться насовсем...»

«Спасибо, сыночек, за все твои заботы... Сыночек, меня принуждают получить израильский паспорт (прошел уже год, как я здесь)».

«...Здесь каждый шаг — проблема. Обо всем можно только рассказать. Описанию не подлежит. Живет со мной новая «шлеперка», бывшая молдаванка... Живу надеждой, а ссылка-каторга продолжается... Сыночек, ты был прав, первое полугодие я была еще неосмотрительна, а сейчас окончательно убедилась в совершенной мною (и тысячами других людей) ошибке... Дороговизна невероятная, с каждым днем цены растут как на дрожжах, а надбавки слабее стали, в прошлом месяце всего 100 лир прибавили. Да черт с ним, и это переживу. Главное — добиться цели, и все останется нелепым сном... Крепко целую. Мама».

«Дорогой мой сынуля!.. Мне очень тяжело физически ехать в Тель-Авив (это необходимо, чтобы собрать и оформить документы на выезд из Израиля.— В. М.). Идиотский город, одни только автобусы курсируют, а для меня это каторга — до рвоты. Плюс дороговизна

транспорта: туда-обратно больше 200 лир... Живу надеждой, и это дает мне бодрость и силы... С 1 апреля на 100 процентов подорожают основные продукты... Крепко целую, обнимаю. Мама».

«...У нас с 1 мая ожидается подорожание, чуть ли не на 100 процентов. Дали уже надбавку в 500 лир. Ха-ха-ха! Сегодня пошла в супер (здесь — продовольственный магазин.— В. М.), израсходовала 325 лир и толком ничего не купила... Заявления у меня уже готовы, лежат в конвертах. Все документы собраны...

Одну ночь ночевала у Фанечки. Бена мне сказал, что, если бы это была не я, которую он очень давно знает, он бы на порог не пустил. А почему — ты должен понять. Встретили они меня не очень тепло...»

«Здравствуй, дорогой сынок! Сегодня в День Победы получила твое долгожданное письмо с поздравительной открыткой... Вчера завершила все дела. Два дня пришлось ездить по Тель-Авиву... В общей сложности поездка туда мне обошлась в 900 лир. Теперь осталось только ждать...

Квартиры и не видать пока, но меня это не тревожит, ибо с 1 мая уже и пенсионеры тоже будут за квартиру платить. Наверное, начнут вселять не раньше сентября... Ты пиши чаще, а я буду реже, ибо письмо в Москву стоит 21 лиру...»

«...Паспорт в любом случае не получаю, гражданство автоматически всем дают по прибытии в страну. Но то и другое не отразится на основной цели. Я уже два раза была в посольстве, беседовала по этому поводу... Дали мне соответствующие анкеты, все уже сделала и сдала, осталась одна справка из поликлиники. Эту справку я получу только через девять дней (бюрократизм), затем надо в нотариальной конторе перевести на русский язык и заверить. Тогда отвезу... Хотела забрать багаж, но директор гостиницы, мерзавец, не дал письма. Не даст, пока не получу квартиру...

Самочувствие среднее. Настроение — только надежда...»

«Здравствуй, дорогой сынуля! 12 июня вернулась из сволочной деревни, где я пробыла ровно месяц (в деревне Фани Лиокумовна хранила свой багаж после того, как ей все-таки удалось его получить; хранила у почти незнакомых людей, так как дирекция гостиницы не разрешила ей перевезти вещи к себе.— В. М.). 11 мая уехала

за багажом, а там уже писать было невозможно. Реализовала что-то как могла, лишь бы поскорее удрать отсюда. Из деревни до Нагарии автомашиной привезла оставшиеся вещи. Заплатила 4 тысячи лир... Здоровье стараюсь беречь, особенно нервы, которые здесь требуются крепкие... Обещают скоро переселить в Кирьят-Ям, но мне безразлично... Женщина, которая приехала из Малаховки, живет в нашем коридоре, очень мучается тем, что приехала сюда... Сердечный привет всем, всем!»

«...Получила поздравление ото всех со знаменательным событием: 70 лет! Спасибо большое за все пожелания! Надеюсь, что они будут осуществлены, только время с нами не в контакте, убегает от нас, и его остановить никому на планете не удастся. Вот так...

Продолжаю с большим трудом реализовывать багаж. Я завезла его к грузину (характерно, что саму Хайкину в Израиле называют не иначе как «русской», зачастую вкладывая в это оскорбительный смысл; приехавших из Грузии все называют только «грузинами», из африканских стран — «черными». — В. М.)... Уже 7 часов 30 минут. Надо позавтракать и к 8 часам идти к «магазину», возможно, меня будут ждать...»

«...Не спешила с ответом, чтобы сообщить свой новый адрес. Но снова разочарование: еще придется ждать недели две... Лето здесь в этом году очень знойное и страшная влажность. Хожу вся мокрая, климат очень тяжелый. Похудела, страшно загорела, стала отвратительная, себя не узнаю в зеркале...»

«...Очень жаль, что не видела я открытия московской Олимпиады. Телевизор стоит внизу, газет нет, программы передач не знаю, и вообще я ни с кем тут не общаюсь. Мне здесь все противно... Зной невыносимый. Хуже, чем в прошлом году...»

«...Я поторопилась написать, чтобы ты больше не писал мне на старый адрес... Багаж еще полностью не реализовала. Очень сложно здесь что-то продать. Сволочи, хотят все задаром... Завтра еду в Тель-Авив. С Фанечкой связи никакой...»

Впоследствии женщина не раз возвращается в своих письмах к Лурье и ее семье, чье предательство (Фани Лиокумовна, естественно, не могла понять и принять, что предательство это диктовалось самой израильской действительностью), возможно, было самым сильным моральным потрясением за время ее жизни в Израиле. Они

ведь очень дружили в Москве, доверяли и верили друг другу...

«...Квартиры пока нет... Моя соседка выехала, но снова живу в напряжении, какого фрукта еще ко мне вселят? Здесь одной в комнате жить не дают, несмотря на то, что пустуют квартиры...

«...Вчера, наконец, ездила заключать контракт и получила ключи от новой квартиры. Машину на переезд заказу сразу, как получу пенсию...

Последнее время стал сказываться климат; видимо, подхватила ревматизм — тут это явление обычное. Лечусь, но здесь очень невнимательное отношение врачей, и вообще здесь болеть нельзя. Скучаю по врачам из нашей поликлиники на Зеленом проспекте...

В январе 1981 года письма из Израиля начинают приходиться с новым обратным адресом — Хайкина получила, наконец, квартиру в Кирьят-Яме, неподалеку от Хайфы.

«Итак, я живу в своей квартире, и опять как на вокзале... О квартире не распространяюсь, ибо это дом для пенсионеров, гостиничного типа. Меня это мало радует. Отопление здесь паровое, батареи красивые, а тепла нет. Говорят, что и не будет в этом году. Так что утром вставать не очень приятно. Скоро снова повысятся цены на связь, так что я писать буду реже...»

«...Наш городок маленький, грязненький, и все довольно дорого. Квартира тоже обойдется в хорошую копейку...»

«...Живу в своей квартире уже месяц... За декабрь заплатила за нее 340 лир, а с 1 января будет уже 430. А газ, электроэнергия и вода будут пахнуть тысячами. Скорее бы уж избавиться от всего! Не знаю, когда придет время золотое...

Я здесь познакомилась с семьей из Бобруйска. Еще молодые, около двух лет в стране. Тоже занимаются тем же, чем и я...»

«...Вчера у меня были знакомые бобруйчане, о которых я уже писала. Приходили за консультацией. Остались мною довольны. В субботу пойду к ним, у нас же есть общий интерес...»

МИД СССР (через посольство Финляндии в Израиле) — Ф. Л. Хайкиной, 17 февраля 1981 года:

«В ответ на Ваше ходатайство Министерство ино-

странных дел СССР сообщает, что удовлетворить Вашу просьбу о въезде в СССР на постоянное жительство в настоящее время не представляется возможным».

На первых порах Фани Лиокумовна приняла это известие как известие о собственной гибели — так и писала Валерию Петровичу. Прошло немало времени, прежде чем она поняла простую вещь: иначе и быть не могло. Ведь она сознательно добивалась выезда. Никто не подталкивал ее к тому, чтобы она покинула родную страну, — напротив, разубеждали, отговаривали, предупреждали о последствиях. Никого не послушала Фани Лиокумовна, и вот результат. И здесь бессмысленно упрекать кого-то, кроме себя, в жестокости за полученный отказ в возвращении на Родину, ибо такой отказ закономерен. Слишком высоко и дорого звание гражданина СССР, чтобы позволить кому-либо пренебрегать им. Оно утверждается жизнью человека — его честью, преданностью, поступками. А не словами, к тому же запоздалыми...

Хайкина — Дулубу. Израиль, Кирьят-Ям:

«Часто слушаю передачи «Маяка» из Москвы и плачу, как никогда, ибо потеряла надежду. Сыночек, тебе тяжело, а я еще подливаю масла в огонь. Извини... Жду твоих писем. Теперь только ими и живу...»

«Мне, сыночек, больно и тяжело, что я тебе причинила столько хлопот и переживаний...

Зубы вовремя не сделала, а здесь протезы стоят 20—25 тысяч...

Может быть, ты еще сможешь добиться изменения дела...»

«Сегодня получила твою посылку, за которую большое спасибо. Использовала уже хозяйственную сетку — какая прелесть!.. Особых новостей у меня нет, их теперь можно ждать только от тебя. Единственная новость — это очередное подорожание. 200 г «геркулеса» теперь стоят 140 лир. В следующей посылке пришли 1 кг «геркулеса»...»

«Вчера первый раз была в кино. Смотрела русский фильм «Пять вечеров». Помещение — сарай... Питаюсь, вернее жру. Здесь иначе нельзя: ты жрешь и тебя жрут».

«Если бы ты только знал, как все здесь мучаются! Чтоб сдохли те, кто посеял эту выездную эпидемию!.. Как нас, приехавших из Советского Союза, здесь ненавидят!..»

В конверт этого письма была вложена обертка от конфеты «Белочка», сделанной в Москве на кондитерской фабрике им. Бабаева. На обертке надпись: «Знакомая гостила у детей в США и привезла оттуда конфеты «Белочка». Меня угостила. Съела и прослезилась. Вспомнила, как у нас в Малаховке эти белочки прыгали по деревьям...»

«...Я купила себе подержанный транзистор, слушаю рано утром «Маяк». Во сколько ты утром включаешь «Маяк»? Будем вместе слушать...»

«Я начинаю отвечать на твои вопросы. С кем я вместе живу? Уникальный дом: местные называют этот дом «музеем редких зверей». У меня на седьмом этаже, с моей стороны, длинный, узкий, темный коридор с одиннадцатью квартирами, а не с кем слова сказать — около 75 процентов неграмотных и малограмотных... Весь хлам из Союза сюда понаехал. Знакомых нет, и никто мне не нужен. Мысленно я постоянно с вами, дома... Жизнь полудикая...»

«Еще у меня большая просьба: если возможно, вышли очки. Здесь это целое состояние (3—4 тысячи лир), а у меня разбились, упали на каменный пол, здесь ведь сплошной камень кругом... По утрам слушаю «Маяк», получаю море удовольствия. Узнаю, какая у нас (в Москве) погода... Лерочка, я так хочу тебя видеть!»...

Я перелистываю письма Хайкиной. Старые и недавние. С марта 1979 года, за семь с лишним лет, их накопилось очень много — и совсем коротеньких, в несколько строк, и пространных, очень подробных и обстоятельных. Она пишет почти каждый день. Пишет о том, с каким нетерпением ждет весточек от сына, какие слушает передачи московского радио...

Воспользовавшись тем, что в Израиле вспыхивает очередная многомесячная забастовка врачей и все больные на долгие недели оказываются без медицинской помощи, Фани Лиокумовна отправляется туристкой (это единственный способ выехать из Израиля) в одну из европейских стран. Ее спрашивают: почему не в США? «При моем здоровье мне не выдержать дальней дороги», — отвечает она. На самом же деле ей хочется быть возможно ближе к своей утерянной Родине, к своему сыну и еще: ей необходимо написать сыну, его друзьям все

то, что узнала она за эти годы об Израиле. Написать и быть уверенной, что ее письма дойдут...

Фани Лиокумовна прекрасно понимает, что эти письма навлекут на нее недовольство израильских властей, осложнят ее и без того непростую жизнь. Но женщина идет на это — ведь теперь уже она думает не только о себе, но и о тех, кто готов, возможно, повторить ее ошибку. Старая женщина, которая еще сравнительно недавно так стремилась в Израиль, так верила сказкам о «единой еврейской нации», о «еврейском государстве, где все счастливы и все любят друг друга», хочет предостеречь тех, кто еще находится под воздействием «хмеля» сионистской пропаганды, кто готов ступить на роковой, гибельный путь... Потому и просит сына познакомить с ее письмами как можно больше людей.

«Очень хорошо, что организован Антисионистский комитет и уменьшилась так называемая репатриация. Но очень жаль, что этого не было сделано раньше. Тогда бы я и многие другие не подверглись этой страшной эпидемии. Она здесь унесла очень много жизней. Своими глазами видела покойников, покончивших с собой. Хоронят здесь, как собак: бросают в мелкую яму, чтобы за глубокую много денег не платить. А если она коротка, то способны эти изверги согнуть, переломать покойника, лишь бы запихнуть...»

«Медицинская помощь здесь на самом низком уровне. Я получила отравление желудка, стала просить «скорую помощь», так раньше спросили, есть ли у меня на это деньги. Вечером привезли в больницу, сделали укол, а ночью, в 12 часов, предложили покинуть больницу — езжай домой. Это из Хайфы в Кирьят-Ям! Я отказалась, у меня не было сил с места сдвинуться. Пролежала до утра, даже глотка холодной воды не дали! Просила у лечащего врача направление на рентген — не дает. Измерить давление — надо выстоять огромную очередь...»

«Сыночек, нет слов, чтобы выразить мою ненависть к этому израильскому гетто... Тяжелейший климат, ненависть к нам, советским людям. Мы у них самый низкий сорт, на каждом шагу насмеются, издеваются... Я на особом учете у них...»

«Снова имею возможность поделиться с тобой впечатлениями о жизни на так называемой «земле обетованной». Ее считать родиной ни в коем случае нельзя. Здесь ничего нет близкого, родного. Родина там, где че-

ловек родился, растет и живет до старости, где пролита кровь родных и близких, где нет антагонизма и расизма, где жизнь человека дороже всего на свете!»

«В последнее время вместо умерших в дом, где я живу, стали вселять инвалидов, предсмертников. Страшно здесь жить! Люди мрут как мухи... Администрация этого дома не теряется, у них ведь есть ключи от всех квартир. Как только умирает одинокий человек, они первыми заходят в квартиру, снимают «сливки»...»

«Моя ненависть к этой стране так велика, что когда было здесь землетрясение, то у меня было желание, чтобы она провалилась сквозь землю...

Инфляция безумная. Квартплата у нас, пенсионеров, повысилась на 55 процентов...»

«...Часто вспоминаю, как ты мне в первых письмах писал про Израиль, а я тебя просила не писать гадостей. Почему была против таких писем? Просто боялась. Приехал одновременно со мной один из Минска (жена приташила). Он проклинал эту страну. Так здешние «патриоты» грозили ему накинуть на него мешок и бросить в море...»

«...В начале 1980 года я узнала, что посольство Финляндии представляет в Тель-Авиве интересы Советского Союза, и обратилась туда с соответствующими документами. Адреса у меня еще не было (в то время Хайкина все еще жила в общежитии.— В. М.), я указала адрес Бена и Фанечки для получения ответа, о чем сказала их дочери Лие. Больше тогда никого дома не было. Она стала метаться по комнате и кричать на меня: «Что вы натворили, что будет с родителями, когда узнают!» Я вернулась в посольство, чтобы временно не указывать адрес. Через некоторое время я приехала к ним за своими вещами, которые находились у них. Тогда мне Бена сказал, что он меня больше на порог не пустит...»

«...В нашем доме живет москвичка, Ева Маркович. Оставила единственную дочь. От переживаний и тоски не пьет, не ест, страшная стала, кости да кожа. Сильно психика нарушена. Таких случаев здесь очень много.

Вспомнила такой случай. Из Грузии приехала семья: муж, жена и ее мать. Его призвали через некоторое время в армию, в Ливан. Раненный, вернулся домой. От ненависти к теще за то, что та сагитировала дочь поехать в Израиль, застрелил ее, ранил жену и застрелился...»

Трудно сказать, как закончится эта история, как в дальнейшем сложится судьба Фани Лиокумовны Хайкиной, бывшей советской гражданки, по неумению, а точнее по нежеланию разобраться, где правда, а где ложь, искалечившей свою жизнь, потерявшей Родину, сына, близких, самое себя... Судя по ее письмам, семь лет, проведенные вдали от Родины, сына, научили ее многому.

«Я глубоко осознал совершенную мною ошибку, и беспредельно мое раскаяние за совершенный поступок» — так или примерно так начинаются тысячи писем, приходящих в различные советские органы от бывших граждан СССР.

Закономерное, но позднее раскаянье...

Виктор МАГИДСОН

КРАХ

Сквозь зубы признавая крах мифа о «земле обетованной», иными словами, плана перекачки евреев из всех стран в Израиль, сионистские газеты нескрываяемо желчны и саркастичны, когда речь заходит о нежелающих переселяться на «историческую родину». Уже в самих заголовках статей сквозят укоры, гнев, раздражение.

Особый интерес сионисты проявляют к советским гражданам еврейской национальности. Из года в год они наращивают провокационное «воздействие» на них, прикрываясь набившими оскомину воплями о «защите прав» советских евреев. Не последняя роль в этих провокациях принадлежит засылаемым в нашу страну эмиссарам зарубежных сионистских центров, снабженным, как и прежде, туристическими паспортами.

НЕСКОНЧАЕМЫЙ ПЕРЕЧЕНЬ ПРОВАЛОВ

Абрахама Бейера, Джеклин Левин, Мириам Химмельфард и Альберта Чернина «Интурист» встретил с традиционным радушием и вниманием, давно известными многим приезжающим в нашу страну иностранным туристам. Напрасно, однако, работники гостиницы раздумывали над тем, какой спектакль больше придется по душе четверке американцев — в Малом театре или «Современнике». Гости проявили ледяное равнодушие к предоставившейся возможности познакомиться с прославленными московскими, как, впрочем, и ленинградскими, театрами, музеями и дворцами.

Дни и ночи отдали они встречам с лицами, от которых намеревались получить «информацию» о «преследовании

евреев в СССР». А чтобы «информаторы» отнеслись к визитерам с максимальным вниманием, американцы не скрывали от них, что собирают сведения о «преследовании евреев в СССР» для сенатора Перси, большого любителя запросов в конгрессе по надуманному «еврейскому вопросу» в социалистических странах. И особенно многозначительно Бейер, Левин, Химмельфард и Чернин подчеркивали, что хотя представляют «конференцию Большого Нью-Йорка по делам советских евреев» (по делам граждан иностранного государства — ни больше, ни меньше!), но пользуются покровительством сионистского объединения под громким названием «национальная конференция в защиту советских евреев». Высокая марка в сионистском стане!

Четко выраженная антисоветская направленность «национальной конференции» сделала ее своеобразной любимицей покровительствующих сионизму американских миллионеров еврейского происхождения. И за последние годы они щедрей, нежели прочим сионистским комитетам, лигам, союзам, фондам, ассоциациям, отваливают ей десятки и сотни тысяч долларов. Такая щедрость помогла «национальной конференции» поставить на прочный материальный фундамент всякого рода системы обработки общественного мнения. Как сообщает в своем труде «Сионизм — орудие империалистических кругов» советский исследователь С. Рокотов, «национальная конференция в защиту советских евреев» имеет возможность с помощью собственной системы оповещения по радиотелефонной связи за несколько часов «мобилизовать» всех числящихся в сионистских организациях, объединенных «конференцией». Поистине американский размах!

И вот, оказывается, «скромные туристы» Бейер, Левин, Химмельфард и Чернин состоят в панибратских отношениях с такими китами международного сионизма, как недавние руководители «национальной конференции» Теодор Манн и Джерри Гудман.

Ба, знакомые все лица!

Теодор Манн, избранный в июне 1981 года председателем «национальной конференции в защиту советских евреев», поспешил посетить Советский Союз. Конечно, в традиционном обличье любознательного туриста и предусмотрительно прихватив с собой, по его собственному признанию, несколько «говорящих по-русски» сионистов. В нашей столице Манн предпочел Третьяковке и Большо-

му театру «прекрасные московские парки». Прекрасные, с его точки зрения, не своим зеленым нарядом и ароматными цветниками, а тем, что в этих парках он, по опубликованному впоследствии в сионистской печати признанию, прогуливался с «цветом советских евреев». Иными словами, жалкой кучкой лиц, которым отказано в выезде на постоянное жительство в Израиль в связи с тем, что по характеру своей работы в прошлом они владеют государственными секретами и могут получить выездную визу только по истечении определенного срока.

У наиболее «нетерпеливых» из этих отщепенцев Манн выторговал личное послание американскому президенту с трогательной благодарностью за поддержку американского же шпиона Щаранского, осужденного советским судом по соответствующим статьям уголовного кодекса. Авторы умилительного послания Манн именовал «героями новой саги евреев». Чего же, однако, лидер американских сионистов требовал от опозтезированных им «героев»? Всего лишь только сыграть роль «возмутителей спокойствия» (выражаясь его языком, роль «ос в дупле») в предстоящем разжигании «недовольства советских народов социалистическим строем». Впрочем, эти «осы», особенно наиболее «знатные», по их собственным заверениям, весьма благосклонно воспринятым заокеанским «защитником» советских евреев, «не тратили времени зря».

Сравнительно недавно Теодор Манн уступил свой пост некоему Абраму Моррису. Но и поныне ссылки коммивояжеров из Нью-Йорка на Манна производят неотразимое впечатление на просионистски настроенных людей.

О грязных антисоветских делишках недавнего директора-распорядителя пресловутой «национальной конференции» Джерри Гудмана мне уже приходилось писать. Торватый специалист по беззастенчивой вербовке молодежи в сионистские организации, Гудман совершил «туристскую» поездку в нашу страну накануне XIX съезда ВЛКСМ. В Ленинграде сей директор-распорядитель орудовал закамуфлированным под записную книжечку миниатюрным магнитофоном с таким непомерным запасом кассет, что поневоле хочется, перефразируя известную пословицу, сказать: своя ноша, даже поганая, карман не тянет.

По имевшимся у него адресам Гудман связался с

«нужными людьми». Центральной фигурой среди них стал некий Леин, осужденный за хулиганство. Набивший руку в подтасовке фактов, Гудман смекнул: определенные круги на Западе охотно клюнут на версию о «политическом» характере обычного уголовного суда над «образованным молодым человеком» за... изучение древнееврейского языка. Кто же в США не поверит этой дешевой выдумке, если увидит «сенсационный» фотоснимок: хулиган Леин запечатлен на процессе между двумя миллионерами?!

Провокационный гудмановский почерк явственно просматривается и во враждебной нашей стране деятельности, затеянной его коллегами Бейером, Левин, Химмельфард, Черниным в Ленинграде: они тоже вознамерились спекулятивно сыграть на «преследовании» осужденных за уголовные преступления лиц еврейской национальности.

Понимая сугубо клеветнический характер раздобытой ими «информации», сионистские агенты решили запрягать ее в самых невероятных тайниках. Наиболее надежным показался им нателный пояс молодой мисс Химмельфард. Но и ей, по примеру своих спутников, пришлось в Пулковском аэропорту собственноручно подписать протокол таможенного досмотра с подробным перечнем изъятых у нее антисоветских материалов.

Итак, проникшие из США под туристской личиной четверо сионистских «радетелей» прав советских евреев, как и их многочисленные предшественники, потерпели фиаско.

Многочисленные? Да. Длинноват-таки список задержанных у нас эмиссаров разного рода антисоветских служб американского сионизма — от «объединенного совета в защиту советских евреев» до «комитета студентов в защиту советских евреев».

Напомним, к примеру, о позорной «одиссее» супругов Гринберг, пересекших океан ради того, чтобы побывать в Москве, Ленинграде, Киеве, Одессе. Побывать и увезти из нашей дружелюбно встретившей их страны... нет, не фотоснимки природных заповедников, не впечатления о шедеврах искусства, ярких спектаклях, спортивных праздниках, а зашифрованные записи идеологически враждебного Советскому государству характера, да еще графики, схемы, фотографии, связанные с проблемами ядерной физики!

Подобно своим единомышленникам — чете Мелвин, супруги Гринберг расплачивались с поставщиками «товара» не только щедрыми посулами «райского благоденствия» на Западе, но и дешевенькими подарками в красочной американской упаковке. В том числе... бульонными кубиками.

«Багаж» отбывавших восвояси Гринбергов наши таможенники обнаружили. И не выручили предприимчивых супругов-сионистов ни сумка с двойным дном, ни хитроумная модель обуви, ни тайники на самых сокровенных частях тела.

Можно назвать и третью супружескую пару — Констанс Смуклер и ее мужа, председателя филиладельфийского филиала все той же «национальной конференции». Причем обнаглевшая миссис Констанс отважилась приехать к нам уже после того, как советские таможенники вывели на чистую воду господина председателя. И хотя жена в роли участницы «крестового похода» действовала, казалось бы, более осмотрительно, она завершила свой вояж не менее бесславно, нежели муж. Ей тоже пришлось расстаться с клеветническими досье, запечатленными фотокамерой и записанными на магнитофонную пленку.

К столь же плачевному финалу пришли многие другие эмиссары американского сионизма. Напомним Теодору Манну и Абраму Моррису, а заодно и их разнокалиберным подпевалам по руководству нечистоплотными операциями в «защиту советских евреев» хотя бы часть имен провалившихся у нас их посланцев: Вильям Арон, Инес Вайсман, Филла Гольдстейн, Гарольд Левайн, Юлес Липперт, Эрнест Канн, Арлин Меил, Эхави Шейндин, Джой Шупек... В этом неполном перечне названы только «туристы». А ведь можно назвать и кое-кого из некогда аккредитованных у нас корреспондентов, и выдворенных с нашей земли обладателей дипломатических паспортов.

По иронии судьбы, нет, нет, вполне закономерно каждый вояж перечисленных и прочих «защитников советских евреев» под маской туристов совпадал с очередными сообщениями о новой погромной антисемитской акции на территории США. Скажем, когда Бейер, Левин, Химмельфард и Чернин «путешествовали» по нашей стране, в прессе Израиля сообщалось о «новых зияющих дырах в синагогах Бруклина».

И вот что показательно. Если бывало замалчивали эти акции американские средства информации, то израильские сообщали: опять молодчики из калифорнийской пронацистской организации осквернили еврейское кладбище, опять техасские куклуксклановцы разгромили синагогу, опять некоторые нью-йоркские строительные организации отказались сдавать квартиры евреям.

Неужели израильские сионисты отваживаются открыто говорить о безудержном росте антисемитских вылазок на земле своих стратегических союзников? Неужели американские хозяева разрешают своим ближневосточным жандармам такие вольности? Да, в общем-то хозяева. Но не надо упрощать: «слуга» очень строптив и капризен, и наряду с хозяйскими интересами у него есть и свои. А бывают у них и разногласия. Но, по существу, ничего странного тут нет: непрекращающаяся эмиграция израильтян в США, по формулировке сионистской прессы, истощает людские ресурсы Израиля. Американские же власти, в свою очередь, не очень-то заинтересованы в новой волне израильской эмиграции: им с избытком хватает безработных и бездомных из среды собственных старожилов. Словом, ни американским сионистам, ни израильским не до защиты элементарных человеческих прав еврейской бедноты. Именно бедноты: евреев-миллионеров куклуксклановцы и неонацисты не посмеют и пальцем тронуть!

Зато уж каждый провал американских «защитников советских евреев» на нашей земле в равной степени печалит всех без исключения заправил международного сионизма, независимо от государства, где они окопались.

ТРАФАРЕТНЫЕ МАСКИ АНТИСОВЕТЧИЦ

Потеряли счет провалам своих агентов, безуспешно пытающихся орудовать в СССР под трафаретной маской туриста, и английские сионисты. Но эти провалы не умеряют их антисоветского пыла. Небезосновательно начинает казаться, что такое упорство, вернее, грубое и топливое упрямство сродни отчаянию обреченных.

Кое-кто может удивиться: позвольте, как же так, ведь английский сионизм, по определению его деятелей, это сионизм в лайковых перчатках. «Лайковая перчатка —

это вам не кастет, которым иногда пользуются американские сионисты», — в свое время услышали мы с писателем Львом Кассилем в Сандерленде от лидера тамошних сионистов мистера Бука, самого богатого человека в городе. А сравнительно недавно Соня Гольдсмит, главный знаток русского языка в лондонской сионистской среде, сказала мне: «У нас, в Англии, вы кахановцев среди еврейских националистов не найдете. Не случайно про английский сионизм говорят, что он в лайковых перчатках. Именно так и есть. Есть, правда, другое определение, оно мне больше по душе: сионизм под сурдинку».

Однако агенты английских сионистских организаций пытаются орудовать далеко не в лайковых перчатках и не под сурдинку. Особенно нахраписты посланцы «комитета 35».

Весьма туманное название, не правда ли? Под ним скрывается одна из самых злобных провокационных организаций, специально созданных английским сионизмом опять-таки якобы для «защиты прав советских евреев».

А о происхождении цифры 35 мне поведала в Лондоне одна из активисток комитета Памела Менсон, без всяких оснований именующая себя актрисой.

В конце 60-х годов 35-летняя одесситка Раиса Палатник вознамерилась переехать на «историческую родину». Конечно, для «воссоединения с сестрой», бежавшей к тому времени в... Англию. Новоявленная англичанка «на всякий случай» забила тревогу: «Раисе, мол, не дают выездной визы!»

И снедаемая жаждой славы лондонская сионистка Дорис Гейнсфорд, весьма состоятельная дама, обратилась к группе единомышленниц: «Мы все ровесницы страдающей одесситки. Нам тоже всего по тридцать пять. Создадим же комитет тридцатипятилетних гуманисток в защиту угнетаемой нашей ровесницы из Одессы!» Некоторые дамы, пожалуй, даже приободрились оттого, что прагматичная мисс Гейнсфорд своей волей значительно омоложила их, и встали в бойцовскую позу, возжелав «защитить обездоленных советских евреев».

И когда «беззащитная» одесситка уже находилась на пути к «земле обетованной», в Лондоне, на Гренвил-роуд, 148, развернул свою бешеную антисоветскую деятельность «комитет 35», отданный в то время на откуп исключительно прекрасному полу. Лидеры английского сионизма сразу же взяли под свою опеку новоиспеченный

комитет, а крупнейший специалист по антисоветчине Майкл Шернборн патетически воспел «легендарную стойкость этих женщин, достойную дочерей древнего Сиона».

Упоенно рассказывая мне о широком ассортименте применяемых комитетчицами «защитных мер», Памела Менсон воскликнула:

— Хотите, я познакомлю вас с одной из наших руководительниц? Здесь, в Великобритании, они проявляют себя необыкновенно верными дочерьми еврейства. Достаточно поговорить хоть пять минут с Дорис Гейнсфорд или Линдой Айзекс — и вы убедитесь, какие выдающиеся сионистки возглавляют наш комитет. А еще лучше — с Ритой Экер! Запомните мои слова: далеко шагнет. Рита — это... это...

Памела так и не нашла слов для выражения своего предельного восторга «перспективной Ритой».

Должен признать, пророчество моей лондонской собеседницы сбылось: Рита Экер действительно «далеко шагнула» и заняла пост главаря сионисток сверхбальзаковского возраста.

Очевидно, приехавшие в СССР по туристским паспортам дамы из «комитета 35», беседуя с сионистскими подголосками и теми, кого они намеревались «защитить», тоже усиленно рекламировали «необычайные достоинства» Риты Экер. Иначе не объяснишь, с какой целью 46-летняя сотрудница лондонской торговой фирмы Патриция Шелдон недавно прихватила с собой в Ленинград фотоснимок, запечатлевший ее вместе с самой Ритой Экер. Дальновидные дамы, похоже, смекнули, что такая «верительная грамота» произведет должное впечатление на тех, из кого Шелдон собиралась выудить клеветническую информацию.

Памятуя, что предыдущие визиты английских «туристок»-сионисток в нашу страну заканчивались крахом их антисоветских замыслов, поездку Патриции Шелдон обставили особо хитроумными предосторожностями.

Главное прикрытие придумали такое: ее направили в СССР вдвоем с мужчиной (а ведь совсем недавно представителям сильного пола был наистрожайше закрыт доступ в сферы стопроцентно женского комитета!). Спутником подружки Риты Экер стал 43-летний Левис-Самуэль Коски, владелец магазина радиотоваров. Именно этому деловому человеку, не привычному к дамским «лайковым перчаткам», было поручено одарить соответствен-

но «заслугам» наиболее перспективных для сионизма кандидатов.

Коски и Шелдон привезли довольно разнообразные дары: от одежды и лекарств до фототехники и магнитофонной пленки — всего этого на сумму около 2,5 тысячи рублей.

Личный багаж мисс Шелдон оказался менее громоздким: экземпляры издаваемой британскими сионистскими газетенки «Еврейская хроника» (весьма туманное название!) и адреса известных просионистскими настроениями отщепенцев. Такая ручная кладь много места не занимает.

Естественно, номер не прошел, и Патриции Шелдон и ее галантному спутнику пришлось 20 февраля 1985 года досрочно убраться из нашей страны. Они разделили участь других посланцев «комитета 35», ранее приезжавших к нам под прикрытием туристских паспортов.

Перечень комитетчиц-антисоветчиц, уличенных во враждебных нашему государству деяниях, возглавляет Джун Джейкобс. Сию энергичную дамочку перед поездкой в СССР обстоятельно инструктировал Шиндлер, ведавший в сионистском «Совете еврейских общин Великобритании» международными делами. Он заставил «моторную Джун» вы зубрить наизусть вопросник, каким надлежит пользоваться сионистским эмиссарам в социалистических странах. Усердная Джун сверх шиндлеровского задания заучила наизусть и адреса советских граждан, интересующих сионистские службы.

Но заниматься провокациями на советской земле, оказывается, не столь легко, как лихо подделывать на петициях в защиту «невинно осужденных» советским судом уголовников по несколько десятков подписей своих прабабушек и внучат. В Москве провокационные замыслы мисс Джейкобс лопнули, как мыльный пузырь.

Такой конфуз, однако нисколько не отразился на сионистской карьере предприимчивой Джун. опередив своих соратниц, она стала в Лондоне председателем «национального совета в защиту советского еврейства». Не путайте этот совет с комитетом аналогичного названия, возглавляемым Барбарой Оберман. Богато и разнообразно антисоветское хозяйство английских сионисток, что и говорить!

«Комитетчица» Хелен Эбндстерн, облюбовавшая для своих рейдов город на Неве, занялась «делами» только

со второго «заезда». В первый раз она лишь присматривалась к обстановке. Зато уже во второй показала ма-рафонские темпы беготни и до того «захлопоталась», что потеряла сумку. Но в бюро находок предусмотрительно не обратилась. Не обратилась и в милицию, куда сумку доставили нашедшие. Ничего диковинного тут нет: сумка была до отказа набита собственноручными записями сионистской эмиссарши, неоспоримо подтверждавшими, как настойчиво она подыскивала источники заказанной ей комитетом информации. В записях фигурировали подчеркнуто лаконичные данные о тех, кто имел или имеет доступ к государственным тайнам. Чего стоит, к примеру, такая подробность в записях: «В. К. располагает секретами по службе в армии».

Как видите, мутные следы оставляют грязные руки даже в лайковых перчатках.

Не один только пресловутый комитет бывших тридцатипятилетних дам засылает в социалистические страны эмиссаров английского сионизма. Занимается этим также организация «Совесь» (название-то какое!); не отстает от нее «Шамир».

Глава лондонского филиала «Шамира» Питер Калмс, прибыв к нам под маской туриста, старался вертеться вокруг тех, на кого мог бы, по его мнению, впоследствии сослаться как на надежный источник им же самим сочиненной клеветнической информации. Собирал сведения о советских гражданах, которым, на его взгляд, следовало бы... переехать на «родину отцов».

Не очень благополучно закончился также визит в нашу страну Давида Блоха и Карла Мартина-Харриса. Снаряжал их в путь-дорогу Джерри Луис. Он, как мне рассказывали в Лондоне, стяжал «популярность» главного организатора провокаций против гастролирующих в Великобритании советских театров, руководил группками сионистов, пытавшимися сорвать проведение советских выставок.

Луис поручил Блоху и Мартину-Харрису собрать подробные биографические сведения об отдельных советских гражданах, интересующих сионистские центры, а именно: об их служебных обязанностях и возможностях, склонностях, окружении. Блох и Мартин-Харрис должны были инсценировать, заснять и доставить в Лондон «документальные» фотоматериалы для опубликования с клеветническими подтекстовками в журнальчике «Евреи

в СССР», издающемся в Лондоне под редакцией упоминавшегося покровителя «комитета 35» Шиндлера.

Проинструктированный Луисом дуэт принялся рьяно выполнять поручения своего наставника. В украинской столице они начали распространять среди киевлян еврейской национальности сионистскую литературу, навещали «нужных» людей, зазывали их к себе в гостиницу. В Харькове подобная деятельность «туристов» была пресечена, а попасть в Москву и Ленинград им уже не довелось. Давиду Блоху и Карлу Мартину-Харрису осталось только признать противозаконность своих действий на территории иностранного государства, принести извинения и просить о снисхождении. Они были выдворены из нашей страны.

АНТИСЕМИТЫ С БЕРЕГОВ ТЕМЗЫ

«Защитникам» советских евреев следовало бы извиниться и перед еврейской беднотой Великобритании, которая действительно и безотлагательно нуждается в защите от антисемитских нападков и прямых издевательств на расовой основе. Речь идет не только о мутном потоке погромных юдофобских книг, хлынувшем в книжные магазины Лондона и других английских городов. Тут и печально известная пачкотня Ричарда Харвуда (псевдоним махрового расиста Ричарда Виллара) «Действительно ли погибли шесть миллионов?», отрицающая массовое истребление гитлеровцами евреев в лагерях смерти. Тут и «исторический труд» Дэвида Ирвинга «Война Гитлера», в котором историк-пронацист осмеливается утверждать: массовое истребление миллионов поляков, русских, белорусов, украинцев, евреев, чехов, сербов, цыган, людей других национальностей совершалось фашистами, дескать, вопреки точно сформулированным намерениям Гитлера.

Однако не одним только распространением расистской литературы ограничиваются последовательные антисемитские акции против трудящихся (богатеет это мало тревожит!) английских граждан еврейского происхождения. Вынужден обратиться к своей книге «Лицемеры» и привести отрывок из письма, присланного мне жительницей Лидса, безработной медсестрой, женой бухгалтерского работника, матери 19-летней дочери. Местные сию-

нисты атакуют ее настойчивыми советами переехать в Израиль, где она найдет, мол, работу и, главное, не будет ощущать гнетущего духа антисемитизма.

Обрадованная тем, что старейшая сионистская газета, лондонская «Джуиш кроникл» вынуждена была опубликовать статью советского писателя об изданных в Англии гнусных пронацистских книгах антисемитского толка, женщина из Лидса писала мне: «Вы не все знаете о наших неонацистах, которые действительно ненавидят и цветных, и евреев. Они думают, что, если нас выселят из Англии, им станет легче и богаче жить. Они занимаются не только пропагандой против евреев в своих книгах, они позволяют себе такие же действия. Жаль, что вы не написали, как два родных брата Брэдинги из графства Уолтшир физически и морально по всем гитлеровским правилам мучили еврейского мальчика Мэттью. А потом еще заставили его носить на груди желтую звезду, совсем как в фашистском гетто».

Совсем как в фашистском гетто!

Но английские сионисты и пальцем не пошевелинут в защиту несчастного мальчика, в защиту многих и многих евреев-бедняков, испытывающих в Англии антисемитские притеснения. О таких притеснениях мне рассказывали труженики еврейского происхождения в лондонском Ист-Энде, где предприниматели обычно платят докеру-еврею на 30 процентов меньше, чем за такую же работу докеру не еврею.

Вот кого следовало бы защищать английским сионистам, оголтело «защищающим»... меня и моих сограждан, моих соотечественников!

Не мешает вспомнить лидерам британского сионизма и трагедию сефарда (по расовым признакам — «второсортного») еврея Габриеля Пинеса и его семьи. Категорически отвергнутые лондонским «комитетом спасения и возвращения евреев» (тех, кому не по нутру «земля обетованная», комитет не «спасает»!), Пинес с женой и двумя детьми прибыл из Израиля и сразу же очутился в Хармондсуорте — так называют специальный центр для задержанных при лондонском аэропорте Хитроу. Мне довелось не раз бывать в этом огромном комфортабельном аэропорту, и никак не мог я предположить, что в каких-нибудь 4 километрах поодаль действует подобие концлагеря. В описании работавшего в Лондоне советского журналиста О. Васильева он выглядит так:

«Хармондсуорт — несколько одноэтажных мрачного вида строений за высоким забором из металлической сетки. Поверху тянутся ряды колючей проволоки. У ворот охранники в униформе. Именно здесь и томятся люди с темной кожей, неугодные белой Англии. Ведь, как правило, процедура задержания применяется лишь к «цветным».

В угоду сионистам это правило иногда нарушается. Вместе со смуглокожим Пинесом в Хармондсуорте томились молодые супруги — потомки переехавших в свое время в Палестину еврейских семей из Болгарии. Но и с ними, столь же «белыми», как сам главный редактор старейшей лондонской сионистской газеты «Джуиш кроикл» Готфрид Полл (и имевшими к тому же визу английского консула на Кипре), хармондсуортские охранники обошлись ничуть не лучше, нежели с Пинесом.

Убедившись, что лондонские сионисты бесповоротно отвернулись от семьи Пинеса, сотрудники «центра для задержанных» стали открыто оскорблять его человеческое достоинство. Угрожали лишить родительских прав на дочку, показавшуюся стражам расовой чистоты подозрительно белокожей по сравнению со старшим братом. Уверяли жену Пинеса в своем безоговорочном праве отдать девочку таким попечителям и воспитателям, в чьих руках она окончательно забудет свое «полуеврейское» (ведь родители сефарды — значит, не стопроцентные евреи!) происхождение.

В кабину самолета израильской авиакомпании «Эль-Аль» добровольные провожающие втолкнули семью Пинеса, когда несчастные беженцы находились уже буквально в полуобморочном состоянии. А напутственная речь была сдобрена не только хулиганскими насмешками над смуглым цветом их кожи, но и эпитетами антисемитского порядка.

Исключение ли случай с этой семьей?

В Лондоне известна печальная история заточения в Хармондсуорт целой группы недавних иммигрантов, бежавших из «страны предков». На сей раз не смуглокожих.

— Как вы решились прилететь в Лондон? — сурово спросили их. — Ценили бы лучше то, что вас не высылают из Вены.

— В Вене столько беженцев из Израиля, что австрийцы начинают нас ненавидеть. К счастью, мы прочитали

в «Джуиш кроникл», как решительно и во всеуслышание выступают в Лондоне за права евреев,— последовал бодрый ответ.— Дайте нам распаковать наши чемоданы, и мы покажем вам десятки вырезок из ваших же газет! Позвоните в любую сионистскую организацию Лондона, и вы услышите, что нас примут в Англии с распростертыми объятиями!

Позвонили. Тут же прибыл в аэропорт представитель филиала «Сохнута» в Англии и Ирландии. Но объятий не распростер. Угрюмо разъяснил «нежелательным иностранцам», что в Лондоне и без них достаточно безработных евреев. Исключение может быть допущено только для тех, кто способен сделать солидные капиталовложения в надежное дело. Таковых среди прибывших беженцев не оказалось.

Так и не распаковав чемоданы, они после четырехдневного пребывания за хармондсуортской оградой были вынуждены покинуть страну, где «комитет спасения и возвращения евреев», «комитет 35» и прочие сионистские комитеты так рьяно «пекутся» о правах евреев.

Известны ли эти хармондсуортские реалии мистеру Коски и мисс Шелдон? Знают ли они, что вскоре в прессе многих стран, включая Израиль, появились явно инспирированные английскими сионистами заметки о «специфических условиях», из-за которых-де в демократической Англии каждого «простого» еврейского иммигранта ждет от ворот поворот. Вот если имеются на берегах Темзы желающие податься на «историческую родину» — тогда другое дело: таким «истинным еврейским патриотам» немедленно придет на помощь «Сохнут».

ЭМИССАРСКИЙ ДУЭТ ИЗ ПАРИЖА

Непрошенных и ненужных «защитников» евреев мы систематически уличаем во враждебных нашему государству злонамеренных деяниях. А они, прожженные антисоветчики, подобно тараканам, лезут и лезут во все щели, хотя за много лет могли убедиться в том, что ни попытки выдать себя за истинных туристов, ни их закамуфлированные в багаже и белье тайники, ни иные ухищрения не оградят их от плачевного конца.

В полной мере относится это и к эмиссарам французских сионистов, тех, кто лицемерно изображает свои ор-

ганизации и службы погруженными в этакую эйфорическую, розовенькую атмосферу, а французский сионизм в целом именует интеллектуальным. Интеллект — это почище лайковых перчаток и сурдинки! В Париже, на авеню Клементи, 68, одна из главных сионистских функционеров «французской лиги студентов-евреев» мадемуазель Аннет, женщина явно не студенческого возраста, патетически поведала мне: «Мы интеллектуалы, для нас главное — мысль. Разве мы когда-нибудь решимся по примеру воинствующих сионистов Соединенных Штатов переступить грань, за которой начинаются принуждение, диверсии, провокации!»

Переступают. И еще как переступают.

Рассказ об «интеллектуалах», засланных в нашу страну французскими сионистами, начнем с Франсуа Тонье. Хотя бы потому, что он избрал для своего путешествия не самолет, не поезд, а удобный автомобиль, в котором под элегантною обшивкой салона был оборудован вместительный и, как казалось снаряжавшим Тонье в путь-дорогу покровителям, абсолютно надежный тайник.

Сорвалось. Антисоветский багаж (часть листовок, кстати, отпечатана в Англии) советские таможенники обнаружили и изъяли у «автотуриста».

Его послало в нашу страну с враждебными заданиями «Сионистское движение Франции», в парижских апартаментах которого на авеню Турбиго, 8, меня «по причине межсезонья» принять отказались.

Мог бы назвать изобличенных в провокациях на нашей земле французских сионистов из «комитета поддержки евреев в СССР», из «ассоциации университетских друзей из Тель-Авива» (сия организация — неприкрытый плод альянса израильских и французских сионистов, а немало им подобных скрыто под невинными псевдонимами!), из «комитета 15» (это закамуфлированное наименование, честно говоря, расшифровать не могу).

Но перейду к дуэту, пожаловавшему к нам из Парижа в конце января 1985 года. Он, 30-летний Алеп Фенкелькро, назвал себя во въездной анкете преподавателем; она, 27-летняя Доминик Нора, — служащей.

Через несколько дней, когда месье преподаватель и мадемуазель служащая приехали из Москвы в Киев, компетентные органы ознакомились с их блокнотами, густо заполненными записями далеко не туристского содержания. Семьдесят две странички клеветнической, тенденци-

озной, враждебной нашему государству «информации»!

Вот как пристойно Фенкелькро в письменных объяснениях мотивирует цель поездки в Советскую страну: «Я и моя знакомая решили направиться в Советский Союз с целью посещения музеев и других достопримечательностей».

Никаких музеев, однако, Фенкелькро и его знакомая принципиально не посещали. А «достопримечательностями» для них оказались квартиры граждан, соприкасавшихся по работе с государственными секретами. Впрочем, к «достопримечательностям» дуэт Фенкелькро — Нора причислил и квартиры некоторых других советских граждан. От кого же были получены адреса?

«Перед приездом в СССР,— читаем в объяснениях Фенкелькро,— я посетил синагогу на улице Коперника (в Париже.— Ц. С.), где раввином является Вильямс. Нам дали адреса евреев, некоторые из которых — отказники¹, живущие в Москве, Киеве, Ленинграде, Одессе».

«Люди, с которыми мы встречались, рассказывали нам,— признают в своих письменных объяснениях преподаватель и служащая из Парижа,— а мы записывали. Но ни одна из этих записей не является дословной».

Вот этому, пожалуй, можно поверить. Вряд ли какой-нибудь субъект, даже из самых озлобленных «отказников», мог сообщить названной паре несусветную чушь, частенько фигурирующую в собственноручных записях Фенкелькро. Ее придумывают, как говорится, не отходя от кассы, сами сионистские заправилы и борзописцы из подведомственных сионизму лживых «радиоголосов». И вряд ли стоило тратить франки из сионистской казны и мчаться из Франции к нам ради добычи «из первых рук, из проверенных источников!» информации, вроде такой: «Евреев в армии избивают»; «Если ребенок от смешанного брака дал обязательство быть русским (не грудной ли вундеркинд подписал обязательство? — Ц. С.), то он не может впоследствии изменить свою национальность».

Столь же странная «приблизительность» присуща и записям мадемуазель Доминик. Подруга преподавателя

¹ Так на Западе называют тех, кому отказано в выезде из СССР.

не поленилась записать, к примеру, что «некомсомолок не принимают в медицинские училища», что «со второго поколения (?! — Ц. С.) нет советских евреев», что, наконец, «власти нарушили правила игры».

Вот где собака зарыта! Оказывается, наша борьба с антисоветской клеветой и идеологическими диверсиями, с наглыми попытками отравить вредоносным националистическим ядом интернациональное советское общество для Фенкелькро и Нора всего-навсего «игра» по неким установленным нашими идейными противниками правилам.

Хороша игра, когда агенты международного сионизма на основе клеветнически извращенных «фактов» утверждают, что Советскому государству якобы присуща «преemptивность» политики антисемитизма царской России! Когда преступно извращается священная для нас интернационалистская миссия советских воинов-освободителей в годы второй мировой войны. Когда...

Противно, омерзительно заниматься самим перечислением гнусных антисоветских и антисоциалистических — вполне в духе «холодной войны» — измышлений сионистских «туристов», жаждавших тесного «знакомства» с сомнительными достопримечательностями. Ограничимся лишь краткими выводами, напрашивающимися из всего, что записано в двух объемистых блокнотах Фенкелькро и Нора. А записи эти убедительно свидетельствуют о масштабах заданий, полученных ими от своих хозяев. Имею в виду не один только территориальный размах задуманной операции — четыре крупных города, уйма адресов «достопримечательных» лиц! Налицо и политический, можно сказать, размах. Судя по записям, избранные провокаторы замыслили «задокументировать» фальсифицированный материал так широко, чтобы можно было выйти с ним на международную арену.

Поездка парижского дуэта в нашу страну готовилась тщательно, продуманно и целенаправленно. Еще в Париже Фенкелькро и Нора заранее набрасывали «точные» ответы на свои вопросы «собеседникам» в Советском Союзе.

В некоторых записях можно увидеть вставки и исправления, сделанные рукою самих «информаторов», следовательно, сообщенные ими факты не записывались механически, а в ходе беседы зачастую подгонялись под те, что «требовались».

В списке тех, на встречу с кем особенно уповали Фенкелькро и Нора, на одном из первых мест значился некий Городецкий, в равной степени желанный и сионистским агентам из США, Англии, Канады. Городецкий не только склонял знакомых и незнакомых евреев к переезду в Израиль. Он убеждал их «возвращаться к еврейству еще до возвращения в еврейскую страну», точнее говоря, предварительно пройти идейную «закалку». Фенкелькро и Нора еще в Париже были предупреждены: то, что они скажут всяким городецким, те быстро «шепнут» десяткам «обрабатываемых» ими евреев. Кстати, если кому-либо из читателей доведется ознакомиться с моей скромной драмой-былью «Пелена», прошу обратить внимание, что прототипом зазывалы Браиловского, спровоцировавшего студентку Наташу Гурвич на роковой для нее переезд в Израиль, стал именно Городецкий.

Следует сказать еще об одной причине повышенного интереса сионистов к проживающему в Ленинграде Городецкому и некоторым его единомышленникам.

По сей день сионистские организации — и названные в этом очерке, и многие другие — через различные «радиоголоса» в передачах на СССР усиленно рекламируют сделанную группой антисоветчиков попытку 17 лет назад совершить в Ленинграде террористическую акцию: захватить и угнать советский самолет. Отпетые преступники изображаются «национальными героями» Израйля, да и всего так называемого «свободного мира». Особенно рьяно некоторые средства информации стран капитала пропагандируют наглые откровения ныне проживающего на Западе участника этого преступления Бутмана. В многочисленных и пространных интервью Бутман подробно рассказывает услужливым западным журналистам о всяческих ухищрениях, при помощи которых готовилась террористическая акция по захвату и угону самолета.

Естественно, такая разнузданная пропаганда терроризма, раздуваемая сионистами, вызывает глубокое возмущение советских людей, которым адресованы провокационные передачи соответствующих «радиоголосов».

Но вдохновляемый сионистами Бутман не унимается. После отбытия наказания выехав за рубеж, новоявленный «литератор» состряпал антисоветский опус под крикливым названием «Ленинград — Иерусалим с долгой пересадкой». В названии, надо признать, есть не очень-то

радостный для автора и его покровителей смысл: подготовка преступления была своевременно раскрыта компетентными органами, и Бутману, как и всем его сообщникам, пришлось некоторое время пребывать в местах, весьма отдаленных не только от Иерусалима, но и от Ленинграда.

На странице 113 своей печатной продукции Бутман от чрезмерного, видно, усердия проболтался о том, что группа террористов (для солидности он именует ее организацией) создавалась и готовилась на основе и под прикрытием так называемых «ульпанов» — невинных вроде бы кружков по изучению древнееврейского языка иврита.

Насаждением и организацией деятельности подобных «ульпанов» как раз и занимался Городецкий с некоторыми своими сообщниками. Теперь-то уж понятно, чем вызван повышенный интерес сионистских эмиссаров к такого сорта людям, чем вызвана значительная материальная и моральная поддержка, оказываемая им из-за рубежа. Объясняется это вполне определенными целями — не только антисоветскими, но по своей сущности антигуманными. Ведь каждому здравомыслящему человеку ясно, что речь идет о страшном, осуждаемом всеми прогрессивными людьми зле — терроризме.

А прикрываются террористические цели велемечивыми разглагольствованиями сионистов о борьбе за... «развитие еврейской культуры в СССР». И как только бутманов и городецких заодно с их зарубежными подстрекателями, образно говоря, хватают за руку, сионисты заваривают очередную антисоветскую, полную злобных вымыслов и истерической шумихи кампанию по поводу якобы имеющих место в нашей стране «подавления еврейской культуры», «преследования преподавателей ульпанов» и т. д. и т. п.

Советские люди, естественно, глубоко сожалеют, что подобные клеветнические кампании нередко встречают одобрительный отклик и находят прямую поддержку некоторых официальных деятелей Запада, необычайно щедрых на потоки пышных слов о необходимости борьбы с терроризмом.

Вернемся, однако, к Фенкелькро и Нора.

Чья же рука их направляла? Кто так остро нуждается в их злонамеренной информации? Кто, наконец, организовал и, очевидно, финансировал их вояж?

Ларчик открывается не столь уж сложно. Оказывается, как признали Фенкелькро и Нора, встретиться и побеседовать с «некоторыми людьми» их попросили «знакомые» из «комитета ученых в защиту советских евреев». Об организации под таким громким названием в журналистских кругах Парижа, я слышал, острят так: в этом «комитете ученых» на десять сионистских функционеров приходится точно ноль целых и пять десятых учебного. Показательное соотношение!

Объяснение, адресованное компетентным органам Киева, липовые «туристы» закончили так: «Если мы причинили вред СССР, мы просим извинения». Далее — подписи. И затем приписка: «Отдаем милиции наши два блокнота с нашими записями, сделанными накануне и во время нашего визита в СССР». Еще раз — подписи.

7 февраля 1985 года преподаватель Ален Фенкелькро и служащая Доминик Нора были выдворены — естественно, досрочно — из нашей страны.

На этом, казалось бы, можно поставить точку. Нет, придется перейти ко второй серии. Происходит она за рубежом. Появляются новые действующие лица.

МАГИЧЕСКИЕ ПРЕВРАЩЕНИЯ ФЕНКЕЛЬКРО-ФИНКЕЛЬКРАУТА

Однако и главные действующие лица, уже достаточно известные читателю, тоже загадочно трансформировались. Преподаватель Фенкелькро превратился в... известного французского писателя и журналиста, а его подруга Доминик Нора, служащая, через какую-нибудь неделю после возвращения также оказалась... журналисткой. Но от участия в пресс-конференции, посвященной плачевным итогам их визита в Советский Союз, она почему-то уклонилась. А возможно, устроители конференции испугались, что по молодости лет и неопытности Доминик не выдержит до конца порученной ей постыдной роли. Зато уж месье Фенкелькро показал себя гроссмейстером бесстыдной фальсификации.

Каких только ужасов не записали с его слов некоторые западные корреспонденты, в том числе, конечно, клеветники с радиостанции «Свобода»! Тут и якобы имевшая место конфискация «всех бумаг, найденных у журналистов» — а ведь господа «туристы», по их собствен-

норучному письменному объяснению, сами отдали два блокнота со своими записями враждебного нашей стране характера. Тут и выдуманное заявление сотрудников милиции, что, дескать, «отныне никто не может гарантировать безопасности французским журналистам» (а беседовали-то в Киеве не с журналистами, а с преподавателем и служащей.— Ц. С.) и что теперь Алена Фенкелькро «могут избить на улице, а его подругу могут изнасиловать неизвестные хулиганы», и т. д. и т. п.

Что ж, репортаж о пресс-конференции сочинен в полном соответствии со стилем зоологического антисоветизма, присущего любой передаче «Свободы».

Подумать только, симулирует недоумение РС, как же могли не ведать работники киевской милиции, что Фенкелькро — «автор ряда книг, посвященных еврейскому вопросу» (как же скучают сионисты по возрождению этого вопроса в советской стране! — Ц. С.)?! Среди этих книг «История одного отрицания» и «Воображаемый еврей». «И неудивительно,— делает вывод «Свобода»,— что французский журналист хотел повидаться в Советском Союзе с евреями...»

А совершенно очевидно и другое: посланец антисоветского сионистского комитета хотел вместе со своей подругой выдоить из заранее отобранных лиц пригодные для самого отъявленного извращения «факты», а может быть, и еще кое-что. «Однако их планам,— сокрушается корреспондент «Свободы»,— не удалось осуществиться».

Да, не удалось. Не осуществляются и подобные планы всех, кто задумает нанести нам визит в духе Фенкелькро и Нора. Сколько бы ни скорбели об этом западные «радиоголоса».

Но по скорости отклика на киевские похождения парижского дуэта «Свободу», известную отравительницу эфира, все-таки обскакал ее собрат — не менее лживый «Голос Израиля». Его обозреватель умудрился поднять шум о киевских приключениях Фенкелькро и Нора еще до пресловутой пресс-конференции. Версия «Голоса Израиля» оказалась еще более лживой, нежели измышления «Свободы». Двухчасовой допрос вырос до четырехчасового. Выдуман «домашний арест» Алена Фенкелькро (в новой транскрипции — Алана Финкелькраута.— Ц. С.) и Доминик Нора. Финкелькрауту якобы угрожали, что его «поместят в одну камеру с уголовниками и там изобьют». Но «известный во Франции писатель», несмотря

на такие страшные угрозы, «отказался назвать имена и адреса лиц, которых навестил». А к чему, собственно говоря, называть, если они аккуратнейшим образом были записаны в его блокноте?!

«Сколько ни повторяй слово «халва», слаще во рту не станет»,— гласит широкоизвестная на Ближнем Востоке пословица. Сколько бы «Голос Израиля» ни разглагольствовал об «известном во Франции писателе» Финкелькрауте, популярность его махрово шовинистических «произведений» все равно не возрастет. А вот читали ли господа комментаторы «Голоса Израиля» действительно широкоизвестную по Франции и переведенную на многие языки правдивую, волнующую книгу писателя-антифашиста, участника французского Сопротивления Владимира Познера «Нисхождение в ад»?

Эта документальная книга об освенцимском аде, по всей вероятности, придется не по нутру заправилам международного сионизма. Почему? Познер положил в ее основу свидетельские показания тех немногих узников, кому удалось выйти из гитлеровского лагеря смерти живыми, вернее, полуживыми. Писатель не прибавил ни единого слова к тому, что ему рассказали Поль Вендель (на руке которого выжжен лагерный номер узника— 167460), Миклош Нисли (A8450), Маша Равин (35332), Мира Онель (52323), Марк Клейн (A11953), Луиза Алкан (75125) и другие «неарийцы», депортированные в Освенцим из Венгрии, Голландии, Польши, Франции, Чехословакии.

Этих и других узников гитлеровского концлагеря спасли от гибели советские войска, и спасенные с неизбывным чувством благодарности рассказывают о советских воинах, не только вызволивших, но и по-отцовски выходивших их, обессиленных, истощенных.

«С русскими в лагерь пришла жизнь» — так кратко и образно выразилась Одетта Элина-Грюффи (80580). «При свете свечи они стали раздавать сухари из мешка,— свидетельствует Мира Онель.— Это продолжалось долго, потому что каждой больной они говорили несколько слов утешения: «Ничего, ничего, матушка! Скоро вернешься домой, только поправляйся поскорей».

Когда советские воины вызволили Сюзанну Фальк (A5654) из освенцимского ада, ей едва исполнилось 16. Через четыре десятилетия в беседе с Владимиром Познером она вспоминала:

— Русские стали раздавать продукты. Не помню сейчас (Сюзанна была тогда больна тифом.— Ц. С.), кто дал мне тот пакет. В нем были две банки консервов, которые я привезла во Францию. Я уже не была голодна, но не расставалась с ними ни на минуту...

Сюзанна Фальк говорит о консервах советского солдата как о сокровище, ибо спасение от смерти казалось освенцимским узникам, по ее словам, совершенно невероятным.

Сионисты не могут примириться со столь неопровержимыми доказательствами освободительной миссии Советской Армии во второй мировой войне. Ведь финкелькрауты, бейеры, коски, блохи и им подобные при засылке в Советский Союз получают в числе других задание: «на основе личных встреч» придумать очередную несусветную небылицу для раздувания лживых измышлений о «равнодушии» советских воинов к судьбе евреев, заточенных гитлеровцами в лагеря смерти.

Взяв на себя миссию выразителя мнения людей «свободного мира», комментатор «Голоса Израиля» Омит лицемерно возопил, что «не в состоянии понять, как можно запрещать иностранным гражданам, легально прибывшим в Советский Союз, встречаться с евреями».

В действительности же честные, прогрессивные люди мира не в состоянии понять, как сионистские эмиссары, прикрывшись туристскими визами, совершают несовместимые с туристским статусом деяния и позволяют себе вмешиваться во внутренние дела иностранного государства, клеветать на него, используя заведомо фальшивые «факты».

«ПОДНИМАЙТЕ ШУМ ПО ЛЮБОМУ ПОВОДУ»

Непрошеным парижским «защитникам» советских евреев я обязан задать вопрос, какой задавал, задаю и буду задавать их единомышленникам из Нью-Йорка, Лондона и других центров международного сионизма: какими реальными и эффективными мерами защищают они своих трудящихся сограждан еврейского происхождения от непрерывно растущих нападков и преследований антисемитов?

Стоит напомнить Алену Фенкелькро-Финкелькрауту,

что близ той самой синагоги на улице Коперника, где всеведущий раввин Вильямс вручил ему списки подлежащих «обработке» советских евреев, профашистские молодчики из так называемой ФАНЕ организовали взрыв бомбы. Четыре человека были убиты, шестнадцать ранены. Случись взрыв в часы, когда верующие направляются в синагогу, число жертв, по мнению журналистов (настоящих, а не подобных Финкелькрауту), исчислялось бы несколькими десятками. Бандитскую организацию ФАНЕ официально прикрыли, но она продолжает свои антисемитские вылазки под маркой ФНЕ («Европейские национальные группы»).

Не в буковке суть, а в том, что на витринах мелких еврейских магазинов профашисты малюют гитлеровскую свастику с надписью «Смерть евреям!» (к универмагам крупных еврейских фирм самые наглые антисемиты боятся подступиться). Суть в том, что евреи, снимающие сравнительно дешевые квартиры в районе Сен-Март, вынуждены покидать этот район, где особенно разгулялись антисемитствующие молодчики. 3 апреля 1985 года в кинотеатре «Риволи-бобур», расположенном в центре Парижа, на улице Риволи, во время показа кинокартины «Эйхман — человек третьего рейха» произошел взрыв. Пролилась кровь 18 человек из числа зрителей, смотревших фильм, повествующий о преступлениях одного из нацистских палачей евреев.

Защищает ли парижан этой национальности (разумеется, не ротшильдов) «комитет ученых в защиту советских евреев», пославший в нашу страну двух агентов с явно враждебными целями? Ограждают ли сионисты Франции попранные права евреев-рабочих, уволенных рядом еврейских же фирм (назову для примера трикотажную фабрику Або Руди в Париже) за нежелание состоять членом сионистской организации и вносить в ее кассу ежемесячный «шекельный» сбор? Пресекают ли заправилы французского сионизма кахановские методы расправы юнцов из упоминавшейся уже организации под идиллическим названием «Французская ассоциация университетских друзей из Тель-Авива» с «равнодушными к Израилю» молодыми евреями?

Нетрудно предвидеть, что ответ на все эти вопросы может быть лишь однозначно отрицательный.

Откуда бы ни приезжали к нам сионистские эмиссары, на какой бы день пребывания у нас их ни разобла-

чали, они прежде всего прописывают своим собеседникам — и явным подголоскам, и тем, кого сионистская пресса с презрением называет «несозревшими апельсинчиками», — один и тот же главный «рецепт». Существо «универсального рецепта» саморазоблачительно представит в одной из письменных инструкций, адресованных с Запада некоему ленинградцу, заслужившему, как видно, доверие сионистских служб: «Главное — поднимайте шум по любому поводу. И как можно громче. Не ждите подробностей, по каким причинам кому-то отказано в визе. Говорите везде, сообщайте нам с первой же оказией, что отказ незаконен, бесчеловечен, потому что желающий выехать тяжело болен, живет впроголодь, что он хотел бы умереть только в Израиле. Всячески поощряйте подачу заявлений на выезд; подателям советуйте как можно дольше уклоняться от получения официального разрешения (последнее требование, как можно судить по многим фактам, выполняется неукоснительно: иные из жаждущих «воссоединиться» с родными в Израиле «тянут резину» полугодиями, не идут за документами на выезд, только бы числиться в клане тех, кому «отказано». — Ц. С.). Ваше молчание на Западе могут расценить за нежелание действовать».

Еще более угрожающе звучит эта свойственная сионизму нота в другой инструкции: «Наша установка одна: «Израиль, сионизм, еврейский народ неразделимы. Кто в СССР против какой-то части этого триединства, тот против этого всего целого. Если вы решились вернуться на родину (заметьте, какая фальшивая формулировка: вернуться. — Ц. С.), не стесняйтесь защищать ее любыми доступными вам средствами». Не стесняйтесь — и basta!

После очередного провала на советской земле сионистские эмиссары под туристской личиной тоже ничуть не стесняются действовать по провокационному принципу: поднимай шум по любому поводу и без него. Они (американские, английские, французские и прочие «туристы») истерично вопят: «Нас лишают возможности общаться с евреями, желающими репатрироваться в страну отцов!»

Оставим в стороне спекулятивное использование — в который раз! — понятия «репатриация», обозначающее, как известно, возвращение на родину (страну, где они родились и жили, гражданами которой они являются) во-

еннопленных и гражданских лиц, оказавшихся за ее пределами вследствие войны, а также эмигрантов. Ограничимся перепечаткой из одного журнала короткого отрывка из беседы корреспондента с иностранцем, побывавшим в Москве и Ленинграде:

«— Была ли у вас возможность встречаться с евреями, желающими выехать из Советского Союза?

— Да, нам никто не мешал. Я ездил на встречи с ними, они приезжали к нам в гостиницу. Мы беседовали и с отдельными людьми, и с группами, виделись днем, вечером, ночью».

Как называется журнал, где он издается? Это «Израиль сегодня», издается на русском языке в Иерусалиме, придерживается резко антисоветского направления. Его корреспондент беседовал с Менахемом Акоэном, раввином, депутатом израильского кнессета от блока «Маарах».

В декабре 1981 года мне довелось встречаться с Акоэном в Советском комитете защиты мира в Москве, поэтому могу засвидетельствовать: приверженностью советскому строю господин раввин не страдает, скорее — наоборот. Просто он не решился назвать белое черным, проявил элементарную человеческую честность.

А ее начисто лишены гудманы, бейеры, мелвины, калмсы, финкелькрауты и прочие сионистские вояжеры, приезжающие в нашу страну с заданиями — пакостить, клеветать, вредить. Так их наставляют лидеры служб международного сионизма, вышколенные партнерствующими разведками — американской и израильской.

Но и такая матерая школа не спасает сионистских эмиссаров, с какими бы документами они к нам ни пробирались — туристскими, корреспондентскими, дипломатическими. И вынуждены они убираться от нас несолоно хлебавши. Впрочем, дома им, вероятно, придется весьма солоно от взбешенных их провалами хозяев.

Пусть беснуются сколько угодно. У нас их посланцев ждет только одно — крах. Неизбежный. Неминуемый.

Такой же крах, какой терпит бредовый сионистский план переселения евреев в Израиль.

Цезарь СОЛОДАРЬ

КОГДА ИСЧЕЗАЮТ МИРАЖИ

Каждое утро в Тель-Авиве, в самом центре отелей и магазинов, на улице Хяркон, выстраивается очередь. Это желающие получить визу для выезда из страны. Ежегодно Израиль покидают примерно 40 тысяч человек. В настоящее время только в США проживает 0,5 миллиона израильских граждан, в Нью-Йорке их больше, чем в Тель-Авиве. Об этом организаторы кампании «за выезд советских евреев» предпочитают умалчивать. Они скрывают от общественности факты, свидетельствующие о том, что сионистская пропаганда погубила и продолжает губить многих людей.

«...Вы, наверное, помните нашего общего хорошего знакомого Ефима Бенционовича Ладыженского. Мне очень больно вас огорчить, но в прошлую субботу этот талантливый художник покончил жизнь самоубийством.

С тех пор как он приехал в Израиль, ни один музей, ни одно государственное учреждение не купили ни одной его картины. Ему разрешали выставляться, и критики его хвалили. Но это все. Кроме нескольких мелких вещей по дешевым ценам частным лицам он не смог ничего продать. Давно, еще до того, как он покончил с собой, он показал лист картона с двумя дырочками и веревкой, сказав, что оденет это на шею А. Н. Цукерман, работающей в «Кол-Исраэл» (радио «Голос Израиля». — Б. А.). На этом картоне было написано: «Вы все виноваты в моей смерти. Вы заманили меня в эту проклятую страну и обрекли на голод меня и мою семью!» Ефим Бенционович повесился. На похоронах кроме его семьи было всего несколько человек».

Это письмо было передано его адресатом в агентство печати «Новости» с пожеланием «предостеречь легко-

верных от опрометчивых шагов, которые они могут сделать под воздействием лживой сионистской пропаганды». Трагических судеб, подобных описанной в письме, немало. Известно, к примеру, об имеющих место в Израиле забастовках переселенцев, вызванных крайним отчаянием. Поводом к одной из таких забастовок послужило самоубийство бывшего инженера-нефтяника Аркадия Зицмана. На «земле предков» он оказался без работы и без всяких средств к жизни. Зицман пробовал бороться, апеллировать к общественности, но, затравленный угрозами, в конце концов покончил с собой. Забастовщики заявили, что протестуют против нечеловеческих условий, в которых им приходится существовать и которые доводят людей до самоубийства.

Бастующие распространяли списки с фамилиями людей, которые свели счеты с жизнью в Израиле. Среди них — врач Хейфец из Ленинграда, Ефим Ладыженский, Мария Каплан из Москвы, Медико Аджиашвили из Сухуми, бывший житель Тбилиси Дзодзуашвили, Гринблат из Винницкой области, инженер Евгений Ваксман из Днепропетровска и многие другие.

Вот что пишут люди, покинувшие Родину ради «земли обетованной»:

«...Уже четвертый год живу в Израиле. Я сказал «живу», но вряд ли можно назвать жизнью мое здешнее существование. Сомневаюсь, не слишком ли жестоко пожелать даже врагам такую жизнь». Это признание принадлежит Давиду Липшицу.

«Страшно видеть, на что толкают людей отчаяние и нищета,— пишет Гога Хананишвили.— Я видел очереди по газетному объявлению о том, что требуются на работу молодые девушки. Девочки стояли с мамами и бабушками. Оказывается, девчонок отбирали, чтобы фотографировать для секс-журналов. До чего нужно дойти, чтобы дочь свою или внучку отдать на такой позор!»

Наивные думают, что их приглашают в Израиль, чтобы предоставить богатую и счастливую жизнь. Переселенцами, как деревьями и кустами, которые сажают в пустыне, чтобы удержать пески, закрепляют захваченные у арабов территории.

По признанию самой израильской прессы, десятки тысяч приехавших в Израиль людей практически не имеют жилья. «Олим», как называют вновь прибывших, направляют в полувоенные поселения для «закрепления»

захваченных у арабов земель. Безработица, постоянный рост цен, самые большие в мире налоги обрекают людей на жизнь в нищете.

По законам страны «олим» должны служить в армии более долгие сроки, чем местные жители. Причем под ружье призывают и женщин. Израильское руководство считает, что «новички» должны делом доказывать преданность «обретенной родине».

Во время агрессии против Ливана погибло немало из тех, кто недавно приехал в Израиль. Неудержимо растет число свежих могил на израильских кладбищах, все длиннее рубрика траурных объявлений в газетах.

Вот несколько выдержек из дневниковых записей «новообращенных» солдат:

«Меня отпустили домой на субботу, а потом вдруг позвонили и вызвали обратно. Моя часть уже находилась в Ливане... Первые бои были в районе Тира. И там же я в первый раз увидел убитого, которого хорошо знал. Взорвался грузовик со снарядами. Они попали в засаду, целая батарея. Было четверо убитых, и среди них мой знакомый офицер...» (Эли Курин, выпускник средней школы, 21 год; родился в Вильнюсе; в Израиле с 1982 года).

«Приходит сосед и говорит: «Принесли повестки, через два часа возьмут — готовься!» В первую ночь поехали брать машины, поспали пару часов и утром уже были в Ливане... Никогда я такого не видел. Пожарище и страшная вонь от трупов... Вообще, лучше не думать, что ты можешь вот так, запросто умереть, потому что чем больше думаешь, тем больше вероятность, что так и будет» (Владимир Гурович, 31 год; родился в Вильнюсе; приборист; в Израиле с 1971 года).

«Победителем я себя не чувствую, я чувствую себя проигравшим. Потому что это мои солдаты погибли. И в моем понимании нет целей, которые оправдывали бы эту смерть.

Представляя себе будущую войну, я всегда думал о ней с восторгом. Да, это был восторг. А на самой войне произошла такая вещь: будто какой-то автомат отключил весь восторг. И он превратился только в страх. Это было на четвертый день моей войны, когда палестинцы обстреляли базами один из наших передовых постов. В 150 метрах от нас. И мы пошли туда вытаскивать тех, кто остался... Вот как отключился весь этот восторг:

когда человек ранен, ночью на нем пишут номер. Мажут черной краской лицо и руки и пишут его личный номер. Чтобы ночью, если он умрет и не успеет сказать, кто он такой, можно было его опознать. Моя форма тоже вся была исписана. Нет, ранен я не был — на всякий случай это сделал. Сам... Вся эта страна (Израиль.— Б. А.) мне напоминает какой-то громадный военный лагерь. В средневековые были такие государства, которые занимались войной, этим они и жили. Вот в такой стране я живу». (Юрий Портной, родился в с. Единичи Молдавской ССР; зубной техник; в Израиле с 1972 года).

«Израиль — самое опасное место для евреев, и нигде евреи не подвергаются такой опасности физического истребления, как в еврейском государстве». Эти слова принадлежат Йегаиму Вайну, гиду туристов по Иерусалиму.

В Израиле катастрофически растет бандитизм. По вечерам люди боятся выходить на улицу, родители и мужья вынуждены встречать своих жен и детей на автобусных остановках. Переселенцев, которых буквально заманивали в Израиль, потрясает враждебность к ним местного населения. Сабры — коренные жители страны, открыто третируют вновь прибывших, видя в них конкурентов на рынке труда, в очередях на жилье, в получении льгот. Такую же неприязнь проявляют сефарды — выходцы из стран Азии и Африки, которых в Израиле 1,5 миллиона.

Сионисты стремятся извлечь пользу для себя даже из тяги многих и многих людей к бегству с «земли обетованной». Дело в том, что ни один военнообязанный гражданин не имеет права выехать за пределы Израиля даже на самый короткий срок без разрешения министерства обороны. Что ж, ради получения визы на выезд кое-кто подражается выполнять различные «деликатные» миссии израильских и сионистских секретных служб. На эти «зарубежные кадры» делает ставку израильская разведка «Моссад», использующая израильских граждан при осуществлении террористических операций в странах Европы, Африки, Латинской Америки, в Соединенных Штатах.

Но и те, кому удалось бежать из Израиля, не минуют лап сионистских мошенников. Несколько лет назад в ряде западноевропейских стран открыла свои филиалы благотворительная организация, называемаяся «Рав-

тов» («Хороший раввин»). После того как газеты распечатали предоставленные ею снимки мыкающих по свету «бедных евреев», начался сбор пожертвований. Европейский директор «Рав-тов» раввин Видер обещал эти деньги употреблять на строительство столовых и медицинских пунктов, на детские учреждения и школы. На самом же деле большая часть пожертвований пошла на открытие в Вене магазина одежды, делами которого Видер поручил управлять своей дочери. Группа беженцев из Израиля, осевших в Вене и Риме, прислала в агентство печати «Новости» письмо, в котором разоблачаются махинации «хорошего раввина».

«Поскольку у Видера налаженные связи в торговле и медицине,— говорится в этом письме,— он получает любые квитанции за якобы произведенные с беженцами из Израиля расчеты по максимальным ставкам. Львиную долю этих денег он забирает себе, остаток же раздает как подачки. Одной из статей его дохода является биржевая операция по вручению эмигрантам денег от миссии США в Женеве. Эти средства поступают в долларах прямо на счет Видера, который не раздает их сразу, а держит в банке. В течение нескольких лет Видер имеет большой «навар» от подобных задержек: набегают по несколько сот долларов ежемесячно в виде процентов».

«ЛОЖЬ СИОНИСТОВ ГУБИТ ЛЮДЕЙ»

«Сионисты вмешались в мою жизнь и погубили ее,— пишет в письме послу СССР в Бонне бывший советский гражданин Тимур Чиквашвили.— Нет в мире лучшей страны, чем Советский Союз. Я понял, что был самым счастливым человеком на свете, живя в этой стране до своих 28 лет... Я, жертва сионистской пропаганды, уже два года страдаю за границей. Горе и слезы, унижения, одиночество преследуют меня в чужом отвратительном мире».

«Когда я приехал в Америку,— пишет из США ранее живший в Одессе Лев Куперман,— представитель организации «Рав-тов» направил меня на жительство в район трущоб. Здесь все поломано, стекла выбиты, никаких санитарных условий. Работу почти невозможно найти.

Барахолка — вот чем обернулась для многих мечта о капиталистическом «рае»...

В Нью-Йорке жил один мой знакомый. Пытаясь дозвониться до него, я истратил целых 2 доллара. Проезд на метро стоит здесь доллар, а не пятак, как в Москве, в автобусе — тоже доллар. Я добрался к этому человеку и узнал: чтобы снять комнату с койкой и умывальником, мне на одного нужен 250 долларов. У меня было всего-навсего 150 долларов. За эту сумму я мог жить только в трущобе. Работы я долго не имел, хотя обращался во

все еврейские общины. Наконец устроился уборщиком в дом слепых. Чтобы доехать туда, нужно 3 доллара и назад 3. За час мне платили 2 доллара. За восемь часов — 16, из них 6 уходило на транспорт. Почти все остальное — на жилье и нищенское питание».

Хавив Шибер, руководитель одной из американских организаций, выступающих за нормализацию обстановки на Ближнем Востоке, обратился к советским евреям с открытым письмом, в котором призвал их не попадаться в сети сионистской пропаганды. В этом письме он пишет: «Проводимая Израилем расистская политика в отношении палестинских арабов и постоянные войны с соседними государствами привели его к экономическому банкротству. В моральном плане сионизм и Израиль характеризуются как еврейский нацизм...— И делает вывод: — Сионистскую пропаганду, призывающую к выезду в Израиль и тем самым разрушающую человеческие жизни, нельзя расценивать иначе как преступление». С этим нельзя не согласиться. В Соединенных Штатах, например, переселенцы из социалистических стран сталкиваются с очень серьезными трудностями. Так, газета «Нью-Йорк таймс» опубликовала письмо бывших советских граждан, врачей по образованию, которые жалуются на то, что их дискриминируют в США, не дают возможности поступить в интернатуру или на постоянную работу в какую-нибудь больницу.

К этой жалобе присоединилось около тысячи врачей — выходцев из СССР. Аркадий Фишман, например, заявил, что он отправил свыше 800 писем в различные медицинские учреждения США с просьбой принять его на работу. Ответы с отказами заполнили несколько обувных коробок. Его кандидатуру отвергли и все еврейские больницы¹ Большого Нью-Йорка. Фишман пишет, что в свое время, когда решался вопрос о переселении в Соединенные Штаты, чиновники в американском посольстве говорили, что если претенденты выдержат испытание по специальности и английскому языку, то у них будет много шансов устроиться. «Мы учились 3 года, сдали экзамены, но до сих пор не можем получить места», — сетует Фишман. В Советском Союзе он окончил медицинский институт и 10 лет работал онкологом в московских больницах.

¹ Больницы, работа и возможность лечиться в которых предоставляются только евреям.

«Специальность зубного врача нужно забыть,— с горечью пишет в своем письме в газету «Известия» Роза Гомон, которая до выезда в Америку проработала 15 лет во 2-й стоматологической поликлинике Минска.— Надеюсь приобрести другую специальность, так как работу зубного врача найти невозможно, я пошла учиться. Мы с дочерью Юлей вынуждены были перейти на пособие, которого едва хватает на оплату квартиры и транспорта. Надежды окончить колледж нет из-за материальных затруднений. Учебники очень дорогие... Пособие нужно отрабатывать — чистить общественные туалеты по 80 часов в месяц. Даже если и удастся окончить колледж, то найти работу нет никакой надежды. Право на труд! Любая работа! Какое это счастье. У нас с Юлей нет настоящего, нет будущего, мы никогда не сможем прижиться в американском обществе».

«Работая в Обществе помощи евреям-иммигрантам (ХИАС), я получила представление о том, что ожидало приезжавших из СССР в Нью-Йорке,— свидетельствует американская общественная деятельница Флоренс Фокс.— В целях трудоустройства им предлагалось заполнить специальные анкеты об образовании и составить послужной список. Я была поражена общим высоким уровнем образования и должностей, которые они занимали в СССР.

Вопреки языковому барьеру, хронической безработице, жилищному кризису в США, новички были настроены на то, что получают работу, если и не лучше, то, по крайней мере, не хуже той, что имели на Родине. Первоочередной задачей ХИАС было обеспечить этих людей крышей над головой. Из-за нехватки жилья их подселяли к ранее прибывшим в и без того переполненные помещения. Всего 1,2 процента бывших советских евреев подыскали себе работу в соответствии с их профессией. Большинство же вынуждено было соглашаться на низкооплачиваемую грязную работу с плохими условиями труда. По истечении нескольких месяцев попечительские агентства предоставляют их самим себе. Далее их «американизация» состоит в познании на собственном опыте, что такое безработица и существование на благотворительные подачки.

Большая часть новичков испытывает шок, обнаружив, что в этой «свободной стране» за все надо платить. Здесь они сталкиваются с проблемой, которую не ощущали на

Родине,—выживания в условиях хронической безработицы, непомерно высокой платы за медицинское обслуживание и образование, острой нехватки жилья, высокой платы за пользование общественным транспортом. Детские сады, летние лагеря для детей и отдых всей семьей обходятся очень дорого».

Джери Джонс, жительница Калифорнии, с тревогой писала в газету «Лос-Анджелес таймс» летом 1986 года:

«Беременная мать с четырьмя маленькими детьми скитается в поисках жилья, часто ночуя на улице. Престарелая женщина, страдающая слабоумием, живет в брошенном автомобиле с единственным близким ей существом — маленькой собачкой. Девочка, только что перенесшая операцию на сердце, и ее мать бездомны, голодны и едва одеты, у них нет никаких доходов.

Это не единичные случаи, а только свежие примеры из жизни. Они происходят не в глухих селениях Мексики, не в африканской Сахаре и не в худшей части нашего нью-йоркского Гарлема. Нет, все это происходит прямо здесь, у вас на глазах, в вашем городе, в вашем квартале, по соседству. Сотни рабочих-иммигрантов обитают в ужасных условиях, ночуя в ямах».

Трагична судьба кандидата медицинских наук Аси Вольпе, которая в свое время была заместителем главного врача одной из поликлиник в Ленинграде, а в Америке выносила ночные горшки у престарелой миллионерши. Отчаявшись найти работу по специальности, она повесилась. Бывшая ленинградка Софья Мейзон была вынуждена пойти уборщицей в публичный дом, который содержал в Вашингтоне некий Абрам Корн. Хозяин вынудил ее наряду с выполнением основной работы овладеть и «смежной» профессией.

«Здесь чуждый для нас, бесчеловечный мир, дикие нравы, к которым мы никогда не сможем привыкнуть»,—признался корреспондентам 18-летний Марат Лисянский, отца которого убили на его глазах... Это случилось 17 июля 1984 года в Нью-Йорке, на бульваре Вудхейвен.

Алекс Лисянский, 38 лет, водитель такси, направлялся с женой, четырьмя детьми и приятелем в кафе. Их остановил полицейский и что-то сказал, обращаясь к приятелю Алекса, плохо знавшему английский язык. Лисянский, желая помочь разобраться, вступил в объяснения с полицейским. В ответ тот выхватил пистолет и

Нет ничего трагичнее и горше смерти на чужбине...

по-ковбойски, как говорят, от бедра, выстрелил в грудь Лисянскому. Кровь обрызгала стоявшего рядом Марата. Отец был убит наповал.

В Нью-Йорк семья Лисянских приехала из Душанбе, где Алекс работал электриком, старшие дети учились в школе, младших водили в детсад. За границу поехали, соблазнившись «райскими благами», что сулили им западные «голоса».

«РАССКАЖИТЕ ДРУГИМ О НАШЕЙ УЧАСТИ»

Стремление донести до людей, готовящихся совершить роковой шаг в своей жизни, правду об угрожающей им опасности выражают многие из тех, кто воочию убедился в лживости западной пропаганды. Так, в заявлении на имя посла СССР в США Григорий Линеv, в прошлом житель Ленинграда, пишет: «Я совершенно отчетливо увидел и осознал, какой дорогой ценой платят бывшие советские люди за свое легкомысленное отношение к сообщениям советской печати, радио, телевидения,

недоверие к людям, которые старались их уберечь от чудовищной ломки всей их жизни, от унижений, душевных мук и культурной деградации в чужом для них мире. Этот мир превращает полноценных и полноправных советских граждан в людей второго сорта. Поэтому нет для меня сейчас большего счастья, чем во весь голос рассказать всем неверящим и сомневающимся о том, что их ждет в мире «свободы и демократии».

Есть много свидетельств того, как сионисты преследуют рассказывающих правду об участии бывших советских граждан на Западе. В своем обращении к послу СССР в Австрии Анна Глухова и ее сын Анатолий (до выезда за границу они жили в Челябинске) рассказали, что во Франции, куда их занесла судьба, они встретились с участниками работавшей в этой стране съемочной группы Госкино СССР. Глуховы выступили перед кинокамерой со свидетельствами об истинном облике западной «демократии», рассказали о своей горькой участи. После этого полиция отобрала у них вид на жительство. Их допрашивали, заставили письменно отвечать на такие вопросы: «Кто дал русским ваш адрес во Франции?», «При каких обстоятельствах, как вы встречались с работниками советского кино, где вас снимали на пленку?», «Сколько вам заплатили за участие в этих съемках?». Глуховых вынудили покинуть Францию и вести скитальческий образ жизни.

О трагедии своей семьи рассказала в письме на имя посла СССР в Австрии и бывшая советская гражданка Софья Абрамова. Ее 16-летний сын был убит сионистами за стремление выехать из Израиля. Абрамова прибыла в эту страну вместе со своими детьми — Олегом и Асей. Вскоре они стали рваться обратно. Тогда агенты специальной службы подвергли Абрамовых «обработке». «Нам не давали покоя ни днем ни ночью, — вспоминала женщина. — Изо дня в день нам приходилось слушать угрозы. Наконец, мой сын получил выездной паспорт «даркон», но перед выездом его убили. Меня и мою дочь также хотели убить. За день перед выездом нас избили. Меня и мою девочку били ногами. В 12 часов ночи, чтобы никто не видел, мы пробрались в аэропорт. Утром вылетели в Вену».

Но на этом трагедия не окончилась. Чтобы дискредитировать обличительницу, австрийские газеты просионистского толка нанесли Абрамовой новый удар: объя-

вили ее сумасшедшей. «Она ненормальная, лечилась в психиатричке в Израиле. Разве можно верить тому, что она говорит?» — писали корреспонденты со слов сотрудников израильского посольства, не изъявляя никакого желания проверить, соответствуют ли они истине. И хотя женщина находилась в Вене и адрес ее был известен, газеты опубликовали лишь то, что говорили по этому делу представители Израиля. А уж они-то, разумеется, утверждали, что сына Софьи Абрамовой никто не убивал, он-де сам попал под машину. Да и был ли сын? Может, его и не было вовсе?

Газета «Фольксштимме», орган Компартии Австрии, сообщала, что один беженец из Израиля, чей правдивый рассказ о порядках в «сионистском раю» она опубликовала на своих страницах, подвергся гонениям, его уволили с работы. Известны случаи жестоких избиений и даже убийств людей, осмелившихся публично рассказывать правду о сионизме.

СМЕРТЬ ДЖЕССИКИ САВИЧ

Смерть звезды американского телевидения Джессики Савич произошла при загадочных обстоятельствах. Эта 35-летняя женщина собралась вместе со своим другом Мартином Фишбайном, администратором из газеты «Нью-Йорк пост», отдохнуть на лоне природы. Воскресным утром 23 октября 1983 года они поехали в Пенсильванию в автомобиле, взятом напрокат. В 6.30 их видели на берегу Делавэрского канала. Они завтракали в ресторанчике «Шез Одетт», где еще накануне заказали для себя столик. В 7.15 они вышли оттуда, Фишбайн сел за руль, а Джессика разместилась на заднем сиденье вместе с собакой Чуи, сибирской лайкой, которую телезвезда представляла друзьям и знакомым как «своего лучшего друга». Что случилось затем, покрыто тайной. Через 4 часа автомобиль Джессики и Фишбайна был обнаружен затонувшим в канале близ границы Пенсильвании и Нью-Джерси. Из перевернутой вверх дном машины извлекли два трупа...

Экспертиза установила, что водитель был совершенно трезв. Каким образом автомобиль съехал с дороги и нырнул в канал, полиция не выяснила. Да и не выясняла: в протоколе все происшедшее квалифицировалось

Американская артистка Джессика Савич, ведущая телефильма, показывающего реальное положение евреев-иммигрантов в США

как «автоавария с гибелью пассажиров»...

Между тем были все основания для более тщательного исследования. Ведь Джессика Савич в последние месяцы своей жизни буквально подвергалась террору, ее угрожали убить, присылали подметные письма, изводили телефонными звонками. Началось это после того, как 13 июня, за четыре месяца и десять дней до трагической гибели артистки, служба общественного телевидения «Паблик бродкастинг сервис» (Пи-би-эс) продемонстрировала американцам в одной из своих программ телевизионный фильм под названием «Русские здесь»¹. В нем Джессика Савич была ведущей.

Название фильма неточно отражает его содержание. В телефильме речь шла вовсе не о русских, а о евреях, переселившихся в Соединенные Штаты. Выехав из СССР по израильским вызовам, они либо покинули впоследствии Израиль, либо, минуя «землю предков», махнули прямо в США, предпочтя сионистскому «раю» американский, ожидая попасть в нежные объятия дядюшки Сэма. Но объятия эти обернулись тисками нужды, конкуренции на рынке труда, унижениями, черной грошовой работой, тоской по утраченной родине. Об этом переселенцы и рассказывали в своих интервью, показанных в фильме «Русские здесь». В тысячах метров пленки с документальной точностью и неопровержимостью разоблачался сионистский обман и одновременно проявлялось настоящее лицо тех, кто позарился на молочные реки и кисельные берега заокеанской земли, а попал в очередь за

¹ Осенью 1986 года фильм (под названием «Бывшие») демонстрировался по советскому телевидению.

чечевичной похлебкой, выдаваемой по талонам. Ни показанный в фильме «писатель» Лев Халиф, самонадеянно ожидавший, что его озолотят в Нью-Йорке за «озорную» книжонку «Ша! Я еду в США», ни «богемный поэт» Константин Кузьминский, демонстративно перед телекамерой пропивавший свое пособие по безработице, не вызвали ни малейших симпатий, ни сочувствия у телезрителей.

Тема жалкой доли переселенца, неудачника и чужака в приютившей его стране прозвучала достаточно внятно в устах Джессики Савич, когда она комментировала полные горечи сетования «героев» фильма. Кинокадры весомо и зримо подтверждали ее правоту. Вот некогда популярный, а теперь безработный артист кормится низкой и грязной работой: дублирует иностранные порнофильмы для притонов разврата. Другой бьется в силках конкуренции и с укором Америке вспоминает, что в Советском Союзе ему вовсе не требовалось «бороться за свое место на службе». Ни один из выступивших в фильме не порочил Советский Союз, не выказывал антисоветской ярости, за которую, как за ходкий товар, щедро платят в Америке. Это вызвало сильное неудовольствие тех, кто питается антисоветчиной в среде «бывших». «Какими глазами американские телезрители будут после этой ленты смотреть на демонстрации в защиту Щаранского?» — возмущалась реакционная просионистская газетенка «Новое русское слово», регулярно печатавшая оплачиваемые ЦРУ призывы «защищать» агента американской разведки, тогда отбывавшего в СССР наказание за шпионаж.

Через несколько дней после показа фильма в Бостоне была организована демонстрация антисоветчиков, требовавших его запрещения. Они потрясали плакатами «Джессика Савич позорит нас!», «Кто стоит за этой программой?». В газетах появились статьи, намекавшие на то, что, мол, дело не обошлось без «руки Москвы», а Джессика Савич — «советский агент».

По инициативе небезызвестного Владимира Буковского, антисоветчика и террориста, агента ЦРУ, возникла даже некая «лига» для возбуждения «коллективного судебного иска» в 200 миллионов долларов против авторов фильма и Пи-би-эс. Буковского сделали председателем «совета учредителей-директоров». Всем желавшим принять участие в иске предлагалось вносить деньги на

«орграсходы». Русскоязычные газеты поместили на своих страницах отрезные купоны с таким текстом: «Да, я хочу быть истцом в деле против всех ответственных за производство и показ телефильма «Русские здесь»; достаточно было заполнить такой купон и прислать его вместе с денежным чеком по адресу «лиги»: Нью-Йорк, 11106, Лонг Айленд сити, п/я № 6341 CRF инкорпорейтед. При этом не имело значения, видел «желающий взыскать» упомянутый телефильм или нет. Кроме этого, в купоне содержалось примечание, что деньги на организацию иска можно списывать с выплачиваемых государству налогов. А это говорило о многом. В «поход» против фильма выступили государственные органы. И неудивительно: фильм-разоблачение не был выгоден ни ЦРУ, ни сионистам, ни антикоммунистической пропаганде. Потому и решили задушить это детище службы общественного телевидения руками Буковского и иже с ним.

Но тут вышла осечка. Изучив содержание иска и его юридические аспекты, американские судебные эксперты единодушно пришли к заключению, что иск абсолютно несостоятелен. Вот что писал об этом юрист из иммигрантов А. Дранов после многочисленных консультаций со знатоками законов и судебной практики в Соединенных Штатах:

«Я обсуждал юридические аспекты предполагаемого «процесса» со многими американскими юристами. Все они сходятся во мнении, что в юридическом отношении иск совершенно несостоятелен. Шансов на победу и даже на выигрыш одного доллара у членов лиги нет ни в одном американском суде.

Невозможно доказать, что фильм «Русские здесь» — клевета, то есть ложен по существу в нем показанного: ни одно интервью в нем не выдуманно, в фильме нет ни одного наблюдения или вывода, не подтвержденного документальными кадрами, ни одной фальсифицированной реплики, носящей клеветнический, то есть ложный характер. Все показанные в фильме — не плод воображения авторов, а реальные люди, говорившие то, что мы слышали в нем... Рассуждения Джессики Савич — одной из ведущих американских тележурналистов — носят характер правомерного в глазах закона журналистского обобщения. Ни один человек не был прямо или косвенно оклеветан ни репликами комментатора, ни кинокамерой.

Другими словами, все показанное в фильме «Русские здесь» — правда. Приятна она нам или нет — вопрос уже не для суда».

Таким образом, идея судебной расправы над авторами неугодной картины потерпела полный провал. А вскоре автомобиль с Джессикой Савич был обнаружен в канале... «У Джессики Савич не хватило ума продумать до конца все возможные последствия фильма», — сардонически злорадствовало вышеупомянутое «Новое русское слово». Да, такого «последствия» Джессика не предвидела. Она все-таки верила, что живет в «свободной и демократической» стране. Тем более что страна эта рекламировала ее, Джессику Савич, как символ успеха и процветания личности. Именно ее портрет красовался на обложке журнала «Америка», издания, воспевающего «американский образ жизни».

Подробности о скитаниях за рубежом бывших советских граждан я узнал, что называется, из первоисточника. Мне довелось встретиться и поговорить с возвратившимся в СССР Малаевым. Его рассказ записан мною на пленку с его разрешения и приводится ниже:

«Я достаточно мыкался по свету. Был в Израиле, Италии, в США. И видел, какое жалкое существование влачат на Западе люди, которые прекрасно жили в Советском Союзе. Среди них когда-то известные актеры, музыканты...

В Италии я познакомился с одной парой — Неллей и Рафиком. Он художник. Неплохо рисует, на мой взгляд. Но в Риме картины его никому не нужны. Два месяца супруги голодали, искали работу, за жилье задолжали. Хозяин грозил выбросить их на улицу. Тут один итальянец по имени Франческо, владелец крупной химчистки, предложил Нелле работу: быть его секретаршей. Нелля согласилась, а Рафик сидел дома с дочкой. Но после двух месяцев Франческо ее уволил, она, видимо, ему надоела. Тогда Нелля пошла к бандорше, которая держала публичный дом для иностранцев, упала перед ней на колени. Та смилостивилась и приняла ее на работу. Так и жили на заработки от публичного дома, пока не уехали в Канаду. Я получил оттуда от них несколько писем. В Канаде Нелля устроилась на ламповый завод, а Рафика не берут на работу, говорят, физически слаб. Не взяли даже уборщиком в дом инвалидов: хозяин сказал, что нужны люди быстрые, которые успевают делать все.

Или вот Савелий Крамаров. Мы с ним знакомы давно. В первый раз за границей я встретился с ним в Италии. Он жил в Остии, пригороде Рима. Его кровать стояла в коридоре. Рядом в одной комнатухе ютились еще три семьи. Когда я вошел и стал спрашивать про него, он, услышав мой голос, выскочил, обнял меня и сказал чуть ли не со слезами: «Видишь, где теперь Савелий живет?» Показал на свою коечку в коридоре и пояснил: если жить в комнате, то надо платить 250 тысяч лир, а в коридоре — 150 тысяч. Кормится тем, что рассказывает таким же, как он, бедолагам про фильмы, в которых снимался, корчит рожи, разыгрывает пантомимы. Кидают в шапку кто сколько может. Из Америки приезжал какой-то Шульман, подписал контракт на будущие выступления, но аванса не дал...

И вот снова встреча — в Соединенных Штатах. Спросил, как идут гастролы. Крамаров ответил, что сначала какие-то деньги были: программу смотрели в основном люди, выехавшие из СССР, а кроме них посетителей очень мало. И вот уж два месяца не удается собрать публику: покупают всего 20—30 билетов. За эту выручку работать невозможно: надо платить за аренду помещения, музыкантам, обслуживающему персоналу. Концерт приходится переносить с недели на неделю.

В Италии я видел артистку из Московского театра кукол. Ее звали Алла. В Риме никто ее на работу не брал. Алла приходила на пляж, расстилала свою косынку, на которую ей бросали монеты, доставала кукол и показывала с ними всякие трюки. Ее мать, больная старуха в очках, которая еле двигалась, сидела здесь же, собирала трясущимися руками монеты. Потом они уехали в США. Я случайно их встретил там в Бруклине. Алла мне сообщила, что вот уже неделю как работает домработницей. «Искусство мое здесь никому не нужно, а у матери нет никакого пособия», — сказала она. Вместе с Аллой и ее матерью жила еще одна семья, выехавшая из Советского Союза в 1979 году. Шесть человек в одной комнате.

В Риме я повстречал своего знакомого Анатолия Гудко из Киева. Раньше он работал в цирке — жонглировал, делал сальто, а в Риме целыми днями бесплодно искал работу. Однажды пришел обрадованный, сказал, что нашел место, где можно заработать «пару копеек на жизнь». Это на Пьяцца Испания. Там вечно толкуются наркоманы,

хиппи, бездомные. И тут же на импровизированной сцене у фонтана показывают, что умеют, заброшенные артисты, акробаты, художники, искусство которых больше нигде не находит спроса. Толя взял свои мячи, кольца, карты, зеркало, и мы отправились на его представление. Он вытаскил свой реквизит и объявил, что бывший артист украинского цирка Анатолий Гудко будет исполнять цирковые номера. Разложил на земле платок — собирать монеты. Часа три выступал — работал до пота — и за весь вечер набрал 7 тысяч лир. Из них 4 тысячи мы заплатили за проезд, а 3 осталось на ужин.

Потом он уехал в Канаду. Будучи там, я спрашивал про него, но мне отвечали, что никто не слышал о таком артисте. Дальнейшая судьба Гудко мне не известна.

Подобная печальная судьба у многих артистов, приехавших на Запад в поисках «мировой славы» и материального благоденствия.

...Обязательно напишите о том, что я вам рассказал. Я пытался, но не смог сделать этого в Америке. Сионисты контролируют прессу. Они разворачивают кампанию за выезд советских евреев в Израиль и блокируют информацию, которая им не выгодна. Я хочу предостеречь людей от того, чтобы они не попались, как я, в ловушку сионизма».

КОГТИ ШПИОНСКИХ СЛУЖБ

Есть много свидетельств того, что покинувшие СССР попадают в лапы таких спецслужб, как израильская разведка «Моссад» и американское ЦРУ. Эти службы всячески пытаются стимулировать сионистскую кампанию за выезд из СССР людей, которые имеют доступ к жизненно важным для Советского государства секретам. Шпионские службы интенсивно выпытывают у приехавших на Запад секретные сведения о нашей стране.

Под крышей посольства США в Риме действует группа специальных агентов, занимающихся опросами иммигрантов из СССР. В подразделении ЦРУ на улице Венето, 19, работают сотрудники под кличками «Саша», «Виктор», «Линдеман», «Ральф». Их подлинные имена — Сирил Градасофф, Виктор Зеeman, Джералд Такетт, Рольф Шиндлер. Они хорошо знают русский язык. Они подробно расспрашивают приехавших о службе в Совет-

ской Армии, работе на промышленных предприятиях, вникают в технические тонкости. Если человек их особо заинтересует, они сообщают о нем в сионистские организации, «опекающие» переселенцев,— «Рав-тов» или ХИАС. Эти организации переправляют такого человека из Италии в ФРГ или США, где с ним ведется дальнейшая, более глубокая работа. Все это делается, естественно, на деньги ЦРУ

Активно используется для шпионажа «Межгосударственный комитет по вопросам европейской миграции» (СИМЕ) — неправительственная организация в Женеве, существующая в системе ООН. Официально комитет оказывает правовую помощь иммигрантам, помогает им деньгами и транспортом. Но доверенные ЦРУ не дремлют. Они находят среди иммигрантов нужных людей, изучают их и выводят на прямые контакты с кадровыми сотрудниками разведки. Достаточно взглянуть на список представителей организаций, которые участвовали в работе одной из сессий комитета, чтобы понять: здесь свили гнездо шпионско-диверсионные службы. В этом списке — активисты из различных антисоветских «фондов», сионистских «Джойнт» и ХИАС. Делегатом от «Джойнт» был Давид Федер, сионист, бежавший из Польши. «Международный комитет спасения» представлял Гаррет Аккерсон, сотрудник ЦРУ, в прошлом советник американского посольства в Варшаве, уличенный в шпионаже против социалистической Польши.

В 1983 году ЦРУ и «Моссад» начали осуществлять совместный широкомасштабный проект по сбору шпионских сведений среди выехавших из СССР. В Тель-Авиве были проведены так называемые «международные слушания по вопросам советской действительности». Их цель, как явствует из документов, заключалась «в прогнозировании военной, внутренней и внешней политики СССР на основе опросов бывших советских граждан, проживающих в настоящее время в Израиле, а также путем установления контактов с лицами, проживающими в других странах, которые в Советском Союзе занимали положение, позволяющее им участвовать в принятии решений». В пропаганде этого проекта приняла активное участие сионистская пресса западных стран, газета «Нью-Йорк таймс», просионистская печать в Америке.

На реализацию этой шпионской затеи федеральные власти Соединенных Штатов ассигновали 7,5 миллиона

долларов: две трети этой суммы — из кассы министерства обороны США, около трети — из «открытых фондов» ЦРУ, остальное — от государственного департамента.

К массовым опросам бывших советских граждан привлечены сотни «исследовательских центров», организаций, объединений и фирм.

На территории США сбор шпионских сведений среди переселенцев ведут различные сионистские организации, связанные с ЦРУ. Одна из них — «Еврейский общественный центр в Манчестере» — распространила анкету из 156 вопросов, в подробностях выясняющую прохождение солдатами и офицерами службы в Советской Армии. В обращении к «уважаемому отвечающему» исполнительный директор упомянутого центра Кеннет Гейбел пишет: «Если Вы были на военной службе в Советском Союзе, мы были бы Вам очень благодарны, если бы Вы посвятили несколько минут заполнению этой анкеты. Тогда просим Вас положить анкету в конверт, на котором уже есть и почтовая марка, и обратный адрес, и вернуть ее нам почтой. Если Вы не были на военной службе в Советском Союзе, но другой член Вашей семьи служил, попросите его, пожалуйста, чтобы он заполнил анкету.

Сведения, которые Вы должны дать в анкете, конфиденциальные. Нам нужно Ваше содействие».

Вопросы касаются сроков службы, которую проходил отвечающий, его должности, звания, образования, владения им воинскими специальностями.

«Исследователей» из «Еврейского центра» в американском Манчестере интересует также: «Сколько близких друзей у вас было на военной службе? удовлетворяло ли вас качество пищи? сколько квадратных метров занимала комната, в которой вы жили? сколько солдат жили в одной комнате в вашей части? как часто солдаты уходили из вашей части без разрешения? хорошо ли сражалась бы ваша часть в бою? известны ли вам случаи дезертирства? какой процент военнослужащих вашей части составляли сверхсрочники?» и т. д.

Ни один вопрос не задается случайно, ради праздного любопытства. Это так называемый метод мозаики, когда из кусочков простой информации аналитики складывают общую картину. Одна анкета выясняет уклад жизни, внутренний распорядок в воинских частях, их структуру, организацию; другая испытывает, как и чем эти части

вооружены, кто конкретно командует ими, как организовано снабжение; третья интересуется моральным состоянием, боевым духом личного состава, пытаюсь найти лазейки для его идейного разложения...

В январе 1984 года издающаяся в Нью-Йорке прогрессивная газета «Русский голос» напечатала статью, в которой говорилось о том, как глубоко запустило ЦРУ свои цепкие щупальца в среду иммигрантов. Автор рассказывал, что на одном из сборищ, устроенном в США антисоветчиками из «бывших», в открытую провозглашался тост «за здоровье работников Центрального разведывательного управления!». Журналист убедился, что шпионская служба затягивает в свои сети «неустроенных, бедствующих, не знающих, куда бы приткнуться в чужом и бездушном мире».

Вопросы анкеты, распространявшейся среди иммигрантов «Еврейским центром», перекликаются с содержанием шпионских вопросников, которые ЦРУ и «Моссад» готовят своим агентам и эмиссарам, засылаемым под видом «туристов» на территорию СССР.

В свое время в Москве был осужден за шпионаж некий Абрам Шифрин. Следствие выявило его преступную связь с работавшим в американском посольстве сотрудником ЦРУ Джеймсом Гарви. Отбыв наказание, Шифрин вновь занялся сбором шпионской информации, агитацией людей за выезд в Израиль и стряпней антисоветских фальшивок. Эту деятельность разоблачил журналист из Одессы Юзеф Эрлих, который, собирая материал для статей, притворился перед Шифриным его единомышленником.

Одно из заданий, полученных через Шифрина от израильской разведки, сообщал в своих публикациях журналист, состояло в том, чтобы с помощью советских людей добыть ответы на вопросы шпионского характера. Вопросник был разделен на три части: политическую, экономическую, военную. Военная часть, например, содержала 23 вопроса, каждый имел порядковый номер:

«1. Источники информации (опрос группы солдат на отдыхе — город, дата; встречи с соседскими детьми солдат и офицеров — город, дата)...

2. Конкретные случаи испытания оружия; был ли риск для солдат и офицеров?..

3. Маневры: несчастные случаи. Что за темы отрабатывались на маневрах (высота, равнины)?», и т. д.

Шифрин вручил Эрлиху специальные чистые листы, являвшиеся копиркой для тайнописи, объяснил, как ими пользоваться, снабдил инструкцией, отпечатанной на машинке. Кроме того, дал дополнительные адреса, куда «единомышленник» должен был посылать собранные ответы.

А вот строки инструктивного письма ЦРУ своему агенту в Москве, через которого эта шпионская служба пыталась добыть важные советские секреты.

«Дорогой друг!

Примите нашу благодарность за пакет, который вы передали нам через «Надпись» (кодовое название тайника.— Б. А.). Пакет опять был хорошо приготовлен, опытно замаскирован и положен в указанное место. Отлично.

Мы ободрены содержимым пакета и довольны получением пленки, которая ближе к интересующей нас информации. Фотографирование является самым эффективным методом передачи такой информации, и мы желаем, чтобы вы продолжали этот метод для дополнения ваших ответов на наши вопросы во всех возможных случаях в будущем. Некие «наименования работ», к которым есть доступ (особенно клистроны большой мощности для радиолокационного наведения и разработка аппаратуры связи для подводных лодок), нас очень интересуют, и мы вас просим, постарайтесь приобрести фотографии более подробных и новейших секретных документов, имеющих отношение к одной или обоим областям...

После того как вы приготовите содержимое пакета для нас, ответив подробно на все выше указанные вопросы в предыдущем разделе, заверните ваши материалы, включая пленки, в полиэтилен и опять зашейте их в маленький грязный мешочек из материи для направления к нам».

7 марта 1983 года в Филевском парке Москвы во время проведения сеанса радиосвязи был захвачен с поличным разведчик Р. В. Осборн, числившийся первым секретарем посольства США в Москве. У Осборна изъяли комплект новейшей быстродействующей агентурной аппаратуры, предназначенной для передачи в разведцентр через спутник шпионских сообщений, зашифрованных с помощью вмонтированного в аппаратуру электронного шифратора. Были обнаружены также относящиеся к этой

шпионской операции записи Осборна, полностью изобличавшие американского разведчика.

2 июня 1983 года в Москве во время обусловленной конспиративной встречи с агентом задержан с личным американский разведчик Л. Томас, занимавший должность атташе административного отдела в посольстве США. В ходе встречи Томас передал агенту инструкцию по изъятию материалов из тайника, заложенного для него в Сокольническом парке Москвы.

В 1983 году был осужден к длительному сроку лишения свободы советский гражданин А. Иванов, шпионивший в пользу американской разведки. Разоблачен и понес заслуженное наказание другой ее агент — Ю. Павлов, работавший под кличкой «Рольф Даниэл». Задание Павлова состояло в том, чтобы добывать секретную информацию преимущественно о Советском Военно-Морском Флоте и передавать ее своим хозяевам через посредство тайников и шифрованной радиосвязи. 11 сентября 1983 года при получении такой информации через тайник под Ленинградом были взяты с личным вице-консул США в Ленинграде Лон Аугустенборг и его жена Дэнис. Обоим пришлось покинуть нашу страну.

Сейчас, когда западная пропаганда и «Голос Израиля» вновь пытаются изобразить Анатолия Щаранского «борцом за права советских евреев», уместно еще раз напомнить о том, что было доказано на суде в Москве: Щаранский собирал информацию о предприятиях оборонных отраслей промышленности, об их руководителях, опрашивая тех, кому было отказано в выезде в Израиль потому, что они являлись носителями секретов нашего государства. В результате таких опросов он составил несколько тысяч досье; при обыске работники следственных органов обнаружили у него письмо агента иностранной разведки с перечнем вопросов разведывательного характера и т. п.

В разное время были разоблачены и покинули СССР американские шпионы, действовавшие под маской корреспондентов, аккредитованных в Москве: П. Оснос, А. Фрэндли, Д. Кримски, К. Рен, Р. Тот. На Костомаровской набережной в Москве во время попытки передать агенту инструкции и ампулы с ядом была арестована вице-консул американского посольства в СССР М. Петерсон.

Все эти многочисленные провалы шпионское ведомство США стремится компенсировать путем активизации добычи разведывательной информации среди лиц, переехавших из Советского Союза на жительство в страны Запада. Это, в частности, делается путем опросов и анкетирования через посредство сионистских организаций типа «Еврейского центра» в Манчестере и т. п.

ЩУПАЛЬЦА ШПИОНСКОГО СПРУТА

В секретном докладе ЦРУ, получившем огласку в западной прессе, сказано, что «практически каждая сионистская организация связана с израильской разведкой или имеет в своем составе ее агентов. Служба «Моссад» в значительной степени опирается на различные еврейские общины и организации за границей в целях вербовки агентов и получения информации».

В структуре израильской разведки действует специальный отдел по использованию евреев «для прогресса, науки, исследований и безопасности». В его задачи входит установление связей и вербовка агентов повсюду в мире для получения нужной Израилю информации. Начальником этого отдела был кадровый шпион Хаим Ярив, работавший ранее первым секретарем посольства Израиля в Вашингтоне, а затем возглавивший «Моссад».

Весьма любопытно, как журнал «Израиль сегодня» наглядно продемонстрировал (надо полагать, отнюдь того не желая) работу этого подразделения израильской разведки на примере американского астронавта Нормана Шейкина, собиравшегося стать гражданином Израиля и женившегося на израильянке Аяле Шенберг. Он работал в корпорации, выпускавшей тогда новейшие боевые самолеты «Фантом». Шейкин добыл и выслал в Израиль ценнейшую информацию о «Фантоме» и особенностях его эксплуатации, а затем всеми способами содействовал тому, чтобы США вооружили израильских сионистов этой машиной. Шейкин ездил в Израиль на военные авиабазы, инструктировал там летчиков, убивавших арабских детей и женщин. А в Америке он нажимал на своих знакомых в конгрессе, чтобы те голосовали за расширение поставок оружия Тель-Авиву. Среди этих людей был и астронавт Джон Гленн, который к тому времени сделался конгрессменом от штата Илли-

нойс. Под влиянием Шейкина Джон Гленн также внес заметный «вклад» в помощь Израилю.

В свою очередь ЦРУ внедряет своих агентов в сеть еврейских и сионистских организаций, которые действуют в десятках стран мира.

«Я не исключаю, что моя организация связана с ЦРУ и ФБР,— сказал органам следствия задержанный в Таллине Марк Левитт, один из руководителей региональной сионистской организации в Филадельфии.— Моя миссия носила строго секретный характер. В Нью-Йорке меня инструктировали; при встречах и передачах материалов я должен был соблюдать конспирацию».

В ЦРУ существует так называемый «джуиш секшн» («еврейский отдел»), имеющий в США и зарубежных странах около 5 тысяч агентов. Он активно сотрудничает с разведкой и контрразведкой Израиля и аналогичными подразделениями в системе Всемирной сионистской организации. «Джуиш секшн» имеет доступ к их досье, включающим детальные и обширные данные об известных политиках, ученых, деятелях литературы и искусства, промышленниках, военных и других людях, представляющих какой-либо интерес для Израиля и сионизма.

«Джуиш секшн» инспирирует и поощряет диверсионно-шпионскую деятельность в социалистических странах путем использования элементов, подверженных влиянию сионистской пропаганды. Усилиями этой службы ЦРУ проникает и в еврейские общины самих Соединенных Штатов, вербуя помощников.

Рабочий контакт между Центральным разведывательным управлением и «Моссад» осуществляется на уровне руководства названных организаций. Особую известность приобрел на этом поприще начальник службы контрразведки ЦРУ Джеймс Энглтон. Именно он привлек к сотрудничеству главаря погромной фашистской «Лиги защиты евреев» Меира Кахана. Обретя покровительство американской разведки, Кахане со своими бандитами из ЛЗЕ развернул яростную террористическую кампанию в США против всех, кто мешает сионистам и осуждает агрессивную политику Израиля. В Нью-Йорке, Чикаго, Вашингтоне, других городах Америки ЛЗЕ безнаказанно совершает поджоги, погромы, устраивает шумные уличные беспорядки. На ее совести взрывы, угрозы, стрельба по представителям арабских и африканских

стран, которые в Организации Объединенных Наций выступают с осуждением сионистского геноцида в отношении арабского народа Палестины и экспансионистской политики Тель-Авива на Ближнем Востоке. Подстрекательные агентами ЦРУ и «Моссад» молодчики из «лиги» многократно совершали террористические и разбойные нападения на советских представителей и дипломатов и ни разу не были наказаны американскими блюстителями порядка.

«Главари этой шайки,— пишет американский журналист Э. Джонсон в своей книге об ЛЗЕ,— поставили целью помешать процессу нормализации советско-американских отношений, сорвать разрядку международной напряженности любыми средствами».

Необходимо отметить, что отношения между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки являются главной мишенью сионистов в их борьбе против нормализации обстановки в мире. Советско-американские связи рассматриваются как ключевой момент всего процесса разрядки напряженности, развитие которого может привести к размыванию политической базы сионизма — как в самой стране, так и за ее пределами. Всячески способствуя сохранению состояния «холодной войны» между СССР и США, сионистские круги получают возможность удерживать под своим идеологическим контролем определенные слои населения главной страны капиталистического мира, культивировать в ней ненависть и вражду к Советскому Союзу.

ШПИОНУ НА ВЫРУЧКУ

Одной из совместных акций ЦРУ и «Моссад» является долговременная кампания вокруг «дела» шпиона Щаранского. Как уже говорилось, в Советском Союзе в последние годы были разоблачены, арестованы и отбывают (или отбывали) определенное судом наказание несколько агентов американских шпионских служб. Один из них — Анатолий Щаранский — стал объектом поистине глобальной политической кампании с участием представителей высших эшелонов власти в Соединенных Штатах и Израиле.

Первый этап кампании, начатой задолго до суда над Щаранским (март — декабрь 1977 года), представлял

собой грубый прессинг в отношении СССР. Средства массовой информации, представители администрации США, что называется, с порога отметили обвинения в шпионаже и связи Щаранского с ЦРУ. Грубо вторгаясь в компетенцию советских следственных органов, политические деятели США заявляли о невинности арестованного. Группа американских конгрессменов направила письменные обращения в советское посольство в Вашингтоне, в которых выражались озабоченность и надежды на освобождение в ближайшее время «еврейского активиста». Представитель госдепартамента сообщил, что государственный секретарь Венс на самом высоком уровне выразил беспокойство Соединенных Штатов по поводу обвинений Щаранского в государственной измене и шпионаже. Сионисты в конгрессе требовали от тогдашнего президента Картера вмешаться в «дело». В Америку привезли выдававшую себя за жену арестованного Наталью Штиглиц, которая подлила масла в огонь своими истерическими выступлениями перед публикой. 13 июня 1977 года Картер сделал следующее заявление: «Я абсолютно убежден в том, что вопреки утверждениям, опубликованным в печати, господин Щаранский никогда не имел никаких отношений с ЦРУ». Это было беспрецедентной и весьма опрометчивой попыткой выгородить преступника, бросив на чашу весов авторитет главы великой державы.

Сенатор Джавитс сказал на пресс-конференции в Нью-Йорке: «Суд над Щаранским может оказать влияние на отношения между США и СССР». Сенатор Мойнихэн грозил, что правительство США прекратит обусловленные соглашениями торговые поставки в Советский Союз. Сенатор Р. Доул заявил, что новое американо-советское соглашение об ограничении стратегических вооружений может оказаться в опасности — в равной степени как и «все двусторонние соглашения при участии СССР», если Щаранский будет предан суду. «Борьба только начинается!» — воинственно воскликнул конгрессмен Драйнен. Этому «хору» не замедлила «подпеть» и радиостанция «Свобода»: «В Западной Европе, — заявила она, — считают, что суд над Щаранским сказан бы крайне отрицательно на встрече в Белграде» (по вопросам безопасности и сотрудничества в Европе. — Б. А.).

Сенатор Черч, адвокаты Честерфилд, Смит и другие

устроили в Соединенных Штатах прямо-таки театраль-
ный спектакль: инсценировали свое «слушание дела
Щаранского» и в результате вынесли «оправдательный
приговор», не найдя в действиях Щаранского «никакой
вины». «Советские органы юстиции ныне можно ликви-
дировать,— с иронией замечала по этому поводу «Лите-
ратурная газета»,— американские юристы берут в
свои руки наблюдение за правопорядком в СССР. Они,
видимо, намерены и редактировать советские за-
коны...»

Апофеозом всей этой свистопляски было присужде-
ние Щаранскому денежной премии сионистской органи-
зацией «Лига борьбы с диффамацией». На обеде по это-
му поводу тогдашний вице-президент США Мондейл
заверил присутствовавших в том, что американская ад-
министрация предпримет все возможные меры для осво-
бождения шпиона.

В ходе этой кампании давления на нашу страну де-
лались попытки прямо связать переговоры по ОСВ-2, а
также перспективы экономического и научного сотруд-
ничества между СССР и США с судьбой Щаранского.
Так, 13 июня 1977 года западная пресса опубликовала
сообщение, что ответственный сотрудник госдепарта-
мента якобы заявил на встрече с руководством амери-
канской «национальной конференции в защиту советских
евреев», что «нежелание Советского Союза выполнять
взятые на себя в Хельсинки обязательства вызывает
сомнения в том, будет ли СССР выполнять обяза-
тельства по ОСВ». В те же дни публичное заявление сделал
сенатор Рибикофф: изменение закона о торговле, предо-
ставление Советскому Союзу кредитов будут возможны-
ми только после того, как СССР обеспечит ежегодный
выезд из страны не менее 35 тысяч евреев. С приближе-
нием декабря (на декабрь намечалось проведение су-
дебного процесса) резко активизировали свои выступ-
ления в защиту Щаранского международные сионист-
ские организации. По их инициативе практически во
всех капиталистических странах организовывались мно-
гочисленные запросы, обращения, митинги. Например,
было проведено обсуждение «дела Щаранского» в рам-
ках ЕЭС, организован «оправдательный суд» в Лондоне
с участием просионистской группы депутатов парламен-
та, инспирировано обращение 235 ученых к главе Совет-
ского государства. Американские власти демонстратив-

но запретили выезд в Советский Союз членам делегации на советско-американскую конференцию по научно-му сотрудничеству и проблемам охраны окружающей среды.

Процесс над Щаранским был отложен, но это отнюдь не означало, что советская сторона поддалась нажиму. Отсрочка диктовалась интересами следствия, получившего в высшей степени убедительные материалы о работе Щаранского на американскую разведку. Очевидно, это поняли и в Соединенных Штатах.

Предвидя, что советский суд сумеет доказать связь Щаранского с ЦРУ и это больно ударит по престижу средств массовой информации и некоторых облеченных властью лиц, в США была начата (дозированными утечками сведений в прессу) постепенная подготовка общественного мнения к тому, что у советских следственных органов имеются материалы о шпионской деятельности Щаранского. Так в феврале — марте 1978 года в американской печати вместе с критикой «опрометчивого» заявления Картера появились сообщения о том, что Советскому Союзу, видимо, удастся доказать связь Щаранского с американской разведкой, что президент Картер, отвергая публично эту связь, не мог-де знать об этом...

Во время суда над Щаранским сионисты во всех крупных капиталистических странах организовали настоящую политико-идеологическую агрессию против СССР. Вот лишь некоторые из составлявших ее акций: письмо-петиция советскому руководству 178 членов английского парламента; отказ (по совету министра иностранных дел Англии Оуэна) от направления английской спортивной команды на соревнования в СССР; заявление на пресс-конференции заместителя премьер-министра Голландии о том, чтобы в знак протеста «заморозить» контакты с СССР; сообщения, что члены «Общего рынка» предпримут в развитие «совместного протеста ЕЭС» те меры, которые каждая страна сочтет необходимыми в зависимости от уровня своих отношений с СССР; резолюция сената США (принята по инициативе Г. Джексона) о выдвижении Щаранского кандидатом на Нобелевскую премию мира и т. д.

В США был создан «комитет ученых в защиту Щаранского», который постоянно призывал бойкотировать проходившие в СССР симпозиумы и конференции, отка-

зывать от выполнения совместных научно-исследовательских программ, воздерживаться от контактов с СССР. Данный «комитет» прибегал к прямому давлению на тех ученых, которые отказывались подписывать сионистские документы и воззвания («заявление совести», «декларацию принципа» и т. п.), создавали вокруг них атмосферу остракизма и осуждения. При всем этом игнорировалось, что Щаранский не был ученым, не имеет никаких научных работ.

КТО ГОТОВИЛ ОПЕРАЦИЮ «СВАДЬБА»?

Благодаря протекции ЦРУ Менделевича, одного из участников неудавшегося похищения советского самолета, после отбытия наказания перебравшегося на Запад, тепло встретили в Белом доме. Там он получил обещание полной поддержки любых действий сионистов, направленных против Советского Союза. А вскоре, весной 1983-го, на сборище сионистов в Нью-Йорке тогдашний помощник президента США по национальной безопасности Р. Аллен выступил со специальным обращением, подтверждавшим это обещание. В тот же день члены террористической «Лиги защиты евреев» учинили дебош у здания Аэрофлота в Нью-Йорке...

Потакательство со стороны американской администрации сионистскому экстремизму привело к тому, что «лига» резко усилила кампанию террора против советских граждан, работающих в Соединенных Штатах. Бандиты из ЛЗЕ подложили бомбы под два автомобиля сотрудников представительства СССР при ООН. Бомбы взорвали у дверей книжного магазина «Четыре континента», который предлагает читателям книги советских авторов. «Лига защиты евреев» открыто провозгласила, что все эти акции — дело рук ее членов. Сионисты были уверены в полной своей безнаказанности. Еще бы, ведь те, кто руководит ими, свои люди для ЦРУ.

При покровительстве спецслужб и администрации по Соединенным Штатам разъезжали с публичными выступлениями главарь террористической шайки, сформированной в свое время для угона пассажирского самолета, Гилель Бутман, боевик группы захвата Эдуард Кузнецов, упомянутый уже Иосиф Менделевич и другие

соучастники преступления. Они аттестуются как «защитники справедливости и герои».

В свое время Ленинградский городской суд приговорил Бутмана, Кузнецова, Менделевича и их сообщников к лишению свободы за особо опасное уголовное преступление. Под руководством Бутмана и бывшего летчика Михаила Дымшица они разработали план угона самолета типа Ан-2 с целью побега на Запад.

Захват самолета решили осуществить, имитировав свадебное путешествие. Поэтому операции дали кодовое название «Свадьба». Все участники преступной группы приобрели билеты на намеченный самолет. Бутман, Кузнецов, Менделевич припасли орудия насилия: револьвер, кастет, восемь дубинок, веревки и кляпы. Кузнецов должен был напасть на первого пилота, Менделевич — на второго. Однако вооруженная группа была арестована, и все ее члены предстали перед судом.

Специальные службы Израиля знали о подготовке преступной операции. Именно они субсидировали и направляли действия заговорщиков. Инструкции и рекомендации от израильской разведки поступали через западных эмиссаров, а финансовая помощь оказывалась посредством фирмы «Динерман и К°». Членам группы и связанным с ней лицам присылались дорогостоящие посылки под видом помощи от родственников, якобы живущих в Израиле, США и других капиталистических странах. Соучастники заговора реализовывали содержимое этих посылок, вырученные деньги шли на подготовку воздушной диверсии.

В числе тех, кто содействовал установлению связей диверсантов со спецслужбами Тель-Авива, был, например, некий Дональд Меламент, 1945 года рождения, гражданин Соединенных Штатов, ярый сионист, получивший специальную подготовку в Израиле. Этот аспирант Йельского университета (США), вместе с другими стажерами выезжавший на учебу в Советский Союз, прошел в Америке курс подрывных наук. По его словам, ему обеспечили на это время «райскую жизнь», а потом сказали: «Больше такой жизни вы от нас не увидите, но сможете обеспечить ее себе сами. Получите по тысяче долларов за каждого советского ученого, которого уговорите переехать в Соединенные Штаты».

Понятно, почему, приехав стажироваться на химический факультет Ленинградского государственного уни-

верситета, Меламент мало интересовался науками. Свои усилия он направил на ведение в нашей стране антисоветской и сионистской пропаганды, пытаясь склонить некоторых советских ученых и специалистов к выезду за рубеж. Сотрудники и преподаватели химического факультета дали отпор зарвавшемуся стажеру и обратились с заявлением в ректорат с требованием пресечь его провокационную деятельность.

Не найдя единомышленников в стенах университета, Меламент стал искать их на стороне. Так он встретил Владимира Могилевера, инженера одного из ленинградских научно-исследовательских институтов. Тот входил в группу, готовившую преступную акцию и отвечал в ней за налаживание и поддержание связей с сионистскими кругами в Израиле.

Не по собственному желанию досрочно покидая Советский Союз, Меламент увез с собой конверт, врученный ему Могилевером. Конверт содержал послание в Тель-Авив с сообщением о деятельности заговорщиков и планируемых ими акциях. Адресовано письмо было некоему «Саше». Как выяснилось, за этим псевдонимом стоял Ашер Бланк, бывший советский гражданин, выехавший в Израиль.

В конце мая 1970 года в Ленинград прибыли два «туриста» — Аронзон и Литцман. Оба они были тесно связаны с израильскими сионистскими кругами. Их свидание с Могилевером состоялось в ленинградском парке Победы. Здесь Могилевер передал Аронзону очередную зашифрованную депешу в Тель-Авив, составленную руководителем группы Бутманом. Она адресовалась тому же Ашеру Бланку и предназначалась для доклада «высшим правительственным инстанциям Израиля». Как выяснилось в ходе следствия и из показаний обвиняемых на суде, в этом послании содержались информация о плане угона самолета и бегства заговорщиков за границу, отчеты о подрывной работе в нашей стране, запрашивались инструкции для дальнейшей деятельности.

При отъезде из Советского Союза в таможне Аронзон едва сдерживал волнение: в его кармане лежало секретное письмо Бутмана. Первым досмотр прошел Литцман. И тут Аронзон не выдержал. Быстрым движением он сунул Литцману конверт. Работник таможни заметил это и попросил показать конверт.

Литцман отдал письмо. Таможенник его не отобрал, но сфотографировал. Расшифровать написанное помог сам Бутман во время суда в Ленинграде. Он показал, что операция «Свадьба» осуществлялась с одобрения государственных органов и разведки Израиля. Вот выписка из судебного протокола:

«Г. Бутман. По поводу акции «Свадьба» было решено запросить официальные круги Израиля. Мы специально подчеркнули, что нам нужен ответ только на высшем уровне.

Вопрос. Что вы подразумевали под словами «на высшем уровне»?

Г. Бутман. Мы имели в виду правительство государства Израиль, его министров.

Вопрос. Через кого вы запрашивали официальные круги Израиля?

Г. Бутман. Через Ашера Бланка. Это наш единомышленник, который ранее переехал на постоянное жительство в Израиль.

Вопрос. А вы были уверены, что он сможет передать запрос именно «на высший уровень»?

Г. Бутман. Да, я знал об этом.

Вопрос. И запрос был передан?

Г. Бутман. Да.

Вопрос. Бланк сообщил, с кем он консультировался?

Г. Бутман. Да, с «консилиумом врачей», то есть с официальными кругами Израиля, как мы и требовали. Когда мы просили Бланка информировать Израиль о нашей деятельности, мы поставили и вопрос о моральной и материальной поддержке...»

Далее Бутман сообщил суду подробности о том, как его банде покровительствовала израильская разведка. Из Тель-Авива по телефону ему звонил Ашер Бланк. Он сказал: «Гили, я был у твоего дяди доктора Шимона Бутмана и консультировался с ним. Профессор прописал следующие рецепты...»

Далее в зашифрованном виде Бланк передал Бутману рекомендации спецслужбы Израиля для дальнейших действий.

— Почему вы решили, что под «дядей Шимоном» Бланк подразумевает израильскую разведку? — спросила Бутмана председатель суда Н. Исакова.

— Потому, что у меня нет никакого дяди в Израиле, — признался тот. — Первые буквы условного имени

Шимона Бутмана Ш и Б обозначают кодовое название израильской разведки «Шин-бет» (точнее, службы безопасности Израиля «Шерут бетяхон», в которую входит разведка «Моссад». — Б. А.). Я понял, что Бланк встретился с ее сотрудниками, передал им наше послание и теперь сообщил мне их рекомендации.

События последнего времени показывают, что «дядюшка Шимон» не забыл своих «племянничков». Бутмана, например, после отбытия наказания покинувшего СССР, он устроил на жительство в Тель-Авиве, по соседству с одним из своих агентов, также проходившим по делу о попытке угона самолета. Участники операции «Свадьба» поддерживали через этого человека связь с «Шин-бет». При содействии «дядюшки» в странах Запада главарю и участникам банды создается паблисити. Для воздушных пиратов стараются и родственнички «дядюшки Шимона» в американском ЦРУ. Их стараниями портреты «самолетчиков» по-прежнему появляются на страницах заокеанских изданий. Им поют хвалу, их приветствуют в госдепартаменте, для них открывают двери Белого дома. Шпионские службы Израиля и США организовали издание «мемуаров» Бутмана, в которых он, теперь уже без стеснения, сообщает подробности о подоплеке операции «Свадьба» и ее исполнителях. Отмечая, что изменить существующий в Советском Союзе строй для заговорщиков было нереальным делом, он пишет: «Мы раскачивали лодку и болели за то, чтобы когда-нибудь она перевернулась».

ПОД ФЛАГОМ «КУЛЬТУРЫ»

В своих «мемуарах» главарь банды угонщиков самолета в деталях описал, как он сам и его сообщники пришли к сионистской идеологии. Внешне благовидной формой для этого служили так называемые «ульпаны» — кружки и семинары по изучению языка иврит, истории и иудаизма. Отбрасывая подлинные идейные ценности, «культурная программа» «ульпанов» служила прикрытием для осуществления идеологических диверсий, отравления сознания людей ядом расизма и антисоветизма. Представление о расистском характере сионистской идеологии дает документ ООН (XXVI сессия ГА, 21/10), в котором цитируется учебник философии для

израильских школ, утвержденный министерством просвещения этой страны. В учебнике говорится: «Еврейская нация — это нация избранных в силу своей расы, своего образования и климата земли, на которой она развивалась...»; «Раса еврейского народа является лучшей из всех, потому что она была создана путем отбора лучших в каждом поколении». Чем это отличается от философии германских фашистов, которые проповедовали культ арийской нации? Распространение подобных идей в Советском Союзе квалифицируется как преступление против общества и государства.

«В социалистических странах, в том числе в СССР, сионизм пытается распространять яд антисоветизма среди евреев и неевреев», — писал член ЦК Компартии Израиля Вольф Эрлих. Всемирная сионистская организация имеет специальный департамент пропаганды, который «стимулирует выезд путем распространения среди советских евреев информации о государстве Израиль и ценностях иудаизма».

Пропагандисты из ВСО включают в специальные бюллетени, радиопередачи «Голоса Израиля» и других западных радиостанций, в тезисы для устных бесед с советскими гражданами (деятелями литературы и искусства, ответственными работниками — всеми, с кем устанавливается контакт) свои «культурные ценности». Расчет делается на то, что кто-нибудь подхватит «рекомендации» и понесет их «в массы».

Сионистская пропаганда спекулятивно использует также вопрос о преподавании иврита в Советском Союзе.

Иврит — официальный язык государства Израиль, и во всеобщем его насаждении, особенно среди советских евреев, сионисты видят возможность облегчить распространение своей идеологии. Однако на территории нашей страны евреи никогда не пользовались ивритом — ни в царской России, ни потом. Их языком был идиш.

Под маской преподавателя иврита действовал, к примеру, и не безызвестный Иосиф Бегун, который в октябре 1983 года был осужден за антисоветскую агитацию и пропаганду. Бегун подстрекал лиц еврейской национальности из своего окружения к подрывной деятельности против Советского государства, к выезду в Израиль, оказанию всесторонней активной поддержки международному сионизму. Его «культурническая деятельность» носила ярко выраженный враждебный характер.

Среди пропагандистских материалов, которые этот «преподаватель» размножал и распространял, на суде фигурировали писания сиониста из США Моше Дектора, в которых тот призывал евреев считать Советский Союз «своим главным врагом» и «направить удар на его собственную территорию»; там же содержались инструкции по организации подрывных акций против социалистического строя.

Суд установил, что именно по этим рецептам Бегун изготавливал свои собственные агитационные материалы, предназначенные для «популяризации». Так, в одном из них он призывал сионистов вести подрывную работу «с обеих сторон границы великого северного государства». В фигурировавшей на процессе рукописи Бегуна «Наше наследие» речь идет о необходимости заключения «открытого союза» со всеми антисоветскими силами и «поиска путей для прославления» всех врагов советского строя. Бегун, подобно западным покровителям и наставникам, агитировал рассматривать Советский Союз как чужое для евреев государство, как «страну изгнания» и действовать в пользу Израиля.

Преступную деятельность Иосифа Бегуна поощряло министерство культуры Израиля. Через Кливлендское бюро еврейского образования в США оно предоставило ему право на преподавание в СССР (!) языка иврит. Разумеется, такая «лицензия» никакой юридической силой не обладала, да и знаний получившему ее никаких не прибавила. У него техническое образование, к преподаванию отношения не имеющее, и отнюдь не ученики обеспечивали Бегуну безбедную жизнь. Главным источником стали денежные переводы и дорогостоящие вещевые посылки из США, Канады, Дании, Швейцарии и других стран Запада. Их организовывали сионисты. Об этом свидетельствуют, в частности, материалы годового отчета калифорнийской сионистской организации, которые были доставлены в Советский Союз ее эмиссаром Марком Левиттом. Среди них находилась и фотокопия ведомости, где значилось, что очередной денежный перевод Бегуну исходил от жителя Сан-Франциско Хельмута Эрлангера. Там значились адрес отправителя, место отправления и дата получения Бегуном денег.

ОБЛИЧЕНИЕ ЛЖИ

Дезинформация и фальшивки являются постоянными атрибутами кампаний сионистов «в защиту советских евреев». Известно, что сведения, реализуемые в ходе идеологической диверсии, не выглядят правдоподобными, если их не подкрепляют конкретные люди, фигурирующие в качестве действующих лиц либо источников информации. Но это обстоятельство часто облегчает дело разоблачения вымыслов: обращение к людям, именами которых оперируют дезинформаторы, позволяет разоблачить обман.

Не так давно многие страны облетело взятое из израильской прессы сообщение о «трагической гибели от рук КГБ» учительницы английского языка из Самарканда Тамары Акиловой. Писали, что ее убили за помощь в оформлении документов для евреев, желающих выехать в Израиль.

— Ну как можно так безобразно врать! Вот я — перед вами. Эта выдумка — настоящая провокация, — заявила корреспондентам Тамара Акилова. — Никаких документов на выезд в Израиль я не оформляла — ни себе, ни другим. Я очень рада, что живу в СССР. Здесь моя Родина. Мы пользуемся всеми возможностями и благами, которые Советское государство предоставляет своим гражданам. Взять, например, нашу семью. Моя сестра Хана окончила педагогический институт, работает учительницей. Старший брат Илья после окончания торгового института работает по специальности. Я тоже имею высшее образование, преподаю в школе. Самарканд — многонациональный город. Здесь бок о бок учатся и работают узбеки, русские, таджики, евреи, представители других национальностей. Все мы живем единой братской семьей. Я возмущена той ложью, которую распространяет сионистская пропаганда.

В Соединенных Штатах Америки сионисты долгое время будоражили общественность шумной кампанией в защиту грудной девочки Евгении (Джессики, как ее именуют на Западе) Кац. По их утверждениям, эта девочка умирала в Москве от тяжелой болезни, не получая помощи от докторов. Американскую публику подстрекали к демонстрациям, к тому, чтобы направлять в СССР письма и телеграммы с требованиями депортировать девочку в США на лечение. С помощью таких приемов су-

пруги Кац хотели, спекулируя на болезни своего ребенка, обойти существующие правила выезда из СССР, а реакционные круги возбуждали ненависть к «бессердечным русским». Тем временем в Москве девочку вылечили. И когда семья Кац прилетела в Бостон, все увидели, что Джессика жива и здорова. «Больная оказалась весьма полнощеклой,— сконфуженно писала «Нью-Йорк таймс».— Нас обманули сионисты. Мы приносим извинения русским».

Страницы газет и телеэкраны многих западных стран обошел фотоснимок-фальшивка, состряпанный в Тель-Авиве антисоветским дезинформационным центром. На снимке изображались дети в полосатых «тюремных» халатиках, а в подписи утверждалось, что он получен «окольными путями» из советской тюрьмы. Однако выяснилось, что на фотографии были запечатлены не малолетние узники, а воспитанники детского сада в г. Торгау (ГДР) после купания в бассейне. Ретушью купальные халатики были превращены в арестантскую форму, а веселые детские рожицы искажены «печатью страдания».

В конце 1979 года милиция подмосковного города Дмитрова напала на след шайки воров, промышлявших иконами и предметами антиквариата, главным образом церковного. Шайка орудовала в селах Московской области год с небольшим. За это время ей удалось обворовать более двух десятков домов и церквей. Краденые ценности по дешевке приобретал у преступников инженер из Москвы Игорь Губерман. Таким способом он хотел сколотить капитал перед выездом в Израиль (разрешение на выезд он получил). В результате обыска на московской квартире Губермана было найдено 68 икон и два напрестольных креста. Стоимость этих вещей, по оценке экспертной комиссии, 30 тысяч рублей. А вот показания «поставщиков» краденого.

Н. Гридин: «Было это в конце сентября 1978 года. Я хорошо помню, что привез Губерману пять штук икон, в том числе две иконы «Праздники». Во время разговора с ним он спросил меня, почему я такой усталый. Я ответил Губерману, что всю ночь был на краже, не спал и сразу привез ему иконы. За пять икон Губерман уплатил мне 520 рублей. В тот же день, когда Егоров пришел с работы, мы с ним повезли к Губерману остальные иконы... Губерман не купил, они ему не понравились. Он

предупредил нас, чтобы мы при кражах были осторожны, и стал объяснять нам, какие иконы необходимо брать. При этом пояснял, что у населения в настоящее время ценных икон мало, в основном они сосредоточены в церквях».

Б. Егоров: «За иконами ездить приходилось далеко, и я стал требовать у Губермана деньги на покупку автомашины, говоря ему, что есть хорошие «наколки» (я имел в виду наводки на церкви в Талдомском районе и в Тамбовской области). Губерман обещал мне дать 4000 рублей, как только ему вернут долг... Я его торопил с деньгами и говорил, что, если у нас будет машина, мы рассчитаемся с ним иконами быстрее. Зная, что мы привозим ему иконы краденые, он все время предупреждал о необходимости быть осторожными».

Когда все эти показания еще только приобщались к следственному делу, в Дмитров уже летели многочисленные телеграммы и письма из США, Канады, Франции в адрес начальника милиции. Отправители их требовали немедленно освободить «невиновного правозащитника» Игоря Губермана. За скупщика краденого вступились и некоторые американские конгрессмены, заявившие, что их «подзащитный» ни в чем не виноват. Вот строки из письма одного из них, Билла Гредисона: «Губерман и его семья обратились к властям с просьбой о выдаче им виз на выезд в Израиль. Тем не менее он был недавно арестован по подозрению в краже икон из одной церкви в Дмитрове. В связи с этим, как полагают многие американцы, Игорь Губерман является узником КГБ, его жена и двое маленьких детей живут только за счет помощи, оказываемой друзьями. Более того, рассмотрение вопроса о предоставлении им выездных виз отложено на неопределенный срок. Налицо ущемление гражданских прав семьи Губермана».

От имени «многих членов конгресса» выступал и Генри А. Уэксмен, категорически отметавший виновность Губермана в скупке краденых икон и столь же категорически требовавший освободить его. Чрезвычайно обеспокоены судьбой уголовного были американские сионисты. Один из них — Дэвид Маркс из Аризоны так писал подсудимому: «Шолом. Мы понимаем, коллега, ваше состояние и хотим, чтобы вы знали, что мы очень желаем вам помочь. Наши газеты, радио, телевидение и политические лидеры хлопочут о выезде». Сионисты требовали

немедленно освободить Игоря Губермана. Сам Губерман, однако, открестился от титула «поборника прав человека», признал, что его покарали за участие в воровстве и скупке краденного.

Сионистские активисты не раз попадались на своих фальшивых утверждениях, будто евреев, желающих выехать в Израиль, незаконно удерживают в СССР. Например, группа американских конгрессменов, посещавших нашу страну, представила список из 29 фамилий советских граждан, которым якобы было отказано в выезде. Этот список доверчивым депутатам высшего законодательного органа США подсунули сионисты. В ходе проверки обнаружилось, что несколько человек из фигурировавших в перечне давно уехали, несколько получили временные отказы, а остальные 16 никогда не обращались с ходатайством о выезде.

Американские конгрессмены — авторы резолюции № 279, выражающей «тревогу относительно уменьшения эмиграции из Советского Союза», превратно толкуют Заключительный акт совещания в Хельсинки. Они утверждают, что, подписав его, «Советский Союз обязался разрешить свободную эмиграцию своих граждан, принадлежащих к этническим меньшинствам». На самом же деле ни одно государство, подписывая итоговый документ Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, отнюдь не обязывалось разрешить свободную эмиграцию своих граждан. В нем устанавливалось только то, что «государства-участники будут в позитивном и гуманном духе рассматривать просьбы лиц, которые желают воссоединиться с членами своей семьи...» Вызовами же от несуществующих родственников сионисты содействуют обратному — разъединению семей, разрушению людских судеб.

Столкнувшись с грубой подтасовкой фактов сионистами, видя за их «медоточивой» демагогией горькую истину, люди спохватываются. Значительное число из тех, кто собирался ехать в Израиль, одумалось и переменяло решение. Среди таких, например, житель г. Черновцы Ефрем Меламуд. Он забрал свое ходатайство о выезде, написав в заявлении: «Решение покинуть СССР было ошибкой. Тягостна и мысль о том, что придется навсегда расстаться с родными, друзьями, с привычным и понятным образом жизни. От своего имени и от всех членов моей семьи я заявляю, что мы отказываемся от выезда в Израиль».

Американский писатель Сэмюэль Аронофф задался целью собственными глазами увидеть правду о жизни евреев в Советском Союзе и рассказать о ней своим соотечественникам. Для этого он вместе с женой и друзьями совершил длительное путешествие по нашей стране, побывал во многих городах и селениях, встречался с советскими гражданами. А по приезде в Соединенные Штаты издал подробный отчет о своих наблюдениях. Вот что он пишет: «Иркутск был исходным пунктом нашей поездки. Ленинград — последним. По пути мы посетили 17 городов. Встречались с группами общественных деятелей, насчитывающими по крайней мере 50 компетентных и достойных доверия людей. Мы беседовали с несколькими сотнями человек различных национальностей, разных профессий».

Вот типичные интервью:

«1. Три женщины-еврейки из Самарканда категорически отрицали существование в СССР антисемитизма. Они сказали, что довольны своей судьбой и хорошо уживаются с людьми разных национальностей, окружающими их.

2. В парке города Братска мы сидели на скамейке рядом с группой женщин. Две из них, я думаю, были еврейками. После обмена обычными репликами я поднял вопрос об антисемитизме. Они резко отрицали даже наличие следов антисемитизма.

3. Раввин в синагоге в Самарканде даже отказал нам в аудиенции по той причине, что «американские евреи приезжают только для того, чтобы причинять неприятности».

4. Медицинская сестра, не еврейка, ухаживавшая за моей женой в номере ташкентской гостиницы, была, по-видимому, раздражена тем, что вообще стал обсуждаться вопрос об антисемитизме. Она категорически отрицала возможность существования антисемитизма в этом районе.

5. Гид-еврейка в Душанбе протестовала против «инсинуаций» по поводу антисемитизма в СССР: «Это противоречит нашей жизни и нашим законам».

6. Инженер-еврей, работающий во внешней торговле и знакомый с положением в США, посетил нас в гостинице. Он рассмеялся над тем, что кто-либо может всерьез говорить о существовании антисемитизма на каком-либо уровне в СССР.

7. Писатель-еврей, статьи которого появлялись в газете «Морнинг Фрейхейт», издающейся в Нью-Йорке, поднял на смех идею, что в Советском Союзе существует антисемитизм».

Сама постановка вопроса о преследовании евреев в СССР, констатирует американский писатель, звучит оскорбительно для советских людей. «Я не смог найти,— свидетельствует Аронофф,— подтверждения подобным обвинениям, не слышал об этом даже от евреев, которые могли бы критически относиться к советской действительности. Я обнаружил полное равноправие между всеми людьми и национальностями во всех областях экономики и общественной жизни.

Что же касается тех, кто покинул Советский Союз, то причиной этого был отнюдь не антисемитизм. Часть хотела воссоединиться с семьей; часть стремилась разбогатеть; некоторые опасались наказания за спекуляцию и воровство; у других было преступное прошлое; кое-кто рассчитывал на какую-то необыкновенную карьеру; есть такие, что потеряли политическую ориентацию; многие хотели посмотреть, что делается за пределами Советского Союза. Тысячи из них теперь раскаиваются».

Борис АНТОНОВ

ПАРТИТУРА ДЛЯ «ГОЛОСА» С ОРКЕСТРОМ

КТО ЗАКАЗЫВАЕТ МУЗЫКУ?

4 июля 1984 года, в свой национальный праздник — День независимости, когда большинство американских дипломатических представителей в Москве отдыхали в кругу своих семей, двое ретивых чиновников посольства, Пэрнелл и Гласс, куда-то спешили. Добирались, что называется, на перекладных, меняя маршруты, плутая в закоулках. Вовсе не по причине бедности или отсутствия автомашин. Спешили разными маршрутами, с разных сторон — к одной точке.

Пунктуально, как ходят на работу деловые люди, оба джентльмена синхронно достигли цели за две минуты до начала рабочего дня — Крымский вал, дом номер 4. Один вошел в заросший кустами двор через арку, другой, пренебрегая приличиями, проник туда же сквозь лаз в ограде. Оба, раздирая густой кустарник, забрались в заросли, где совершенно случайно...

Нет, белого рояля там «случайно» не оказалось. Сквозь заросли ровно в 9 утра навстречу им продралась полная низенькая женщина с хозяйственной сумкой. При виде галантных джентльменов «случайная прохожая» молча извлекла из нее какие-то бумаги. Казалось бы, по логике вещей — поздравительные в честь национального праздника США, но не будем спешить с предположениями. Дипломатические «прохожие», тоже не теряя слов, натренированными движениями профессионалов рассовали бумаги по кейсам.

Затем все трое вышли. Теперь уже вместе. В сопровождении официальных представителей охраны порядка.

К «случайной прохожей» вопросов не было. Личность ее оказалась достаточно известной: Туманова Лина Борисовна на протяжении ряда лет по заданию американского посольства вела сбор информации о Советском

Союзе, которая весьма интересует спецслужбы США и подчиненные им центры идеологических диверсий. Предоставляемые ею дипломатам этой страны сведения не раз широко использовались в подрывных антисоветских акциях западных спецслужб. По этому поводу в феврале 1981 года с ней уже беседовали о противоправном характере ее деятельности в исполкоме Бабушкинского района Москвы, а в мае 1982 года ей делалось официальное предостережение органов государственной безопасности. В январе 1983 года Тумановой было вынесено официальное предостережение прокуратуры.

Именно эта дама и оказалась в кустах тем утром, передав на этот раз американским дипломатам очередную порцию собранных материалов. Поскольку, как видим, предостережений уже накопилось более чем достаточно, гражданкой Тумановой занялись следственные органы в полном соответствии с советским законодательством.

Джентльменами, которые в свой праздничный день «прогуливались» в кустах далеко от дома, оказались сотрудники посольства США. Личности этих господ тоже были хорошо известны. Один из них перед назначением в Москву служил консультантом на радиостанциях ЦРУ «Свобода» и «Свободная Европа», ведущих, как известно, настоящую радиовойну против социалистических стран. На сей раз попавшиеся с поличным и не ожидавшие провала «профессионалы» не отрицали, что антисоветские материалы, содержащиеся в их портфелях, они получили от «мадам Тумановой»...

Американскому посольству в Москве было сделано официальное представление по поводу антисоветской деятельности этих дипломатов, несовместимой с их официальным статусом в СССР.

Когда больному преподносят горькую пилюлю, чтобы избавить его от недуга, рассудительный пациент воспринимает эту процедуру как неизбежную, хотя и неприятную. Неврастеники же, по наблюдениям медиков, обычно отшвыривают таблетки и закатывают истерики, словно в их немощи виновны фармацевты или сиделки... Действуя по этому рецепту, «Голос Америки», призванный отражать точку зрения американского правительства, и прочие его «подголоски», как по команде, устроили такой визг, будто речь шла не о задержании с поличным продолжавшей враждебную своей стране деятельность

«мадам Тумановой», а о вмешательстве в дела Белого дома. Тут же заговорила и официальный представитель госдепартамента США госпожа Анита Стокмэн.

— Мы установили,— сказала дипломатическая дама,— что ни во время их задержания советскими властями 4 июля, ни в каких-либо других случаях деятельность Пэрнелла и Гласса не была несовместима с их дипломатическим статусом!

В лучших традициях детективно-дипломатического жанра, когда возникает нужда выгородить провалившихся шпионов и политических диверсантов, утверждалось, будто встреча двух американцев с их информатором была случайной, а действия властей квалифицировались как произвол.

«Случайность» встречи в зарослях кустарника опровергают официальные протоколы и иные документы. Обратимся к «другим случаям», на которые намекала Анита Стокмэн.

Есть документ — письмо прихожан Московской хоральной синагоги послу США в СССР господину А. Хартману. Копия: МИД СССР. Цитируем: «Поведение дипломатов Пэрнелла, Гласса и некоторых других, появляющихся у здания синагоги по субботам, и цели их визитов вызывают справедливое возмущение наших прихожан. Эти дипломаты навязчиво пытаются вступить с ними в разговор, собирают информацию по так называемому «вопросу о положении евреев в СССР», совершенно незнакомым лицам предлагают организовать вызовы на постоянное жительство за границу. Под предлогом оказания помощи в выезде стараются заполучить адреса и номера домашних телефонов наших прихожан, выяснить, где они работают. В этих же целях дают номера своих телефонов, приглашают посетить посольство или квартиры. Настораживает то, что Пэрнелл и другие проявляют подозрительный интерес к лицам, осведомленным в секретах. Их, видимо, больше интересуют именно секреты, а не судьбы этих людей. Действия сотрудников, хочет того посольство или нет, компрометируют в глазах мирских властей саму идею существования синагоги как чисто религиозного учреждения. Мы требуем, причем отнюдь не в первый раз, оградить наш дом от появления возле него сотрудников посольства с любыми иными целями, кроме чисто религиозных...»

И так далее. С подписями авторитетных советских граждан.

Такова правда, если смотреть ей в глаза и говорить начистоту, без дипломатических тонкостей! Неужели именно эту — подстрекательскую, провокационную — деятельность сотрудников дипломатической службы Соединенных Штатов имеет в виду официальный представитель госдепартамента, утверждая, будто антигуманные, кощунственные и оскорбительные для граждан страны пребывания акции «вполне совместимы с дипломатическим статусом»?!

Неосмотрительно высказалась госпожа Стокмэн! Она, по сути дела, открыто признала то, что ранее хранилось за семью печатями: официальным представителям США вменено в обязанность проведение акций, направленных на подстрекательство граждан страны пребывания к совершению антиобщественных, в том числе и уголовно наказуемых действий. А вершится все это под маской благопристойности, по принципу: «Чем хуже — тем лучше!» Хуже — для самих граждан. Лучше — для «Голоса» и его «подголосков»...

Как известно, благодаря многолетней напряженной борьбе всех прогрессивных сил мира, Соединенные Штаты и их союзники вынуждены были отойти от политики «холодной войны». В этой связи все больший упор в американских доктринах стал делаться на возрастание роли политических, невоенных, в том числе разведывательных, средств в достижении как промежуточных, так и конечных целей. Разработанные идеологами США в ту пору доктрины «полицентризма», «эрозии коммунизма», «дифференцированной дружбы» и «строительства мостов» свидетельствовали о переходе империалистических кругов на позиции сравнительно продолжительной, планомерной, всесторонней, но в то же время более гибкой в формах и методах борьбы против СССР и социалистического лагеря. Значительная роль в ней отведена агентуре спецслужб и эмиссарам идеологических центров, а также сделана ставка на различного рода националистические, антисоветские и другие негативно настроенные к социализму элементы.

Абсолютизируя некоторые трудности и отдельные противоречия, возникающие при построении социалистического общества, авторы расхожей на Западе доктрины «эрозии социализма» пытаются найти в них начало не-

коего «необратимого процесса распада общества» и на этой основе строить политику подрыва социализма изнутри. Особое значение они придают насаждению ревизионистских идей, чуждых коммунизму взглядов под видом марксистских, которые, по их мнению, «могут проникнуть в интеллектуальную элиту и только после этого повлиять на советское общество в целом». Эрозии, заявляют они, надо добиваться с большим терпением.

Наиболее откровенно подобные мысли высказал неизвестный специалист по вопросам «психологической войны» Алард фон Шахх. В журнале «Ауссен политик» он писал: «Необходимо использовать все средства современной пропаганды, умелые приемы психологической борьбы, насаждать нашу мораль и идеологию в общественном сознании населения стран коммунистического лагеря. Используя национальные различия, религиозные предрассудки, человеческие слабости — зависть, женское тщеславие, стремление к удовольствиям, — необходимо развивать индифферентность к целям коммунистического государственного руководства».

«В современных условиях, — говорится в одной из инструкций американской разведки, — когда нравы и запросы людей стали свободнее, а сила их личных слабостей становится иногда доминирующей, для достижения конкретных целей не всегда предпочтительнее пуританство. Стяжательство, секс и другие слабости могут иногда служить рычагом управления поведением этих лиц». Генеральным планом стратегии идеологической диверсии империализма на ближайшие годы стала утвержденная президентом Рейганом «программа демократии и публичной дипломатии», или проще «проект «демократия»».

— Мы участвуем в ожесточенном соревновании идей. Нашим противником является Советский Союз. Ставки в игре, которая ведется с окончания второй мировой войны, слишком высоки. Настало время перехватить инициативу в борьбе за умы людей, вести пропаганду смело и хорошо! — с этого начал свое выступление перед сенатской комиссией по иностранным делам директор Информационного агентства США (ЮСИА) Чарльз Уик, представляя сенаторам этот президентский «проект». Он объяснил, что «программа» в концентрированном виде отражает основные аспекты американской внешней политики на ближайшие 20 лет. В основу «проекта» легла

речь президента Рейгана в английском парламенте, где он призвал к новому «крестовому походу» против коммунизма. Директором «проекта «демократия» был назначен редактор «Вашингтон куотерли» Аллен Уайнстайн.

У всех, кто знакомился с публичными разъяснениями сути «проекта «демократия», невольно возникало ощущение, будто продираешься сквозь дремучие заросли, по скользким топлякам. По свидетельству американской прессы, даже члены сенатской комиссии запутались в головоломных пассажах Уика. Никто, к примеру, так и не понял, что имел в виду директор ЮСИА, когда говорил о «координации и восприимчивости в целях налаживания различного рода контактов, направленных на то, чтобы способствовать развитию инфраструктуры судебных, деловых и религиозных кругов».

— Мне хотелось бы принести извинения за те туманные, расплывчатые формулировки, которые здесь используются,— оправдывался Уик, давая понять, что откровенное изложение целей «программы» и способов ее претворения в жизнь может оказаться столь же непристойным, как стриптиз на официальном приеме. Глава американского информационного агентства выпрашивал у сенаторов 65 миллионов долларов, а те, в свою очередь, настойчиво допытывались, кто и как будет претворять «программу» в жизнь.

На этот вопрос с достаточной ясностью отвечают некоторые правовые документы. Вот, например, выдержка из официального доклада сенатской комиссии конгрессу США по вопросам идеологии и внешней политики: «Соединенные Штаты должны стремиться развивать широкие контакты с интеллигентами и политиками в коммунистической орбите в надежде на то, что удастся постепенно оказать влияние на их идеологические убеждения».

Даже в уставе американской армии ФИ № 31-16 официально появляется следующий пункт: «Психологические операции — это плановое использование пропаганды и других средств оказания воздействия на взгляды, эмоции, поведение и позицию враждебных, нейтральных и дружественных групп, что позволяет достичь поставленных целей» (пункт 149).

Цели эти были с предельной ясностью оглашены американским президентом в его речи перед членами британского парламента. Он угрожал «вышвырнуть» социализм на свалку истории, объявив «крестовый поход» про-

тив «империи зла», как именует он Советский Союз. Исходя из этой целевой установки и познакомившись с официальными документами США, нетрудно понять, кто же заказывает музыку.

КОМПОЗИТОРЫ...

В складывающейся обстановке западные идеологические центры и разведывательные службы решают ныне новые, более изощренные задачи, содержание которых достаточно полно изложил один из американских теоретиков по вопросам разведки Р. Холт в своей статье «Стратегические психологические операции и иностранная политика США». «Разведка,— пишет он,— играет большую роль в обеспечении психологической войны. На нее возлагаются в этом плане задачи по изучению отдельных социальных групп населения как объектов «психологической войны», определение наиболее эффективных методов психологического и идеологического воздействия, подготовка тенденциозных материалов и различного рода фальшивок, оценка эффективности операций «психологической войны».

Серия состоявшихся в Вашингтоне совещаний с участием помощника заместителя госсекретаря по политическим вопросам Джеральда Хелмэна и заместителя директора ЮСИА по программам Скотта Томпсона, помимо декларативных и напыщенных заявлений об «идеалах» и «ценностях», не добавила ничего нового, что проливало бы свет на существо «проекта «демократия» и механизм его реализации.

Выступая перед журналистами на официальном брифинге в Вашингтоне, заместитель госсекретаря Лоуренс Иглбергер вынужден был признать, что не всем ясно, на что будут тратиться деньги налогоплательщиков, которые запрашивает ЮСИА, однако отказался рассказать о конкретных мероприятиях в рамках «программы» или о планах совета национальной безопасности в связи с ее осуществлением. Главные вопросы — каковы цели «проекта «демократия»? каков механизм его осуществления? кто «заказывает музыку»? — остались без ответа.

Заместитель госсекретаря не скрывал, что речь идет о помощи политическим партиям, группировкам, профессиональным союзам, средствам массовой информа-

ции и отдельным лицам, о том, что выбор объекта для благотворительности будет мотивирован идеологически-ми установками.

— Могу заверить, что правительство США не предоставит средств в поддержку, например, газеты «Юманите» в Париже. Это я вам могу гарантировать!

— А как насчет «Монд»? — прозвучал вопрос журналиста. Но ответа на него не последовало.

Господину Иглбергеру не позавидуешь: пришлось много говорить, не говоря по существу ничего. И отвечать на довольно щекотливые вопросы. Скажем, не окажется ли «политический аккомпанемент» вмешательством в чужие дела? Официальный представитель госдепа допускал мысль, что «могут появиться основания утверждать, будто мы вторгаемся в чужую епархию», но тут же призывал «исходить из того, каковы главные ценности, которые мы хотим поддерживать за границей».

С завидным упорством рекламируя свой товар, космологи «проекта «демократия» прочат ему судьбу сильнодействующего средства, способного «привнести порядок, эффективность и целеустремленность» в сотрудничество ЮСИА, госдепа, Совета по международному радиовещанию и других учреждений США на поприще «противоборства советской пропаганде».

— О каких других идет речь? — поинтересовались у заместителя госсекретаря и директора ЮСИА журналисты. Прекрасно понимая, о чем идет речь, оба ответственных господина поспешили развеять всякое подозрение о том, что к этой программе каким-то образом будет причастно ЦРУ. Их заверения в совокупности выглядели так.

Иглбергер. Мы давно поняли, что причастность ЦРУ не является необходимой. Мы знаем, что причастность ЦРУ к подобной программе сразу же обрекла бы ее на провал, ибо дискредитировала бы все наше начинание.

Уик. Все в этой программе будет доступным широкой публике. ЦРУ не будет участвовать в ней. Оказание поддержки демократии должно быть открытым и гласным.

Вопрос. Кто будет «присматривать за лавкой»?

Ответ. Деньги будут ассигнованы ЮСИА.

Вопрос. ЦРУ участвовало в составлении программы?

Ответ. ЦРУ не имеет к этому никакого отношения.

Казалось бы, заявления государственных деятелей — не болтовня базарной торговли. Но вдруг сам мистер Уик, когда его уже никто не тянул за язык, поведал прессе, что при зарождении «проекта «демократия» директор ЦРУ Уильям Кейси, оказывается, все же присутствовал на заседаниях. С неохотой вынужден был признать это и Иглбергер. Ему снова пришлось отвечать на «неудобные» вопросы:

— ЦРУ не будет иметь к этому отношения?

— Простите?..

— Что, ЦРУ не будет причастно к делу, за которое вы беретесь? (Смех в зале.)

— У нас разные сферы...

Так ли это на самом деле?

Как только стал на рельсы «проект «демократия», в штате правительственной радиостанции «Голос Америки» появилась новая личность — Мэлвин Левицки. Он уверенно занял кресло заместителя директора и стал решительно вмешиваться в программы передач, требуя больше материалов о «преследованиях евреев в СССР», о «правах человека» и т. п. О чем угодно, лишь бы с резким антисоветским душком.

О втором лице господина заместителя знали очень немногие. Как и о его подмоченной репутации заштатного агента ЦРУ. В этом незавидном амплуа Левицки некогда подвизался в Москве, где числился дипломатом в американском посольстве и был известен как весьма проворный и удачливый специалист по части установления контактов с лицами, готовыми выехать из СССР, и прочими перерожденцами. Нельзя сказать, что он питал к этой публике особые симпатии, но его хозяева в Лэнгли¹ считали, что лучшей среды для приобретения источников информации о СССР не придумаешь, и потому Левицки безропотно нес свой крест.

К этой личности мы еще вернемся. А пока процитируем два любопытных документа. Первый — сообщение «Голоса Америки»: «В газете «Вашингтон пост» сообщается о нарушении прав человека в Советском Союзе... Права человека освещаются на первых страницах наших газет. Имена инакомыслящих... становятся известными, и телевещательные компании соревнуются в том,

¹ Лэнгли — расположенный неподалеку от Вашингтона город, где находится штаб-квартира ЦРУ.

чтобы заполучить их на свои программы... Вся поддержка, которую им до сих пор оказывало наше правительство и которую оно, возможно, и впредь сможет оказать, также словесная». И вот красноречивая выдержка из циркуляра американской разведки, направленного в наше время в ее филиалы, работающие под прикрытием посольств в социалистических странах:

«Совершенно секретно, особой важности.

Сообщите:

имеются ли какие-либо организованные подпольные группы противодействия существующему правительству? Если имеются, то где они находятся и каковы их возможности? Кто их руководители и каким образом можно установить с ними контакт?

Какие группы населения по профессиональным или каким-либо другим категориям вероятнее всего могут поднять голос против правительственного курса? Какие группы в настоящий момент наиболее восприимчивы к психологическим операциям, проводимым Западом?

При каком руководстве извне могут возникнуть движения противодействия существующим правительствам?

Степень проникновения оппозиционных сил в коммунистическую партию и их возможности противодействовать деятельности коммунистических партий».

К этому остается добавить, что в управлении тайных операций ЦРУ существует специальная секция, объектами деятельности которой являются люди, на Западе именуемые «инакомыслящими», националисты и иные отщепенцы. С созданием такого подразделения в главном разведывательном ведомстве США заметно усилилась возня вокруг этих так называемых «инакомыслящих». Сведения о работе «особой секции» хранятся за семью печатями. Но тайное непременно когда-то становится явным. И если собрать по крупицам то, что было рассеяно в кучах словесного мусора — в многочисленных интервью, стенограммах сенатских заседаний, пресс-конференций и других материалах, станет очевидным, что президентская директива является партитурой для огромного оркестра, где струнные и духовые инструменты едва слышны за грохотом ударных и звоном медных труб. Каждому голосу предписана своя партия, но все они сливаются в зловещий марш, где рефреном звучит призыв к «крестовому походу».

АРАНЖИРОВЩИКИ...

Густая копна седых волос, открытый и чистый, с легкой грустинкой взгляд человека, только что страхнувшего с себя липкую паутину сионистской демагогии, едва освободившегося от мертвой хватки агентов ЦРУ,— таким запомнился мне с первой встречи С. Л. Липавский.

В 1972 году он переехал в Москву с Севера, где работал главным хирургом одной из областных больниц. На новом месте ему предложили стать председателем медицинской комиссии, следившей за состоянием здоровья шоферов и проводившей освидетельствование будущих водителей автомашин. Предложение было принято. Начались обычные трудовые и житейские хлопоты. Но вскоре к ним прибавились новые...

Однажды на прием явился некий Шифрин. Ничуть не смущаясь, он на первой же встрече заговорил об «особой миссии Израиля», о «долге каждого еврея внести свой вклад в дело выезда из СССР». Лишь позднее Липавскому станет ясно, что «откровенность» Шифрина, которая в ту пору показалась ему симпатичной, базировалась на предварительном и всестороннем его изучении. «Посильный вклад» пришлось внести. Липавский посочувствовал «бедному и гонимому» человеку, собиравшемуся уехать в Израиль, и выдал ему фиктивную справку о состоянии здоровья для приобретения международных водительских прав. Конечно, права можно было получить и в Израиле, но там за это надо много платить, а в СССР их можно иметь бесплатно. Эти доводы Шифрина показались тогда Липавскому вполне разумными. Знакомство укреплялось. Приходя на прием к доктору, Шифрин всякий раз узнавал что-то новое о Липавском. Расспрашивал о его жизни, связях, планах. Беседы их становились все более доверительными.

Однажды Шифрин рассказал, что в Москве имеются люди, ведущие среди евреев работу по выезду в Израиль; эти «активисты», к которым принадлежит и он, Шифрин, бескорыстны. На вопрос, почему он не подает ходатайство о выезде, Липавский ответил, что сомневается в такой возможности: живет в зоне важного оборонного объекта, а это, как он слышал, всегда является препятствием.

Позднее «пациент» неожиданно спросил, есть ли у доктора знакомые на том объекте. «Есть очень близкий приятель, дружим семьями»,— ответил Липавский. «Это же замечательно!— воскликнул Шифрин.— Считай, что твое дело с выездом решено». И пояснил, что они не одиноки, что поддержка Запада — их главная опора и надежда. Нужны эффективные меры, чтобы привлечь к себе внимание западной общественности. «Чем больше активности — тем больше возможностей»,— наставлял он Липавского.

Вскоре доктор выполнил еще одну его просьбу. «Док, мы тебе доверяем,— с пафосом сказал при очередной встрече новый «друг».— Участие в нашей акции сделает тебе имя на Западе». На квартире некоего Рубина (ныне проживающего за границей) врач наблюдал за «голодовкой» «активистов» — Рубина и Азбеля, предназначенной для иностранных журналистов. Присутствие врача и его авторитетные свидетельства должны были усилить эффект «голодовки». Однако ежедневно холодильник в квартире Рубина пополнялся новыми продуктами...

Своим удивлением по этому поводу Липавский поделился с одной из «активисток» Т. Гальпериной. Та с раздражением заметила: «Умный человек должен все понимать с полуслова. Если умрут во время голодовки руководители всего дела, кто же будет руководить?»

Поняв свою роль в этом трагикомическом спектакле, доктор заявил Рубину, что надо сделать перерыв, ибо состояние его здоровья «угрожающее». Тот с радостью воспринял заключение врача и пригласил его на товарищеский ужин. Иностранные корреспонденты в тот же день сообщили о прекращении «голодовки» из-за «трагического состояния здоровья правозащитника Рубина».

Посчитав фарс, участником которого он стал, чудачеством, присущим всем «великим людям», Липавский не изменил своего отношения к самозванным «лидерам». Постепенно встречи с Рубиным участились.

Лишь позднее, перед тем как сесть за свое открытое письмо, после долгих сомнений и мучительных раздумий, Липавский понял, что «бескорыстные правозащитники» хитроумно и последовательно вели его обработку, втягивая во все новые «услуги». Проявляя трогательную заботу о своем «друге», они прощупывали, что можно

извлечь из него, какой «навар» способен дать новый единомышленник.

Когда наступит прозрение, Липавский поймет, что он оказался в паутине, сплетенной людьми, потерявшими все святое, людьми, которые давно уже продались иностранным хозяевам и пытались своими действиями оправдать шедшие им из-за океана деньги, отработать те «льготы», что сулили им в будущем покровители из США и Израиля. Поймет, что его неосторожность с этими людьми — упоминание о приятеле, имеющем доступ к военным секретам, — стала первым шагом по опасному пути, ведущему в пропасть. Азбель, а еще более откровенно Рубин, не раз говорили ему, что помощь с Запада в выезде из СССР нужно заслужить. Только «особые заслуги» могут обеспечить им безбедное существование в других краях.

Но прозрение придет потом, не скоро. Пока же продолжим разговор о «правозащитниках», об их существовании, масках и настоящем лице, об их содействии органам буржуазной пропаганды в шумихе по поводу якобы ущемления прав человека в нашей стране.

Прошло 2 года. Стараниями Рубина Липавский стал его «секретарем». Он был приближен и к другим «лидерам», видел каждодневно их «бескорыстную» деятельность, лицемерие и меркантилизм, их тайную и явную грызню из-за денег, поступающих от заокеанских покровителей.

Во время дележа одной из очередных «дотаций», привезенной иностранным эмиссаром, на квартире Рубина произошел такой диалог:

— У нас 400 долларов. Надо бы дать, наконец, немного валюты другим...

— Черта с два! Пополам. И хватит об этом!

Тогда кассой распоряжался некий Лернер. Трижды в году позволял он себе поездки с супругой на отдых, на иностранную валюту приобретал шикарные шубы, дорогостоящие магнитофоны, однако постоянно и нудно жаловался иностранцам на «скупость» их «пожертвований», которые не могут-де покрыть затрат «правозащитников» на нужды «святого дела Сиона».

Недовольство «других», не получавших своей доли, однажды вылилось в требование отлучить Лернера от денежного мешка. На тайную сходку прибыл специальный эмиссар из-за океана некий Шмуклер. Приняли ре-

шение: Лернеру самоустраниться. Кассу взял очередной «бескорыстный». Подобной обиды Лернер не стерпел. Как стало затем известно его «коллегам», он неоднократно звонил своим покровителям за рубеж и, когда намеками, а когда и открытым текстом, предупреждал их, что его конкуренты за лидерство не кто иные, как «осведомители КГБ». Все скопом и каждый в розницу!..

Таковы нравы. Каковы же цели? Не будем совершать далекие экскурсии в полную грязных инсинуаций и политических интриг «историю» связи отщепенцев с разведслужбами и идеологическими центрами США и Израиля. Приведем лишь некоторые факты.

В свое время по советскому телевидению был показан документальный фильм «Тайное и явное», разоблачающий сионизм и его прислужников. Так называемые «активисты» немедленно забили тревогу. Созвали срочное «совещание», провели серию встреч с иностранными журналистами и дипломатами в Москве. Вскоре Еврейское телеграфное агентство сообщило об их «взволнованной реакции» на документальную телепрограмму.

Один из «активистов» Щаранский, известный своей лютой ненавистью ко всему советскому, заявил: «В этой стране (он давно не считал ее своей.— В. П.) всегда существовал антисемитизм, но сейчас его интенсивность больше, чем обычно. В автобусах, в метро все обсуждают только этот телефильм».

«В воздухе пахнет погромом!» — возопил Щаранский. И тут же эхом ему вторила радиостанция «Голос Америки». Тот факт, что в нашей стране раз и навсегда решен национальный вопрос, решен на благо и в интересах развития и процветания всех наций и народностей, меньше всего устраивает эту радиостанцию. Потому она с радостью ухватилась за абсурдные и нелепейшие утверждения отщепенца и сионистского провокатора. При этом «Голос Америки» умолчал, что в то же самое время представители большой группы евреев, выехавших в свое время в Израиль из Советского Союза, передали в Вене открытое письмо Генеральному секретарю ООН, предназначенное Комиссии по правам человека ООН, ЮНЕСКО, Верховному Совету СССР, Международному Красному Кресту. В этом письме они отрекались от гражданства Израиля, разоблачали сионизм, его лицемерную сущность, осуждали свой выезд из СССР.

Такой выбор фактов «Голоса Америки» вполне понятен, ему и другим идеологическим центрам США куда более близки измышления Щаранского, нежели обманутые сионистами люди. Этот случай лучше всяких комментариев раскрывает подстрекательскую сущность так называемой «помощи советским евреям» и провокаторское прислужничество щаранских и иже с ними их сионистским и заокеанским покровителям. Все это вписывается в те стратегические замыслы, которые ставят перед собой идеологические центры и спецслужбы США, скрывая их под вывеской «защиты прав советских евреев».

Именно «Голос Америки» и некоторые газеты США, «источниками», а вернее осведомителями которых состоят щаранские, своей тенденциозной шумихой дали повод тамошним сионистам вновь начать истерические ежедневные демонстрации на фешенебельной 5-й авеню Нью-Йорка против здания, где размещены кассы Аэрофлота. Это опираясь на их «объективную» и «правдивую» информацию, в антисоветскую шумиху ввязываются в Америке и вполне уважаемые, авторитетные люди, обманутые сионистской трескотней. Как рождается подобная информация, кто и что стоит за ней, хорошо видно из сообщений иностранных корреспондентов о «голодовках» Рубина и Азбеля.

Но все это — лишь поверхностная, видимая и рекламируемая Западом часть тех услуг, которые оказывают своим сионистским и иным хозяевам так называемые «инакомыслящие», «правозащитники» и тому подобные отщепенцы. Призванные, по мнению буржуазных идеологов, оклеветать коммунизм, поставить под сомнение успехи нашего общества, они не останавливаются и перед «тихими» услугами, скрытой деятельностью, которую до хрипоты отрицают, бня себя в грудь и зачисляя каждого уголовного, ответственного по статьям советского Закона, в «политические борцы».

Вот как развивались события в уже известной нам компании. Однажды Рубин пригласил Липавского к себе на квартиру. Пришли гости.

— Это наш друг доктор, который спасал наши жизни во время голодовки,— представил им Липавского хозяин.

— Мэл,— коротко ответил американец.

Довольно свободно говорящий по-русски Мэлвин Ле-

вицки держался с достоинством, внимания к себе не привлекал, больше приглядывался, но разговор поддерживал умело. О себе рассказывал мало. Отец — выходец из России, уехал в 1918-м в Штаты. Сам Мэлвин окончил Мичиганский университет, работал в Германии. Будто случайно завел речь о Мурманске, а «узнав» о работе Липавского на Кольском полуострове, засыпал его вопросами о деталях. Проверял. Под каким-то предлогом Т. Гальперина увела дипломата в другую комнату и вскоре пригласила туда Липавского:

— Мэл хочет с тобой поговорить.

В этой особой комнате, куда двери открывались далеко не каждому, дипломат протянул ему самостирающийся блокнот, на котором в квартире Рубина переписывались в «конфиденциальных» случаях. На листке состоялся такой диалог:

«— Где нам удобнее с вами встречаться?

— Предлагайте сами. Мне безразлично.

— Здесь. Квартира надежна. Я передам вам привет от вашего друга».

Дипломат простился с хозяином и гостями. После его ухода Рубин настороженно поинтересовался:

— Все в порядке? — и, получив утвердительный ответ, предложил выпить на брудершафт. О Левицки Рубин сказал: — С Мэлом можно быть спокойным. Он умеет работать чисто...

Далее события развивались стремительно: Липавский подал ходатайство о выезде из СССР.

Прослышав об этом, новый американский знакомый изменился в лице:

— Как скоро отъезд?

— Месяца через два, наверное...

Дипломат облегченно вздохнул, просветлел и засмеялся:

— Два месяца — это олл райт!

Затем последовал телефонный звонок. Из Штатов. Звонил Давид Азбель, считавшийся за океаном как бы «куратором» собирающихся выехать из СССР евреев. Он сообщил, что скоро передаст «старому другу» «живой привет».

«Привет» пришел, действительно, очень скоро: когда Липавский был у Рубина, туда явился Левицки. Он явно нервничал. Быстро свернул «светскую» беседу на общие темы и при первой же удобной возможности выпроводил

хозяев из комнаты. Затем закрыл дверь и молча протянул Липавскому конверт. Тот прочел: «Дорогой Сашенька! Я здесь рассказал, кому надо, все о вас и вашем приятеле. Передайте ему письмо, которое вам дадут. Надеюсь, вы понимаете всю важность вопроса. Передайте письмо обязательно, так как от этого зависит наше с вами благополучие. Да поможет вам бог! Ваш Давид».

Забрав письмо назад, дипломат передал Липавскому два других конверта.

В первом на трех небольших листах бумаги заглавными буквами было напечатано: «Ваш друг Давид сказал нам все о вас и вашем друге. Мы благодарим вас за готовность нам помочь. Просим передать наше письмо вашему другу. Это единственная просьба. Обещаем, что в дальнейшем не будем обременять вас своими подобными просьбами. Просим вас никогда ни с кем на эту тему не разговаривать. После прочтения это письмо нужно уничтожить в тот же день в присутствии человека, который передал его. Письмо написано на специальной бумаге, его нужно опустить в воду, и оно растворится».

Далее следовало: «Этот же человек передаст вам конверт с анкетой, где мы просим ответить на следующие вопросы о вашем приятеле: фамилия, имя и отчество, возраст, место рождения, домашний адрес, телефон, место работы, должность. Конверт запечатайте и отдайте человеку, который дал вам его. Этот же человек даст вам ручку, в которой находится письмо для вашего приятеля. Ручку нужно развинтить, осторожно снять синий наконечник, в котором на спичку намотано письмо. В этот же день к другу не ходите. Сделать это нужно через несколько дней, но не позднее 20 февраля. Прийти к нему нужно как обычно. Учтите, что от строгого соблюдения всего, что мы вам советуем, зависит ваша и наша безопасность».

Дипломат протянул Липавскому ручку:

— Вы все поняли? Может быть, прочитаете еще раз? Ручку спрячьте.

В соседней комнате слышались шаги хозяина квартиры. Левицки шепнул:

— Читайте спокойно. Я задержу его.

Вернувшись, он сжег в пепельнице письмо Азбея, а три листочка первого письма поочередно макнул в при-

несенную чашку кофе. Те бесследно исчезли. Вышли в соседнюю комнату. Рубин, как всегда, безостановочно болтал о последних событиях. Один из «лидеров» сказал о нем, что «в присутствии иностранцев у Виталия Рубина начинается словесный понос». Липавский же был угрюм и задумчив.

В конце вечера они опять остались наедине.

— Вам все понятно? Вы все уяснили? — спросил дипломат (письменно, разумеется).

— Я обдумываю прочитанное. Мне нужна консультация: кому предназначена ручка, мне или моему приятелю? Если ему, то передать ручку я сейчас не могу. Для этого нужно время, очень много времени. Сейчас он может не понять меня, я уж не говорю о более серьезных последствиях.

— Хорошо, я все уточню.

И вскоре Левицки сообщил ему:

— Напишите подробное объяснение, а ручку оставьте себе. Свое письмо, а также то, что у вас есть на сегодня интересного, заложите в тайник «Площадка».

Липавский вскрыл авторучку. На тонкой прозрачной пленке четко был виден печатный текст:

«Уважаемый друг, вашему приятелю удалось рассказать нам о вас и вашей работе. Уверяем, что мы приняли все меры предосторожности. Ваша безопасность будет иметь для нас и в будущем первостепенное значение.

Мы выбрали очень безопасный способ для вашей передачи материалов нам, тщательно его проверили. Он действует успешно, но для обеспечения успеха этот способ требует точности во времени и соблюдении наших инструкций...»

Далее шло описание и название тайников, через которые в дальнейшем с ним будет поддерживаться связь, путей подхода к ним, средств маскировки опознавательных меток о закладке тайников и готовности к приему очередных вложений, схемы. Следовало несколько вопросов. Указывалось, как восстановить контакт в случае непредвиденной его утраты.

Липавский понял, что американская разведка зачислила его в свои агенты.

Начались мучительные раздумья. Он хотел лишь одного — уехать и устроить свою жизнь за границей. Его вовсе не прельщала роль шпиона. Но щупальца ЦРУ

так просто не разорвешь. «Друг» Азбель, преувеличивая свои разведывательные возможности, преподнес Липавского своим хозяевам в Штатах как человека проверенного и готового на все. Это видно было из уничтоженных писем.

Липавский принял решение: не порывать связей с посольством, но вместе с тем уклониться от явного шпионажа. Он заложил в тайник свои соображения по поводу явно нездоровых взаимоотношений между «руководителями» тех, кто намеревается выехать из СССР.

Через несколько дней из ЦРУ пришел ответ. Вопросы вновь сводились к одному: сможет ли он, и как скоро, завербовать своего приятеля, имеет ли сам он доступ к секретным материалам приятеля, знаком ли с другими лицами, имеющими дело с секретными сведениями. В письме разъяснялось, что «платежи в будущем будут пропорциональны сведениям, которые станут поступать, и от стараний в части обеспечения содействия приятеля». «Соображения» относительно обстановки в «руководстве» расценивались как «не представляющие интереса».

Что же касается просьбы Липавского оказать ему помощь в выезде в Израиль, разведка недвусмысленно давала понять, что его работа в СССР важнее для «общего дела». В конце шли описания новых тайников, способов и времени связи. В контейнер было вложено 400 рублей.

Отношения Липавского с американским дипломатом не оставляли равнодушным и Рубина.

— Ну как, Мэл доволен? — периодически спрашивал он, а однажды предупредил: — Мэл — человек конкретный. Если хочешь его заинтересовать, давай ему хорошую информацию. Я сам уже несколько раз делал это. Не дури!

А заокеанская разведка уже считала себя вправе отчитывать Липавского. В одном из конспиративных писем, например, указывалось: «Хотели бы кратко обсудить наш подход к вашему сообщению относительно еврейского движения (так на Западе называют кучку отщепенцев, намеревающихся выехать из СССР.— В. П.). Естественно, наше правительство интересуется информацией такого рода, но лучше, если ее сообщают другие, например журналисты. Мы должны сосредоточиваться на служебной информации, а ваши пакеты могут

содержать ограниченное количество материалов. Мы уважаем ваши заботы, но, выполняя наши требования, вы можете со временем быть более эффективным в вашей борьбе с системой».

Липавский не хотел «бороться с системой», но таковы уж законы организации, с которой он связался: даешь палец — откусит руку.

Отношения запутывались, обострялись. Видимо, почувствовав это, из разведцентра успокаивали: «Не падайте духом, если нам покажется, что некоторые из сообщенных вами информации будут менее интересны для нас, чем вы думали». К сему прикладывалось 800 рублей. словно пластырь на душевные раны. И тут же — новые вопросы.

Как только не выкручивался Липавский! Один раз отправит письмо с просьбой уточнить вопросы. В другой — ничего не значащий справочник. В третий — какую-то рукопись, вызвавшую встречные вопросы: действительно ли эта работа добыта у «секретного» приятеля?! И Липавский не мог признаться, что сочинял ее сам, перелопатив груды открытой специальной литературы.

Судя по всему, его ухищрения вскоре были разгаданы. «Пастыри» (Азбель, Рубин и другие), сыгравшие главную роль в вербовке доктора американской разведкой, «доверили» ему хранение «архивов» всех свидетельств деятельности «активистов». Между этим поручением и заданиями ЦРУ была глубокая и коварная связь. Едва Липавскому разведцентром давался «заказ» на сбор данных о тех или иных учреждениях и предприятиях, как эти данные начинали поступать «для архива» со всех сторон — по требованию здешних «руководителей». Стоило ему получить указание: накапливать сведения о людях, которые могли бы заинтересовать американцев своими настроениями и жизненными планами, как, глядь, эти сведения, словно по мановению волшебной палочки, приходили к нему «для хранения в архиве» из разных городов и районов: их, оказывается, затребовала «верхушка» под тем предлогом, что нужно активизировать «борьбу за права граждан в СССР». В общем, получалось, что Липавский был уже не «кустарем-одиночкой», ему не требовалось больше ломать себе голову над вопросом: где же раздобыть нужную ЦРУ информацию? Она «сама собой», организованным потоком

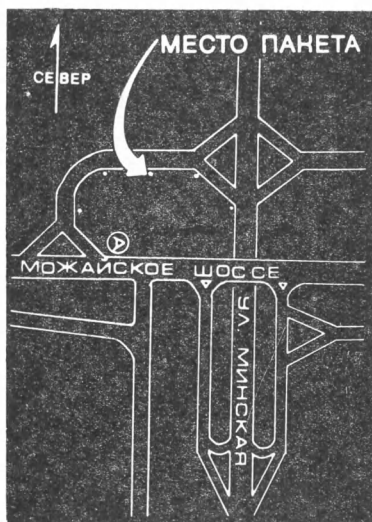
Схема места закладки тайника и постановки сигнала для связи с американской разведкой. Передана С. Липавскому сотрудниками ЦРУ

текла в его руки: обобщай, закладывай в очередной тайник — и все дела... А тайников для Липавского заготовили немало: «Площадка», «Надпись», «Почта», «Тролл» и др. Его снабдили и средствами камуфляжа: полиэтиленовыми мешками, обшитыми грязной (обязательно!) материей, кусками электрокабеля со

специально подготовленной внутри полостью, куда закладывались инструкция, задание, деньги и т. п.

Связь в цепи «разведцентр — агент» строилась так. В обусловленном месте, скажем, на таком-то столбе такого-то участка Минского шоссе, красной губной помадой ставилась буква П размером 5×5 сантиметров. Это значило, что тайник заложен. Контейнер же подбрасывался в другом месте и слегка присыпался мусором. Увидев метку на столбе, агент в сумерки пробирался к тайнику, изымал контейнер и, сделав опять-таки в обусловленном месте тем же способом знак о выемке, быстро покидал этот район. Через некоторое время там появлялись либо дипломаты, либо их жены или горничные, либо журналисты. Метка была прекрасно различима с дороги.

Обратная связь строилась аналогично. Во всех случаях сохранялось главное требование — как можно скорее уйти из района тайника. Так действовали не столько из соображений безопасности, сколько из опасений, что агент случайно расширит круг своих «знакомств»: увидит еще одного дипломата, выполняющего вовсе не дипломатические функции. Липавский нарушил однажды это требование, когда в надежде прервать шпионскую связь прибегнул к очередной уловке. Он густо намазал свой пакет мазутом; думал, побрезгует дипломат, не возьмет. Остался неподалеку ожидать. Появилась

машина с дипломатическим номером. Пронеслась мимо метки, которую он поставил на столбе, и скрылась. Через некоторое время появилась вновь: «адресат» изучал обстановку. Наконец, подрулила к месту закладки. Вышел респектабельный господин с собачкой. Вовсе не Левицки. Покрутился немного, затем, озираясь, присел, незаметно сунул пакет за пазуху и степенно двинулся к машине. Подходя, принялся, распахнул плащ и, чертыхаясь, брезгливо бросил пакет на пол между сиденьями. Начал было оттирать платком костюм, но плюнул, хлопнул в сердцах дверцей, и машина на большой скорости исчезла за поворотом.

Центр не замедлил с ответом: хвалил Липавского за хорошую маскировку контейнера и требовал новой информации.

Вскоре Левицки уезжал из Москвы: «командировка» подошла к концу. Результаты его работы высоко оценил шеф; за океаном его ожидало «доходное место». Так что настроение отбывавшего на прощальном ужине у Рубина было прекрасным.

В конце вечера, уединившись с Липавским, дипломат-шпион обнял его и шепнул:

— Вам обязательно понадобится в Москве человек, к которому вы могли бы обратиться в экстренных случаях. Я сведу Рубина с моим преемником. Обращайтесь к нему, когда угодно. Человек абсолютно надежный, хотя несколько сноб...

Прошло довольно много времени, прежде чем состоялось личное знакомство с преемником. Новый сотрудник посольства США, как выяснилось, уже давно и часто в числе других гостей заходил к Рубиным. Но, по принятым здесь правилам, до поры до времени не раскрывался. Он оказался развязнее и болтливее предшественника. У Левицки и одежда, и манеры, и подарки, приносимые Рубиным, были скромнее.

С Рубиным у дипломата отношения сложились быстро, они частенько уединялись в «особой» комнате. Липавский же втайне надеялся, что с отъездом Левицки разведка потеряет к нему интерес. Как бы не так!

Однажды в зимнюю пятницу у Рубиных, как всегда, был званый вечер. Присутствовали Амальрик и Грибанов с женами, еще несколько лиц, приближенных к «лидерам». Джозеф Пресел, так звали преемника, торжественно поставил на стол бутылку французского коньяка.

— Это же сорок пять рублей! — воскликнул Рубин. — Вот это шик! Вот это вкус! Сразу видно...

Пресел самодовольно хлопнул его по плечу:

— Скажите, и ежедневно у вас будут две-три такие бутылки.

Чувствуя себя хозяином и развалиясь перед притихшими гостями, американец рассуждал о мировых проблемах, шутил, хохотал над своими остротами. Хвастал, что слушал лекции самого (!) Киссинджера, не преминув уточнить: «Отвратительный оратор. У него гадкое произношение».

В разгаре застолья Пресел внезапно повернулся к Липавскому:

— Вы, я знаю, тоже были в Магадане?

Он перепутал, или хотел перепутать, Магадан с Мурманском. Во всяком случае, завязал оживленную беседу. Спустя короткое время жена Рубина вызвала Липавского в «особую» комнату, следом пришел Пресел...

А вскоре на квартире у Рубина был «большой сбор». Он получил разрешение на выезд из СССР и спешил связать Липавского со своими заокеанскими «друзьями», находившимися в Москве. Теперь наряду с Преселом в числе покровителей доктора оказались Оснос, Френдли, Кримски, Рен. Все те, чьи имена упоминались неоднократно в советской печати, только отнюдь не в связи с их журналистской деятельностью в нашей стране.

Весь вечер в квартире шла молчаливая возня. Готовилась «информация» для американцев. Супруга Рубина сунула Преселу пакет. Два больших конверта добавил Щаранский. Упаковали все в полиэтиленовую сумку дипломата, после чего тот спешно покинул компанию. На прощание оглянулся и сказал Липавскому, кивнув на хозяина квартиры:

— Этот господин вам все расскажет.

Наставлять Рубин начал сразу после ухода иностранцев.

— Дорогой, — поучал он, — ты должен примкнуть неофициально к группе Орлова. Во что бы то ни стало надо с ним познакомиться. Это очень нужный нам человек. И вообще, рядовые пусть побольше пакостят. Чем активнее они будут себя вести, тем больше шансов для нас...

Однако перед самым отъездом Рубин высказал сом-

нение, следует ли Липавскому включаться в затевавшуюся шумиху:

— Как отнесутся к этому Мэл, Джо и их друзья?

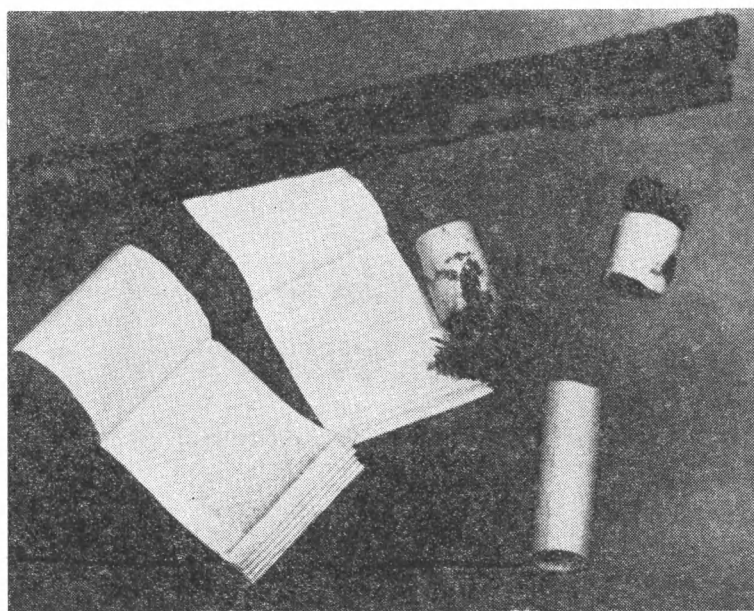
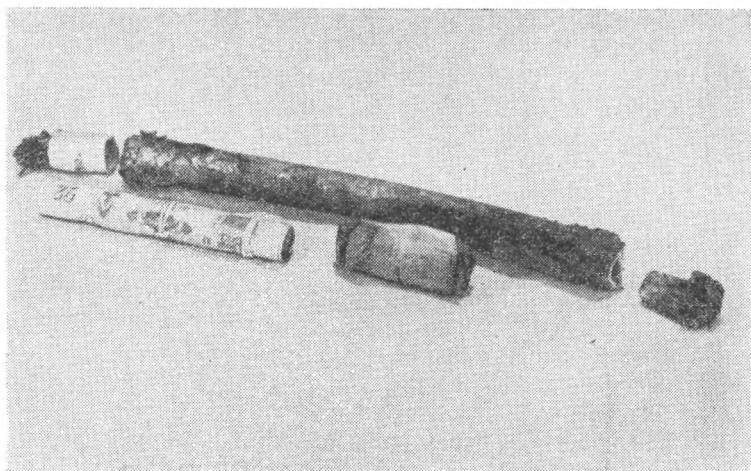
Решили, что «представителем» их группы в самозваном «комитете Орлова» станет Щаранский. Он и помоложе, и понахальнее.

Под занавес обсуждалась идея очередной провокационной акции. В Соединенных Штатах к тому времени была создана так называемая комиссия конгресса «по наблюдению за выполнением Хельсинкских соглашений», призванная вмешиваться во внутренние дела СССР, навязывать свои представления о свободах, правах, законах... Установление «непосредственного контакта» с этой комиссией поручалось Рубину. С этой миссией он и отбыл.

Поскольку самозванные «лидеры» группы постепенно один за другим покидали страну, оставшиеся теперь вновь лезли в драку за право обладания кассой. Это вовсе не устраивало американцев. Им требовались люди управляемые, надежные, способные заняться организационной деятельностью по «расшатыванию», а не возней вокруг денег. Их надо было приблизить, подчинить, чтобы, как и их предшественники, они стали безропотными исполнителями.

Эта деликатная задача возлагалась также и на вице-консула США Элен Натансон. Отнюдь не отличавшаяся дипломатической недоступностью, она вскоре стала «душой» описываемого нами «общества». Обстановка в компании отщепенцев стала настолько простецкой, что каждый мог позволить себе любую выходку. Правда, порою случались конфузы. На одной из очередных попоек, забыв обо всех приличиях, руководитель «теоретического духовного семинара» Слепак разрешил себе, как после говорили, «некоторые юношеские вольности» в отношении вице-консула. Даже выдавшая многое супруга Слепака не стерпела. Завязалась драка двух женщин, после чего американка вынуждена была с позором покинуть поле боя. «Лидеры» в шоке. «Что будет?» — висело в воздухе. «Конец,— предрекали некоторые.— Американцы такого не простят».

Но те простили. Правда, с условием, чтобы слух об «инциденте» ни в коем случае не просочился к «рядовым членам», а также в посольство. Пресел потребовал при-

Заложенные в контейнер тайника шпионские инструкции, деньги

струнить «не в меру ревнивых дам» и активизировать сбор нужной Вашингтону информации.

Натансон, нимало не смущаясь тем, что Липавский оказался очевидцем пикантной сцены, вскоре передала ему письмо от Инны Рубиной. Та извещала, что перед выездом в Израиль бывший сотрудник одного научно-исследовательского института заготовил микрофильмы секретных документов и «по-дружески» просила «дорогого друга»: изъять эти микрофильмы и по каналу «Натансон — диппочта» переслать ей.

Элен лукаво погрозила пальчиком:

— Не забудьте, через меня...

А скоро пришли письма самого Рубина. Тоже дипломатической почтой. Через московского корреспондента «Вашингтон пост» Питера Осноса.

Рубин сообщал, что миссия его развивается успешно, что он связался со многими сионистскими организациями и конгрессменами. Те обещают оказать моральную и иную необходимую поддержку. Но ставят свои требования. В частности, организовать широкую кампанию в СССР в поддержку поправки сенатора Джексона¹, сбор подписей под петицией и т. п. «Это будет колоссальным ударом по СССР!» — предвкушал Рубин. Но главное, он сообщил, что на днях свяжется с Мэлом Левицки и его коллегами, поэтому в связи с этим потребовал: «Начните широкую работу по сбору данных о тех предприятиях и учреждениях, сотрудникам которых отказано в выезде из СССР по соображениям безопасности государства и боязни утечки секретов. Свяжитесь с такими лицами, собирайте сведения о дислокации этих предприятий, их условных наименованиях, характере продукции и научных разработках. Добывайте данные о людях на этих предприятиях, которые могут быть нам полезны, заполняйте анкеты на них. Добывайте фамилии директоров, их адреса, телефоны. Это нужно для того, чтобы организовать широкое давление на них. Если они могут выезжать в загранкомандировки — для организации здесь кампаний против них. Добывая такие данные, вы также поможете сенатору Джексону, чьи позиции ныне, к

¹ «Поправка Джексона», принятая американским конгрессом в 1974 г. под давлением милитаристских кругов, спецслужб и антисоветски настроенных элементов, предусматривала ряд политических и экономических санкций против СССР в связи с тем, что в нашей стране нарушаются-де «права человека».

сожалению, ослабли. Он снова сможет потребовать тогда запрета на поставки советским предприятиям американского оборудования и технологии. Вы не представляете там, дружок, насколько это важно сегодня. Да поможет вам бог!»

Рубин, что и говорить, честно отработывал свои тридцать сребреников.

После его писем последовали настойчивые расспросы Пресела: как дела со списками? Это стало последней каплей, переполнившей чашу терпения Липавского. Наступило окончательное прозрение.

Решительно порвав с преступной компанией, он обратился с открытым письмом в Президиум Верховного Совета СССР (копии — в конгресс США и ООН), которое было опубликовано в газете «Известия». Он писал:

«...Располагая неопровержимыми фактами и документальным материалом, я хотел бы внести определенную ясность в то, как стараниями американских разведывательных органов и зарубежных сионистских организаций направляется в русло подрывной работы против СССР деятельность разномастных «иннакомыслящих», выдаваемых за рубежом в качестве поборников за «права человека...»

Что касается моего обращения в конгресс США, то я просил бы его еще раз разобраться, почему ЦРУ в ущерб интересам народов США и СССР дезинформирует свое правительство, почему оно служит грязному делу разжигания вражды между народами, почему оно опирается на отщепенцев, выдавая их за героев...

Я обращаюсь также в Организацию Объединенных Наций с призывом не дать себя обмануть. Вопрос о гражданских правах, о правах человека не может смешиваться со справедливой карой в отношении предателей и, по существу, уголовных преступников.

Я обращаюсь в Президиум Верховного Совета СССР с настоящим заявлением, чтобы выполнить свой гражданский долг и передать имеющийся у меня документальный материал по вопросам, изложенным в настоящем письме.

Мы специально столь подробно проследили последовательность событий, назвали подлинные имена и процитировали диалоги: чтобы яснее была видна роль американских «аранжировщиков» в «тихой дипломатии».

Уже на протяжении долгого времени западная пропаганда занимается неприбыльным и неблагодарным делом: людям, нарушившим советские законы, то есть уголовным преступникам, в срочном порядке создает репутацию «борцов за права человека», приклеивает ярлыки «поборников выполнения Хельсинкского соглашения», после чего в эфире начинается новый всплеск истеричной кампании, направленной против нашей страны.

Если заглянуть во многие западные газеты и журналы или настроить приемник на волны, забитые иноземными «голосами», создается впечатление, что для них «новость номер один» — это приговор какому-либо уголовнику.

Удивительно ли, что антисоветчики Запада и субсидирующие их разведки в своем антисоветском раже ставят себя в смешное положение. Стоит им прослышать о привлечении к ответственности в СССР очередного «борца за права», как его тут же «усыновляют» влиятельные сенаторы, а послушная пресса подрисовывает ему нимб «страдальца за идею». Долгое время в качестве «пострадавшего от Советов ученого» получал на Западе гонорары и командировочные некий Буковский, высланный из нашей страны уголовник-рецидивист. С ним носились по всем странам Европы как с представителем «бунтующей советской молодежи», его подсовывали на приемах знатым европейским вельможам и американским сановникам. Те покровительственно похлопывали его по плечу и «одобряли» «бесстрашную деятельность на ниве защиты человеческих прав».

Каких прав? Не тех ли, о которых разглагольствовал не закончивший первого курса вуза студент среди подобных себе шалопаев, когда ему не удалось пробиться в комсомольские вожак, ибо окружающие быстро раскусили продажную душонку этого несостоявшегося «лидера».

Возомнив себя «новым Бакуниным», недоучка Буковский решил свергать Советскую власть с помощью нескольких замороченных им молокососов. Свергать по всем правилам терроризма. Раздобыв огнестрельное оружие, он даже начал в подмосковном лесу учить свою «группу», как это делается на практике.

Парадоксально, но факт: некоторые лидеры западных

стран, шумевшие о мнимой причастности нашей страны к международному терроризму, под давлением сионистов раскрыли объятия бандиту и взяли его на полный кошт, пополнив ряды доморощенных анархистов и заезжих убийц. Им явно импонировали призывы «человека оттуда» уничтожить СССР и обрушить на него все «кары небесные и земные», поскольку речь шла о «красных». А то, что их «подопечный» совсем недавно проповедовал крайний антисемитизм, покровители постарались «забыть». Теперь ему диктовали, что надо, а что не надо провозглашать с трибун, на которые его вытаскивали как «представителя советской молодежи». В той же ипостаси весной 1985 года Буковского командировали на Ямайку, на так называемую «конференцию молодежи свободного мира», делегаты которой тщательно просеивались сквозь фильтры ЦРУ и ФБР. С треском провалившееся провокационное шоу с участием антиникарагуанских «контрас», антиафганских «муджахетдинов» и прочей нечисти, похоже, стало и началом заката карьеры провокатора Буковского. Даже на этом сборище оказалось немало людей, которые освистали его за любовные серенады режимам Пиночета и Стресснера и расистские лозунги с явным сионистским душком.

Прошло совсем немного времени после «альтернативного фестиваля» на Ямайке, а все внимание сионистских кругов переключилось на Оттаву.

Незадолго до открытия в канадской столице встречи экспертов по правам человека из 35 стран — участниц совещания в Хельсинки сионисты, американская пресса и «радиоголоса» вновь затеяли крикливую разнузданную антисоветскую шумиху. На этот раз «в защиту Щаранского». Настырность и беззастенчивая ложь, которыми постоянно сопровождаются злобные выпады сионистов против СССР, их неумное желание выставить в роли «правозащитников» любого уголовника вызвали возмущение даже среди видных общественных деятелей Соединенных Штатов. Как писал в газету «Известия» гражданин этой страны Сэмюэль Аронофф, сионисты делают все, чтобы скрыть от общественности США главное: Щаранский осужден в СССР вовсе не за «гуманные цели его правозащитной деятельности», а за то, что работал на американскую разведку. То есть за измену Родине в форме шпионажа. Это жестоко карается в любом государстве. И прежде всего — в самой Америке.

К сожалению, отмечал Аронофф, многие из людей, втянутых сионистами в «защиту Щаранского», не знают фактов и документов, представленных следствием народному суду, вынесшему справедливый приговор предателю. «Я уверен,— пишет он,— что, получив истинную информацию о Щаранском и ему подобных, многие американские деятели науки и культуры придут к убеждению, что их дезинформировали и намеренно вводили в заблуждение».

Истина эта изложена в официальных документах уголовного дела шпиона, и заключается она в том, что Щаранский, получив временно отказ в выезде из СССР, занялся сбором секретных сведений для иностранной разведки. Поддерживая связь с агентом одной из западных спецслужб, он неоднократно помогал ему в проведении встреч с советскими учеными и специалистами, располагающими секретными сведениями. Причем устраивал эти встречи так, что тем и в голову не приходило, что они поднимают тосты «за дружбу и сотрудничество двух стран» с... заморским шпионом. Сам Щаранский не раз оберегал безопасность своего «шефа» из разведки, стоя, по его же словам, «на шухере» в подъезде дома, куда он приводил на «ланч с журналистом» своих доверчивых знакомых.

Когда этого шпиона задержали с поличным при попытке завладеть служебными документами одного из ученых, занятого проблемами парапсихологии, сионисты и их платная агентура в западной печати устроили визгливую истерию по поводу «затруднений», якобы чинимых властями в «области обмена научными данными в безобидных областях знаний». Но дело в том, что и устроителям шумихи, и властям, схватившим шпиона за руку, было доподлинно известно, что Пентагон и Центральное разведывательное управление уже долгие годы упорно работают над проектами использования достижений парапсихологии во враждебных человечеству целях. Это задним числом признал один из бывших директоров ЦРУ, заявив, что американская разведка проявляет особую заботу о получении сведений об исследованиях данной проблемы за рубежом. Так что все возмущения сионистов насчет «безобидных областей знаний» не что иное, как шулерское передергивание карт. Им было явно не по себе, что репутация провалившегося шпиона компрометирует их «активиста», хитроумно рядившегося с

помощью своих хозяев из ЦРУ в тогу «правозащитника».

Но и это еще не все. Как документально установило следствие, Щаранский составил 17 тысяч досье, выведывая информацию у знакомых и опрашивая тех, кому было отказано в выезде в Израиль по соображениям безопасности государства, о предприятиях оборонной промышленности, на которых те работали, об их руководителях, выпускаемой продукции, ведомственной принадлежности, расположении, условных наименованиях.

При обыске у Щаранского было изъято письмо агента иностранной разведки с подробным перечнем вопросов шпионского характера, служившее инструкцией по сбору советских секретов.

Можно понять заблуждение людей, втянутых в очередную аферу сионистов. Но ведь инспираторам шумихи отлично известен «криминал Щаранского». Тогда, следуя их логике, вполне правомерно предположить, что, устраивая антисоветскую вакханалию по поводу справедливого наказания предателя и шпиона, они нисколько не озабочены тем, что сами предстают в глазах общественности, как говорится, с открытым забралом — в роли таких же, как их подзащитный, «активистов» заморского шпионского ведомства, а их «благородное негодование» выглядит не чем иным, как очередным политическим стриптизом сионизма.

До того ли можно докатиться в антисоветском экстазе! Недавно стало известно, что сионистское лобби в уважаемой международной писательской организации «Пен-клуб» включило в число кандидатов на Нобелевскую премию никому до сих пор не известного своим литературным творчеством советского гражданина Пяткуса. Посрамленный своим «дремучим невежеством», автор этих строк постарался восполнить свой «пробел». Первая же полученная справка гласила: «Пяткус Викторас, сын Антонаса, 1930 года рождения, в 1978 году осужден по статьям УК Литовской ССР за мужеложство и вовлечение несовершеннолетних в преступную деятельность».

Ничего не скажешь, достойный кандидат в нобелевские лауреаты! Тоже ведь «правозащитник» по западным меркам, боровшийся на самом деле за право духовно и физически растлевать юные души и тела.

Как-то в Швейцарии появилась брошюра «ЦРУ ин-

терпресс», написанная семью иностранными журналистами. В ней были списки платных агентов ЦРУ, работающих в западной прессе: 450 журналистов и обозревателей, 450 отравленных перьев, ежедневно пишущих о «правах человека» и «положении евреев в СССР». Чернила им, как достоверно доказано, поставляют американская разведка и тесно сотрудничающие с ней сионистские организации. Огромный хор, сводный оркестр, где каждому инструменту предписана своя партия.

Случайно ли, что в этом списке оказались имена корреспондентов «Ньюсуик» Альфреда Френдли, Ассошиэтед Пресс Джорджа Кримски и «Лос-Анджелес таймс» Роберта Тота, которые в своих редакциях слыли за «гуманистов» и лицемерно лили чернильные слезы по поводу «преследуемых» и «гонимых», но затем были неопровержимо изобличены в банальном шпионаже и выдворены из СССР!

Любопытна в этой связи карьера Френдли, очень напоминающая «взлет» по служебной лестнице уже знакомого нам Мэлвина Левицки. К чести журнала, двуликому корреспонденту указали на дверь. Однако его тут же охотно подобрала так называемая «Комиссия Фэссела», или иначе «Комиссия конгресса по безопасности и сотрудничеству в Европе», специально созданная команда политических провокаторов, которая вместо защиты собственных граждан от вопиющих притеснений властей взялась следить за выполнением Хельсинкских соглашений... в СССР и других социалистических государствах. Изобличенный в Москве шпион и идеологический диверсант Френдли занял в ней пост «директора департамента», в чью задачу входит организация крикливых кампаний по поводу якобы имеющих в нашей стране нарушений прав человека. И никого не смущает его подмоченная репутация: прагматичные боссы американской политики понимают, что грязные дела никогда еще не делались чистыми руками!

Дезинформация, откровенная фальшь, подстройка под позитивные процессы и маскировка истинных целей стали главными рычагами, которыми манипулируют в антисоветских кампаниях идеологические центры и спецслужбы стран НАТО.

26 июня 1985 года Московский городской суд рассмотрел дело по обвинению некоего Дмитрия Шапиро в распространении заведомо ложных измышлений, поро-

чащих советский государственный и общественный строй (ст. 190, часть 1 УК РСФСР). Да, того самого Шапиро, «в защиту» которого сионисты на Западе развязали громкую пропагандистскую кампанию. Они утверждали, будто Шапиро оказался жертвой судебного произвола, будто он арестован только за то, что преподавал частным порядком древнееврейский язык. Самозванные «адвокаты» сумели привлечь к этой кампании ряд высокопоставленных государственных деятелей. Но, как всегда, очередная инсинуация сионистов лопнула с оглушительным треском, сконфузив тех, кого сионистам удалось обмануть и втянуть в свою неприглядную аферу.

Шапиро подтвердил на суде неопровержимость всех представленных доказательств его преступной деятельности, полностью признал свою вину, выразил глубокое раскаяние в содеянном и заверил суд, что впредь никогда не допустит антисоветских действий.

Об истинной вине Шапиро лучше всего говорит его собственное заявление, подготовленное для широкой общественности. В нем он признает, что в последние годы под влиянием сионистской пропаганды изготавливал и распространял клеветнические документы, извращавшие национальную политику Советского государства и дискредитировавшие деятельность правоохранительных органов. Проповедуя «исключительность евреев», он и его единомышленники сочиняли «доказательства» наличия в СССР антисемитизма, призывали к выезду в Израиль всех советских граждан еврейской национальности.

Шапиро назвал своих знакомых — Фульмахта, Кошаровского, Хасину, Эдельштейна, братьев Холмянских, которые встречались с приезжающими в страну представителями зарубежных сионистских организаций; рассказал, как на квартире Брохиной вместе с Хазанкиным, Харахом, Брискиным, Зелькиным, Бродским они составляли всевозможные «обращения к Западу» с просьбой оградить советских евреев «от преследований» и даже спасти их от «уничтожения». По словам Шапиро, деятельность этих лиц диктовалась в первую очередь меркантильными интересами. Подталкивая других к различного рода антиобщественным акциям, провоцируя людей на выезд в Израиль, они были уверены в том, что эти действия будут щедро оплачены зарубежными подачками и твердой валютой. Так рождались инсинуации о якобы бедственном положении в СССР лиц еврейской на-

циональности, «основываясь» на которых в США, Израиле и других капиталистических странах начинались шумные антисоветские кампании.

Шапиро представил подробные сведения о зарубежных «благодетелях», подталкивавших названных им лиц к противоправным действиям. По его свидетельству, особый интерес к клеветническим обращениям и бредовым вымыслам проявляли сотрудники посольства США, Англии, Голландии, в частности Эдмунд Маквильямс, Дебора Барнс, Антон Схеллекенс. Последний лично вручал советским гражданам так называемые сертификаты о приеме в гражданство Израиля и вызовы от несуществующих за рубежом родственников. Его ближайшими помощниками в этих провокациях были москвич Прайсман и ленинградец Городецкий.

В апреле 1984 года эмиссар Гафни, прибыв в Советский Союз по заданию «русского отдела» МИД Израиля, инструктировал окружение Шапиро следующим образом: «Нам, то есть Израилю, нужны конкретные действия, подтверждающие, что все евреи хотят уехать из СССР, что советские власти репрессируют их и что все евреи должны быть готовы идти на риск и жертвы, которые свидетельствовали бы, как плохо им живется в СССР».

Аналогичные требования звучали также из уст Монники Фриед, приехавшей в нашу страну на международный геологический конгресс в составе израильской делегации, и израильских посланцев Хасии Бошвиц, Раймона Кемпфера и Сары Кунин. Шапиро назвал ряд иностранных корреспондентов, аккредитованных в Москве, которые откровенно провоцировали его и других граждан на явную клевету о положении евреев в СССР. Особенно падкими на заведомую дезинформацию оказались Миллар из агентства Рейтер, Драгович из агентства Франс Пресс и Шмеман из «Нью-Йорк таймс».

В своем заявлении Шапиро предостерег бывших друзей от антисоветской деятельности и призвал их отказаться от погони за скандальной известностью, сиюминутной материальной выгоды, основанной на лжи.

С учетом чистосердечного раскаяния Шапиро суд вынес решение освободить его из-под стражи и ограничиться условным наказанием.

Когда наше общество бывает вынуждено прибегнуть к мерам социальной самозащиты от сумасбродов типа Буковского, каждый раз представляются неопровержи-

мые доказательства их вины, которыми и руководствуется суд. Однако, если западной пропаганде необходим очередной статист на роль «блюстителя Хельсинкского соглашения», из уголовного преступника делают «общественного деятеля» большого калибра. «Деятельность» эта — чаще всего шпионаж, антисоветская агитация и пропаганда, оплаченные из фондов иностранных разведок.

Соединенные Штаты любят кичиться своей пресловутой демократией. И обитатели Белого дома, и средства массовой информации, да и руководители спецслужб не упускают случая лишний раз заявить миру, что в США-де «свято» соблюдаются права человека, что каждый человек там волен совершать любые поступки. «Американский эталон демократии» всячески стараются сделать предметом «экспорта» в другие страны, прежде всего, конечно, в социалистические: выдать его за «образчик» для подражания. Однако действительное положение дел в области прав и свобод американских граждан решительным образом отличается от рекламируемого.

Обратимся к объемистому своду законов Соединенных Штатов и возьмем из него лишь несколько параграфов. Их сухие, тщательно взвешенные формулировки резко контрастируют с эмоциональными заявлениями Вашингтона. Параграф № 2385 именуется так: «Содействие с целью свержения правительства». И гласит (цитируем дословно): «Лицо, которое с целью свержения или уничтожения правительства США или правительства какого-либо из штатов печатает, публикует, редактирует, издает, продает, распределяет или публично распространяет печатные или письменные материалы, которые содержат советы или внушают обязанность, необходимость, желательность и правильность свержения или уничтожения таких правительств; или лицо, которое организует либо помогает организовать общество, группу, или сообщество лиц, занятых обучением, содействием или поощрением действий по насильственному свержению либо уничтожению какого-либо из указанных правительств; или лицо, которое вступает в члены (является членом) такого общества, группы и т. д., зная цели, ради которых эти объединения созданы, наказывается штрафом в размере не более 20 тысяч долларов или тюремным заключением на срок не более 20 лет, или тем и другим вместе».

Плюс ко всему этой же статьей предусмотрено, помимо указанных мер, лишение на 5 лет права занимать государственные должности после отбытия тюремного заключения.

Таковы нормы американского правосудия. Но почему тогда Соединенные Штаты, защищая свое, буржуазное, общество от правонарушений, считают вправе требовать свободы рук для преступников в социалистических государствах?

В США за пасквильанство, сколачивание террористических группировок и уж тем более за шпионаж карают. И по всей строгости. За эти же преступления наказывают и в социалистических странах. Так при чем же здесь «попранные права человека»?

Истинная свобода и демократия не знают двойных стандартов.

Серьезное наказание предусмотрено и параграфом № 4 свода законов США — «Подстрекательство к восстанию или мятежу»:

«Лицо, которое подстрекает, организует, содействует или участвует в каком-либо восстании или мятеже против властей Соединенных Штатов или их законов, либо помогает или одобряет таковое, наказывается тюремным заключением сроком до 10 лет или штрафом до 10000 долларов, либо тем и другим, а также лишается права работать в правительственных учреждениях».

Все сказано четко и понятно: «Лицо, которое подстрекает, организует, содействует...» На каком же основании Вашингтон предъявляет тогда какие-либо «претензии» к социалистическим странам? Может быть, на том, что в них законы стоят на страже завоеваний народа, а законы буржуазного государства охраняют правящую элиту?

Серьезное наказание предусмотрено параграфом № 5 — «Преступная переписка с иностранными правительствами: «Любой гражданин США, фактически проживающий или получивший право на жительство в стране, либо в любом другом месте, на которое распространяется юрисдикция США, без разрешения или полномочий правительства по устному или письменному соглашению прямо или косвенно начавший или ведущий переписку или контактирующий с каким-либо правительством, официальным представителем или агентом соответствующей страны с целью оказать влияние на действие

или позицию иностранного правительства, представителя или агента данной страны в любых спорах или дискуссиях с Соединенными Штатами, либо противодействующий мероприятиям правительства США; лицо, являющееся гражданином или постоянно проживающее в США, или ином месте, на которое распространяется юрисдикция США, не имея надлежащих полномочий дающее рекомендации и предложения или содействующее подобной переписке в указанных выше целях, подвергается штрафу в размере до 4000 долларов и тюремному заключению до 3 лет».

Наивно полагать, будто эти параграфы свода американских законов неведомы устроителям провокационных кампаний, ратующих за «свободы» в нашей стране. Просто «первые скрипки» в антисоветской какофонии давно приучены к двойным меркам. Одну — сладкую музыку — они проигрывают для внутренней аудитории, другую, где лейтмотив выводят походные трубы и барабаны, — для «внешней» публики. То есть для нас с вами. Так по-разному считают одни и те же ноты исполнители музыки «на заказ».

СОЛИСТЫ И СТАТИСТЫ...

В последнее время не затихают истошные вопли западной прессы о якобы чинимых в СССР преследованиях так называемой «группы доверия». Миру навязывается мысль, будто бы в нашей стране третируют и «зажимают» добрых и честных людей, выступающих за сближение Советского Союза с Соединенными Штатами Америки. Так в свое время шумели на Западе по поводу пресловутой «хельсинкской группы», оказавшейся на деле рассадником антисоветчиков и агентов ЦРУ. Словно пауки в банке, дрались между собой ее главари за пособия из-за океана, «пожертвования» и прочие подачки отнюдь не филантропических зарубежных ведомств и организаций. Теперь же сформированную не без подсказки спецслужб кучку людей, озабоченных лишь выездом за границу, хотят выставить перед общественностью «борцами за мир и укрепление доверия между народами», которых преследуют «милитаристские политики и военные, угрожающие всему миру и безопасности Америки»...

Партию «первых скрипок» в этой назойливой мело-

дии ведут радиостанции «Свобода», «Свободная Европа» и «Голос Америки». Последняя, как известно, согласно своему статусу, призвана нести миру правду о жизни в Соединенных Штатах. Правда эта, если говорить о движении за мир и его борцах, или, как их именуют в Америке, пацифистах, такова. Как стало известно из полицейских документов, оказавшихся в руках чикагского адвоката Р. Гатмэна, в штате Иллинойс, к примеру, действует специальное подразделение для неусыпной слежки за участниками антивоенных выступлений, прослушивания их телефонных разговоров, вскрытия почтовой корреспонденции, наблюдения за квартирами деятелей движения за мир. Этот секретный отдел местного полицейского управления именуется «красным взводом». На одном из ставших достоянием гласности донесений полиции есть лаконичная резолюция начальства: «Организация должна быть уничтожена!»

Документы, добытые адвокатом, проливают свет не только на деятельность чикагской полиции, но и на существование в Соединенных Штатах общенациональной системы преследования сторонников мира. Так, чикагская охранка делилась своими сведениями о пацифистах более чем со 150 федеральными и местными сыскными ведомствами, а ее информация служила для фабрикация ложных обвинений против активистов движения, чтобы упрятать их за решетку.

Доказательства широкомасштабной слежки за участниками антивоенных выступлений в Великобритании представила правительству организация «Движение за ядерное разоружение и Совет защиты гражданских свобод». Это неопровержимые свидетельства «тайных операций» спецслужб против многих людей, выступающих против милитаризма. Стало известно, что большинством таких провокаций занимается специально созданный недавно отдел «К 42» в правительственном коммуникационном центре в Челтнеме. Как подчеркнула председатель массовой организации сторонников мира Джоан Раддок, спецслужбы особенно нагло действуют во время подготовки манифестаций у американских военных баз. Она прямо обвинила правительство в грубейшем нарушении демократических прав и свобод, гарантированных конституцией.

В крупный политический скандал вылилось разоблачение лживых утверждений представителей высшей ад-

министрации Голландии о том, что движение за мир будто не является объектом наблюдения государственных спецслужб. В этом заверяли общественность два сменявших друг друга министра внутренних дел. Однако членам второй палаты от пацифистской социалистической партии Ф. Ван дер Спеку и А. Ван Эсу стало известно, что слежка приняла в стране повальный характер, а соответствующие инструкции спецслужб охватывают столь широкие категории граждан, подлежащих наблюдению, что позволяют подозревать в «опасной для государства» деятельности едва ли не каждого голландца. В одном из документов, добытых антивоенной организацией, перечислено около 59 организаций, попадающих под наблюдение,— от Компартии Нидерландов до Межцерковного совета мира.

Впервые в истории датской фемиды на скамье подсудимых оказались сторонники мира, обвиненные в «незаконном нахождении на территории военного объекта». Судебные власти города Витборга наложили штраф на 37 женщин, встревоженных строительством подземного бункера для штаба НАТО в зоне балтийских проливов.

Стремительно нарастает кампания расправ с активистами антивоенного движения в Западной Германии. С помощью реакционной прессы их пытаются ошельмовать как «преступников» и «анархистов». В ход пущен застарелый тезис «о руке Москвы», впервые родившийся, как известно, в недрах американских ЦРУ, ФБР и ЮСИА. В ходе судебных процессов сторонникам мира предъявляются стандартные обвинения в «нарушении общественного порядка», на них налагаются огромные денежные штрафы, их заносят в «черные списки», именую «неблагонадежными элементами». В Мутлангене, Битбурге, Фульде и ряде других мест действует настоящий «судебный конвейер». В Ланштуле, например, слушалось «дело» о почти 300 противниках натовского «довооружения». На скамью подсудимых в ФРГ уже брошено в общей сложности более тысячи участников антивоенных акций. Вытащено на свет досье на Дитера Шеффмана, члена координационного комитета и исполкома западногерманского движения сторонников мира. Он привлечен к суду за участие в манифестации 21 ноября 1983 года, когда бундестаг дебатировал вопрос об открытии доступа на территорию ФРГ американским ракетам. Старое «дело» появилось не случайно. В лице

Шеффмана официальный Бонн намеревается «проучить» руководство антиядерного движения общественности страны.

Беспрецедентную по своему произволу акцию учинили и власти земли Рейнланд-Пфальц, посадив на скамью подсудимых депутата бундестага от партии «зеленых» Роланда Фогта, пользующегося парламентской неприкосновенностью. Он приговорен к уплате денежного штрафа и к «компенсации» всех судебных издержек по его «делу». Тщательно скоординированную кампанию против борцов за мир ведут власти в земле Баден-Вюртемберг, где впервые появились американские «першинги». Здесь данные на всех участников манифестаций регистрируются в уголовной полиции, а затем передаются федеральному ведомству по охране конституции. Политическая охранка выясняет убеждения этих людей и берет их под неусыпное наблюдение, фабрикуя одновременно «материалы» для последующего уголовного преследования.

Запугать сторонников мира, выставить их в роли преступников, сбить нарастающую волну выступлений — таковы главные цели судебных расправ. Для этого власти стран НАТО не брезгают никакими средствами. Повседневной практикой спецслужб стали инсинуации, фальшивки, провокации против антивоенных активистов. В массовые организации в широком масштабе внедряются осведомители и специальные провокаторы. Громким скандалом обернулось разоблачение в Голландии в мае 1984 года такого провокатора. Как вынужден был признать глава голландской контрразведки Петер де Хаан, некто Джон Гардинер, засланный в пацифистские организации американским Агентством национальной безопасности (АНБ), оказывал платные услуги двум хозяевам. Этот провокатор по заданию АНБ США и при содействии агентов голландской спецслужбы выкрал боевые снаряды с бельгийской военной базы, создавая тем самым почву для обвинения пацифистов в «явно террористических намерениях». Эту свою «хрустальную мечту» спецслужбы НАТО пытаются осуществить уже на протяжении ряда лет. В последние годы внедрение провокаторов в пацифистское движение отмечено и в Италии, где, как неопровержимо доказано, спецслужбы находятся в полном подчинении ЦРУ.

Когда знакомишься с этими сообщениями, первое, что приходит на ум: как же так, у себя на Западе власти безжалостно расправляются с лицами и организациями движения за мир и взаимопонимание между народами, бросают за решетку участников мирных демонстраций, засылают в их ряды провокаторов, создающих предлоги для уголовного преследования настоящих борцов за мир, обрушивают на пацифистов в своих странах драконовские штрафы, локауты и прочие меры давления и при всем этом вдруг так трогательно заботятся о «группе советских пацифистов», назвавшей себя «группой доверия»?

Недоумение сразу же исчезнет, стоит лишь поближе, так сказать, изнутри, познакомиться с нею.

5 апреля 1984 года иностранные журналисты в Москве получили специально направленный им для западной прессы текст заявления одного из самых активных в прошлом членов этой «группы». Прежде его слова они подхватывали буквально на лету и неслись к телеэкранам, чтобы отстучать в свои редакции очередное «сенсационное» сообщение из СССР. На сей раз куда бежать не требовалось: личное письмо активиста «группы» пришло в бюро Рейтер, ЮПИ и Франс Пресс. Но ни одно из этих телеграфных агентств не удосужилось передать хотя бы одну строку из этого письма. Может быть, иностранные корреспонденты наконец вспомнили о журналистской этике, устыдились своей оголтелой тенденциозности и вознамерились давать лишь объективную, проверенную информацию? Ксати, для проверки им были предоставлены все возможности: автор указал в конце письма, как с ним можно связаться по телефону, если возникнут вопросы.

Никто из корреспондентов не позвонил. Словно не было никакого письма.

Человек, который стоял у истоков создания «группы доверия», прошел нелегкий путь прозрения. Честная, не отягощенная субъективизмом оценка деятельности «группы» вызвала переворот в сознании. Он на собственном опыте убедился в лицемерии, лживости, корыстности вошедших в «группу» людей, увидел воочию, что кроме сугубо шкурных интересов нет у них за душой ничего святого. Он решительно порвал с этим «клубком жиреющих пауков», о чем уведомил их официально, письмом.

Имя этого человека — Олег Радзинский.

13 октября 1983 года он был осужден Московским городским судом за антисоветскую агитацию и пропаганду. И тут же его имя зазвучало на коротких и средних радиоволнах. В защиту «видного советского пацифиста», как в то время именовал его «Голос Америки», выступил сам президент Рейган.

Так что же писал иностранным журналистам Олег Радзинский?

«Господа,

Необходимость восстановить правду заставляет меня выступить с публичным заявлением в виде Открытого письма президенту США Рейгану. Поскольку в настоящее время я нахожусь в отдаленной ссылке и не имею возможности довести данный документ до сведения общественности лично, то я прошу ваше агентство быть посредником как между мною и адресатом, так и между мною и широкими слоями западной публики. Кроме того, обратиться к вам меня заставляет та роль, которую играло ваше агентство в освещении моего дела.

Я думаю, восстановление истины — долг любого органа массовой информации, тем более такого влиятельного, как ваш.

Приложенное Открытое письмо датировано мною 25 ноября 1983 года, то есть тем днем, когда вы предположительно получите его в Москве.

21 ноября 1983 года

Олег Радзинский».

Человек еще верил в профессиональную честность тех, кто совсем недавно ходил за ним по пятам и клялся в «вечной дружбе». Он обманулся. Честность у наемных перьев искать наивно.

Но письмо Радзинского тем не менее ушло. Его вынули из своих московских почтовых ящиков корреспонденты ЮПИ, Рейтер и Франс Пресс. Вот оно:

«Открытое письмо президенту США Рональду Рейгану

Господин Президент!

Мне стало известно, что в одном из своих недавних выступлений Вы высказались в мою защиту, придав своим словам следующий смысл: «Как же можно доверять русским, если они сажают в тюрьму борцов за мир!», после чего привели мое дело в качестве приме-

ра. В связи с этим я, Олег Радзинский, считаю своим нравственным и гражданским долгом заявить:

Я был осужден не за борьбу за мир, а за конкретные деяния, преступный характер которых я частично признаю и считаю себя в этом виновным. Но ни то, в чем я признаю себя виновным, ни даже то, в чем я себя виновным не признаю, не имеет никакого отношения к борьбе за мир: ни следствие, ни суд ни разу, подчеркиваю, ни разу, не упомянули о моем членстве и участии в деятельности московской «группы доверия». А Вы, господин Президент, представляете все дело таким образом, будто меня осудили именно как сторонника мира и доверия. Это ложь, что отвратительно само по себе. Но, кроме того, это ложь, исходящая из уст Президента великой державы. И в этом качестве она приобретает характер официальной точки зрения, которая формирует общественное мнение в Вашей стране, которая obtачивает сознание миллионов людей и закрепляется в виде некоего постулата: в СССР преследуют сторонников мира, поэтому мирным инициативам Советского Союза нельзя верить. Стало быть, следует вооружаться. И американский налогоплательщик, скрепя сердце, принимает чудовищный военный бюджет как нечто должное: иначе нельзя, ведь советский «агрессор» завоюет нашу страну и установит в ней свой порядок... И естественный протест миллионов людей в Западной Европе против размещения американских ракет приобретает несколько странную окраску: «Да это же наивные люди, которые не понимают, что в Советском Союзе не хотят мира,— там (вот ужас!) сажают в тюрьму сторонников доверия между народами».

Я убежден, что мой долг как христианина остановить ложь и обман. Я убежден, что мой долг как гражданина всячески способствовать установлению истины и мира на земле. Я убежден, что мой долг как сторонника доверия между народами наших стран не позволить Вам спекулировать на этой идее и пытаться обратить частный случай в некий принцип отношения Советских властей к проблемам мира и доверия.

Никто не имеет права превращать дело доверия в дело недоверия, как это пытаетесь сделать Вы, господин Президент. Используя мое имя, Вы стараетесь найти еще один предлог для размещения ракет на Европейском континенте. Да как Вы, лично Вы, можете за-

являть о репрессиях против борцов за мир в СССР, когда Вы, поправ волю миллионов людей в собственной стране и Западной Европе, превращаете наш континент в склад оружия, а жителей этого континента в заложников. Вас не останавливают многотысячные демонстрации сторонников мира на Западе и Востоке нашей планеты. Вы, так любящий кричать о демократии и воле народов, унизили демократию в своей стране, добившись производства ракет «МХ», хотя американские сторонники мира единодушно были против этого, Вы оскорбили демократию в странах Западной Европы, фактически принудив правительства этих стран согласиться на размещение Ваших ракет, несмотря на протест всего населения. Вы не хотите отвечать на реальные советские предложения о сокращении вооружений в Европе, хотя такие предложения постоянно исходят от нашего государства.

Так кому же нельзя доверять: Вам и Вашей администрации или Советскому правительству?

Так кто же не хочет мира?

Ответ абсолютно однозначен, и его уже дали сторонники мира во всем мире: в самой Америке, блокируя лабораторию по производству ядерного оружия; в Италии, протестуя против размещения ракет в Комизо; в Англии, организуя палаточный лагерь протеста в Гринэм-Коммон; в ФРГ, где американские базы окружают десятки тысяч людей с требованием прекратить размещение американских ракет в стране, с территории которой дважды развязывались мировые войны. Я присоединяюсь к мнению миллионов людей доброй воли: доверять нельзя Вам.

Уровень недоброжелательства между правительствами наших стран велик, господин Президент. Это вызвано многими факторами, причем решающими (я убежден в этом) являются действия нынешней американской администрации. Вы же пытаетесь трансформировать недоверие между народами, оклеветав мою страну. Этого я поддержать и допустить не могу никак. И поэтому я категорически запрещаю Вам или кому-либо другому использовать мое имя как повод для разжигания недоверия, использовать с провокационной целью.

Я — за доверие между нашими народами.

Вы — против.

Советские власти осудили меня за конкретные противоправные действия. Есть определенные вещи, в мнении о которых я расхожусь с официальной точкой зрения, принятой в нашей стране. Но никогда мое личное положение или обида не заставят меня забыть о главном на земле: о мире. Никогда вынесенное мне наказание не будет для меня поводом молчать о правде, независимо от того, кому я ее должен высказать. И я высказываю ее открыто и публично, как делал это всегда: Вы пытаетесь обмануть людей, распространяясь о репрессиях против советских сторонников мира. И если у Вас есть элементарные представления о чести и совести, то Вы публично, так же, как и я, заявите, что ошиблись, приведя меня в качестве примера пострадавшего защитника доверия. Я таковым не являюсь. Господь Бог доверил нам, людям, землю. Чтобы выжить на ней, мы должны доверять друг другу. А того, кто пытается сеять недоверие, господь покарает, превратив его имя в символ врага человечества и человечности.

25 ноября 1983 года

Олег Радзинский».

Те, кому адресовалось это письмо и на чью помощь в его публикации так надеялся Радзинский, трусливо молчали. Они хорошо понимали, что даже выхолащенные, как это умеют делать в западной прессе, краткие сообщения о случившемся вбивали бы осиновый кол в старательно соорудившуюся сионистами и ЦРУ провокационную затею с «группой доверия».

Молчали они и о втором письме, которое направил Радзинский своим бывшим единомышленникам. Вот что было в этом «крамольном» для западной пропаганды письме:

«Не очень-то веря в действие этого письма, все же я взялся за него, ибо есть понятие надличностного долга и от этого нам никуда не уйти. Ведь способствовать движению истины — непреложный нравственный императив для любого человека.

Это мое последнее обращение к вам, и несмотря на весь скептицизм, есть у меня толика надежды на ваше прозрение. На то, что вы очетесь, оглядитесь и увидите, во что давно уже вылилась вся деятельность «группы». Но страшнее для каждого — в кого эта деятельность превратила вас самих.

Анализ любой деятельности начинается, как извест-

но, с установления мотива. Все вы — нынешние члены «группы» — не участвовали в ее создании. Все вы пришли потом. Не участвовал в ее создании и я, хотя и называюсь теперь — «один из организаторов».

Я уже писал вам (тогда это было дружеское послание, ибо мне казалось — вы просто не понимаете, что творите и каковы последствия), но никто из вас не захотел объясниться со мной ни письменно, ни по телефону (я услышал лишь декларации, которые, вероятно, должны были показать вашу стойкость и твердость перед лицом «опасности»), ни лично (во время моего лечения в Москве). Я не стал настаивать; уж слишком все было накалено.

Уже после нашего телефонного разговора мне стало ясно, что вы не поняли мотивы моего обращения к Рейгану, изложенные в письме к вам, что вы не хотите их понять, вы просто не можете их понять, потому что после этого вам будет невозможно их не принять. А стало быть отступить от той мишуры, которая двигала вами все время и, к сожалению, продолжает двигать до сих пор...

Я считаю своим долгом выйти из «группы», потому что нести моральную ответственность за ваши действия и далее связывать свое имя с вами я не могу. Мне просто стыдно.

Всем ведь нам известно, что целью большинства участников «группы» был отъезд. И никто пока не отказался от него (несмотря на всю риторику). Островский, мне помнится, даже написал заявление в ОВИР с отказом от выезда, однако уехал, как только получил разрешение. Заниматься ради отъезда спекуляциями и приобретением политической известности (в первом письме я пытался помягче, но видно нельзя, не доходит) участвовать во лжи, причем приносящей вред, — увольте.

Да, меня посадили, кого-то уволили, кого-то обидели и т. д. Но борцов за мир — нет. Ибо «группа» к борьбе за мир не имеет никакого отношения. Я верю (хочу верить), что каждый из вас по отдельности — пацифист. Но все вы вместе — не пацифистская группа. Ибо цель — другая — не борьба за доверие. А желание эмигрировать.

Тех, кто создавал «группу», в Москве среди ее нынешних членов нет. Двое уехали, остальные вышли по

различным соображениям. Думается, что многие вышли из «группы», хотя и не заявляя это открыто, именно потому, что увидели, к чему свелась ее деятельность.

Я понимаю, очнуться трудно. Это красиво — видеть себя в роли преследуемого борца за святое дело. Магия слов, заявлений, шумихи, имитация общественной деятельности. Но, господи боже ж ты мой, какая это все поверхностная игра! Ведь есть сущностные, глубинные вещи, составляющие структуры души каждого порядочного человека: Честность, Ответственность, Долг. Ведь пора же понять, что ничего, кроме недоверия к нашей стране, деятельность «группы» не рождает.

Хоть раз подумайте о Мире. И о Доверии.

Потом будет поздно.

Р. С. Прилагаю копию своего официального заявления о выходе из «группы», посланного мною в информационные агентства.

5 апреля 1984 года

Олег Радзинский.

Вот оно, это приложение:

«ЮПИ, Рейтер, Франс Пресс,
«группе доверия»

Господа,

Считаю необходимым довести до вашего сведения, что я выхожу из московской «группы доверия» между СССР и США и прошу более не связывать мое имя с ее деятельностью, а также сообщить это пацифистским организациям. Мой выход из «группы» обусловлен принципиальными различиями во взглядах на проблемы мира и доверия между мной и нынешним составом «группы», моим несогласием с методами, используемыми членами «группы» в своей деятельности, методами, которые, как я считаю, определяются личными соображениями и политической конъюнктурой.

В этой связи я хотел бы серьезно предостеречь миролюбивую общественность Запада и Востока от доверия к московской «группе доверия».

5 апреля 1984 года

Олег Радзинский.

Письма Радзинского произвели впечатление взорвавшейся бомбы.

Ему сначала лицемерно сочувствовали, а затем приложили немало усилий, чтобы его скомпрометировать. О нем дружно заговорили как о человеке сломленном, сдавшемся, пошедшем «на поводу». Но вся трудность

положения изобличенных Радзинским лжецов заключалась в том, что на их пути стал человек сильной воли. Человек гордый и смелый. Отнюдь не изменив своим взглядам, он критически переоценил недостойные методы деятельности «группы», рассмотрел эгоизм, корыстолюбие, позерство и непомерные амбиции своих бывших коллег-«пацифистов». И вовсе не был сломлен или запуган. Он просто имел собственную точку зрения, собственную нравственную позицию. И излагал ее открыто, не гнусным шепотком за спиной, а громко, в лицо!

В шоке, растерянности, шепотом обсуждали сложившуюся ситуацию те, кого разоблачил Олег Радзинский. Теперь они уже прятались от тех иностранных журналистов, которые хотели докопаться до истины. Тогда один из наиболее любопытных корреспондентов направил Радзинскому письмо: дескать, извините, не поняли, нельзя ли растолковать еще раз...

Вот какой пришел ответ:

«Господа,

Вы написали мне, что интересуетесь причинами и мотивами, побудившими меня выйти из состава московской «группы доверия» между СССР и США. В своем официальном заявлении о выходе из «группы» от 5 апреля 1984 года я назвал эти причины: мое несогласие с методами, используемыми членами «группы» в своей деятельности, методами, которые, как я считаю, определяются личными соображениями и политической конъюнктурой.

Вам, вероятно, не совсем ясно, что имелось мною в виду под понятием «личные соображения» и «политическая конъюнктура», в чем и как это конкретно выражается.

Я дважды подробно излагал и мотивировал свою точку зрения в письмах к членам «группы» от 21 ноября 1983 года и от 5 апреля 1984 года (второе письмо было послано мною вместе с копией заявления о выходе из «группы»).

Самое простое, естественно, было бы адресовать вас к членам «группы», так как им эти мотивы хорошо известны и объяснены мною не один раз. Однако я не уверен, что у них хватит мужества ознакомить вас с моей точкой зрения, изложенной в письмах, обращенных к ним.

Несмотря на личный характер письма, в нем имеются

определенные моменты, которые делают его возможным для публикации (я имею в виду высказанную в нем позицию). Я также не вижу никаких препятствий к тому, чтобы с моим мнением, выраженным в этом письме, были ознакомлены любые заинтересованные представители общественности и прессы.

С уважением

28 мая 1984 года

Олег Радзинский.

Но и это письмо бесследно исчезло в досье московских контор ЮПИ, Рейтер и Франс Пресс. «Солистов» масштабной антисоветской шумихи явно смутила высокая тональность, неожиданно заданная одним из послушных, как им казалось, «статистов». Такая мелодия в партитуре для «голоса» с оркестром не была предусмотрена.

Все чаще «голоса» пускают «петуха». Не спасают их ни услуги костюмеров и декораторов, ни заранее заготовленные фонограммы и мощные электронные динамики-усилители.

Даже крупные финансовые инъекции, утвержденные конгрессом США «Голосу Америки» и его «подголоскам» на нужды «психологической войны», не приносят желаемого результата. Руководителям «оркестра» не удастся сформировать из отщепенцев, предателей и сионистских наемников «пятую колонну» в нашей стране. Их усилия приводят лишь к новым провалам американской разведки и центров идеологических диверсий. К прозрению тех, на кого они делают ставку, у кого хватает разума, гордости и гражданской смелости не только порвать с тайными и явными врагами нашего общества, но и посвятить свою дальнейшую жизнь разоблачению их шпионско-подрывной деятельности.

Виктор ПОНОМАРЕВ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Летом 1986 года миллионы жителей нашей страны и Соединенных Штатов Америки наблюдали захватывающий диалог между женщинами двух городов — Ленинграда и Бостона. Острые диспуты разгорелись по целому ряду вопросов, одним из которых был вопрос о евреях в Советском Союзе.

Со слов представительниц американской аудитории создалось впечатление, что в Америке, где 30 миллионов безработных, голодных, бездомных, где физически истреблены миллионы индейцев, где 10 миллионов негров страдают от расовой дискриминации,— в этой Америке нет более насущной проблемы, чем забота о советских евреях. При этом выяснилось, что все сведения об их «бедах» высосаны из пальца. Было явственно видно, что сионистская пропаганда затуманила головы и взвинтила американок. Под гипнозом фальшивок и дезинформации некоторые выступали буквально как лоббистки от сионизма. Они требовали отчета: почему с начала 80-х годов практически прекратился приток живой силы и пушечного мяса в Израиль? почему, на худой конец, советские евреи не едут в Америку?..

Советские участницы телемоста дали резкую отповедь всем наскокам. Смысл ее заключался в том, что советский народ един и евреи — его часть. Они равноправны и не нуждаются ни в чьей защите. А те, кто уехал, увидели собственными глазами всю правду о капиталистическом мире. «Узнали, как жить в вашем царстве», — так прямо и было сказано пожилой ленинградкой американкам. И это отрезвило многих.

Эволюцию взглядов одурманенных сионистской пропагандой евреев резюмировала американская общественная деятельница Флоренс Фокс, свидетельства которой

фигурируют в этой книге: «Разочарованные люди, видя, как их Родину поливают грязью в прессе, кино, по телевидению, в детских комиксах, начинают ощущать чувство вины за то, что предали свою страну, семью, друзей. В советские представительства потоком идут письма, умоляющие разрешить вернуться в СССР. Жизнь в условиях капитализма чужда тем, кто вырос в стране социализма. И вот приходит запоздалое осознание тех благ, которые им давала Советская Конституция и которые они воспринимали как должное».

«Разочарованные» не вызывают симпатий у тех, кому свято звание гражданина Страны Советов. Большинство из покидавших свое Отечество знали, на что идут. Уже больше десятилетия наша печать ведет рубрики: «Слезы обманутых», «Запоздалое прозрение», «Разбитые судьбы» и подобные этим. Так что нет недостатка в предостережениях.

«Говорят: ошибка, ошибка...— написал в еженедельник «Аргументы и факты» киевлянин Л. Чабанов.— Какая может быть ошибка? Их сто раз предупреждали. Они ведь и сейчас рвутся не на Родину, они просто поняли, что здесь лучше, снова ищут легкой жизни. Почему у меня, у миллионов советских граждан ни на секунду не появляется мысль об измене?»

«Как так можно?! — спрашивает И. Карипов из Лениногорска.— Захотел — покинул страну, где родился, рос, воспитывался. А потом, если там, в чужих краях, оказалось плохо,— передумал...»

Те, кто сознательно дал себя «обмануть», вызывают справедливое возмущение советских людей не только за отсутствие патриотизма. Их действия и позиция носят четко выраженный классовый характер. Ведь они передают себя в руки наиболее реакционных антисоветских сил. Эти силы совершают диверсии против нашей страны, выступают врагами разрядки, поджигателями войны.

Сионисты были среди вдохновителей срыва переговоров о мире на нашей планете, проходивших осенью 1986 года в Рейкьявике. Ставленник сионистского лобби, помощник министра обороны США Ричард Перл вел интриги в столице Исландии, всеми силами противодействуя успеху встречи на высшем уровне. Он выступил ярким противником какой бы то ни было договоренности с Советским Союзом. А Теллер, «отец водородной бом-

бы», был среди тех, кто требовал вместо каких-либо приглашений с Москвой незамедлительно начать монтаж на военной базе в штате Северная Дакота ста боевых ракет с экспериментальным прицелом, созданным по программе СОИ. Авантюра эта целила прямо в исландские переговоры, в дело борьбы за мир.

«Вашингтонские сионисты открыто обругали президента за его встречу с советским лидером,— сообщал из Нью-Йорка собственный корреспондент «Литературной газеты» Иона Андронов.— Пригрозили, очевидно, повторить «уотергейт».

Под предлогом «защиты прав евреев» сионистские организации вмешиваются во внутренние дела нашей страны и фактически пытаются создать для лиц еврейской национальности экстерриториальный статус и привилегированное положение, подчинить их своей политике и использовать для сионистских целей. Такая деятельность сионистских организаций соответствует интересам спецслужб капиталистического мира, и в первую очередь Центрального разведывательного управления США.

Советская публицистика, научная и художественная литература 1960—1980-х годов интенсивно исследовали главные аспекты идеологии и политики международного сионизма, вскрывая их тайные стороны и подвергая уничтожающей критике. Прежде всего полностью опровергнута реакционная идея о «всемирной еврейской нации», являющаяся «краеугольным камнем», «отправным пунктом» сионизма. Всесторонне показано, что она служит обоснованию «двойного гражданства», подчинения граждан различных стран руководству Израиля и международного сионизма, привлечению людских ресурсов для активизации сионистской экспансии и участия в агрессивных войнах.

Убедительно разоблачен такой метод психологической войны сионистов, как запугивание и дискредитация критиков сионизма путем обвинения их в антисемитизме. Отвергнут как ложный излюбленный сионистский тезис о том, что сионизм-де появился на свет в ответ на антисемитизм; показано, что идеология и политика еврейской буржуазии носят отнюдь не оборонительный характер, который им приписывают их апологеты, желая замаскировать их истинную сущность. На самом деле сионизм — в высшей степени агрессивная разновидность империалистической реакции.

В целом ряде работ¹ обнажены идейное родство и общий расистский характер сионизма и гитлеризма. Достоянием широкой гласности стали факты сотрудничества сионистов с фашистами, их тайный союз, заключенный накануне второй мировой войны. Раскрыта суть классовых взаимоотношений, картина противоречий и совпадений эксплуататорских, хищнических интересов еврейской и немецкой буржуазии.

Глубокой тайной сионисты окутывают и правду о подлинных целях своей деятельности в международном масштабе. «Длительное время сионизм прикрывался фальшивыми лозунгами создания «национального очага» евреев в Палестине, затем еврейского государства на этой территории и в дальнейшем — «защиты интересов» данного государства. Однако цели и замыслы мирового сионистского концерна выходят далеко за пределы вопроса о еврейском государстве... Образование еврейского государства с самого начала не было главной целью сионистов: оно планировалось лишь как важный этап в их деятельности и должно было способствовать далеко идущим планам международного сионизма»².

Задолго до образования государства Израиль международный сионизм сформулировал свою «программу-максимум» в сентенциях типа: «Страна Израиля должна охватить все страны Земли»; «Мы призваны властвовать над всем человечеством». Первый премьер-министр Израиля Бен-Гурион заявил в день своего прихода к власти: «Возникновение Израиля не является концом нашей борьбы. Сегодня мы ее только начали». Усилиями советских исследователей все более четко и полно обнажается тайная и вожделенная цель сионизма — господство над миром, его всесторонняя эксплуатация для процветания «элиты человечества»...

Сионистами тщательно скрывается от мировой общественности механизм использования такой крупнейшей державы капиталистического мира, как США, в качестве базы глобальной деятельности сионизма. Захват в этой

¹ См.: *Иванов Ю.* Осторожно: сионизм! М., 1971; *Большаков В.* Сионизм на службе антикоммунизма. М., 1972; *Идеология и практика международного сионизма: Сборник.* М., 1978; *Семениук В.* Националистическое безумие. Минск, 1981; *Гольденберг М.* Сионизм: лицо и маски. М., 1985, и др.

² *Соловьев Е.* Реакционная сущность сионизма. М., 1981, с. 25, 27.

стране еврейской буржуазией значительных сфер влияния и использование их в интересах экспансии сионизма в других регионах — еще одна область тайных дел сионистов. Установлено, например, что под контролем и в собственности американских «друзей Израиля» сосредоточены материальные ценности на сумму в 1500 миллиардов долларов. Члены еврейской общины составляют 43 процента американских промышленников, 80 процентов владельцев местных и международных агентств, 20 процентов всех миллионеров Америки. Сионисты контролируют 70 процентов общенациональных периодических изданий США, 80 процентов телевизионных программ. Они вносят 40 процентов средств, расходуемых на выборах республиканской партией, и 65 процентов, расходуемых демократами. За антиарабские резолюции, проталкиваемые сионистским лобби в американском конгрессе, голосуют 80 из 100 сенаторов и 350 конгрессменов из 435 членов палаты представителей. США компенсировали расходы Тель-Авива на агрессию против Ливана, которые достигали 100 миллионов долларов в день.

Главным препятствием на пути к осуществлению супердержавных целей международного сионизма являются Советский Союз и другие страны социалистического содружества. Поэтому основным содержанием политической тактики сионизма являются антикоммунизм, антисоветизм. Сионисты выступают против социалистического содружества, международного коммунистического и рабочего движения, против национально-освободительного движения народов, используя для этого промышленно-экономический и пропагандистский потенциал ведущих империалистических держав.

Характерной чертой антикоммунистического, антисоветского альянса, в который вступили реакционнейшие круги Соединенных Штатов и международного сионизма, является сотрудничество специальных служб США и Израиля. Ими совместно осуществляются диверсии и шпионаж против Советского Союза и других стран социализма. С помощью идеологического разложения, денежных подачек сионисты стремятся обратить в свою веру разного рода отщепенцев, которые могли бы быть использованы и ЦРУ. Не является случайностью, отмечалось в нашей прессе, что больше половины так называемых «диссидентов» составляют просионистски настроенные лица.

Следует иметь в виду и другое: сионизм, располагая крупными финансовыми средствами, разветвленной системой организаций, мощным пропагандистским аппаратом, оказывает в капиталистических странах серьезное идеологическое и политическое влияние на мелкую буржуазию, интеллигенцию, служащих и полупролетарские слои еврейского населения. Одна Всемирная сионистская организация насчитывает свыше 1,5 миллиона членов. Масонский орден «Бнай Брит» — 0,5 миллиона представителей финансовой аристократии. Всю систему организаций международного сионизма, в которую вовлечено около 4 миллионов человек, возглавляют конференции крупнейших монополистических объединений мира, капиталы которых далеко превышают бюджеты ведущих капиталистических стран. А в промежутках между этими конференциями транснациональное руководство осуществляет образованный в 1967 году исполнительный комитет.

Что касается международных сионистских конгрессов, то все содержание этих сборищ характеризуется возрастающей год от года враждебностью к СССР и другим странам социализма. Эти сборища предоставляют трибуну для клеветнических и провокационных выступлений различного рода отщепенцев, агентов спецслужб, выносят решения, поощряющие «вербовку иностранных граждан в гражданство Израиля», объявляют своими «подопечными» всех евреев, где бы они ни жили. Интервенционистский характер подобных мероприятий полностью разоблачен.

Эта книга раскрыла целый ряд тайных, еще не освещавшихся в нашей печати сторон антисоветской деятельности сионистов. Приведенные факты показывают, что борьба с сионизмом — дело всех советских людей. Там, где бдительность высока, крепки патриотизм и чувство гражданского долга — там происки сионизма обречены на провал.

СОДЕРЖАНИЕ

Борис Антонов
ОБ ЭТОЙ КНИГЕ
3

Владимир Туганов
СИОНИЗМ: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ
17

Виктор Магидсон
ДРУГИМ БЫТЬ НЕ МОГУ!
36

Виктор Магидсон
ЧУЖИЕ СРЕДИ ЧУЖИХ
98

Цезарь Солодарь
КРАХ
131

Борис Антонов
КОГДА ИСЧЕЗАЮТ МИРАЖИ
157

Виктор Пономарев
ПАРТИТУРА ДЛЯ «ГОЛОСА» С ОРКЕСТРОМ
199

КОГДА ИСЧЕЗАЮТ МИРАЖИ

Сионизм: практика темных дел

Сборник

Составители А. БАСИРОВ, К. БОРИСОВ

Заведующая редакцией

Е. Чистякова

Редакторы

Е. Ефимов, В. Пестерев

Художник

П. Сацкий

Художественный редактор

Ф. Барбышев

Технический редактор

Г. Смирнова

Корректоры

Т. Сёмочкина, Е. Коротаева

ИБ № 3028

Сдано в набор 02.10.86. Подписано к печати 01.04.87. Л51043. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 13,44. Усл. кр.-отт. 13,86. Уч.-изд. л. 13,90. Тираж 50 000 экз. Заказ 2253. Цена 60 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Московский рабочий», 101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий», 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

Scan, DJVU: Tiger, 2014

В этой книге на большом фактическом материале раскрывается реакционная сущность сионизма, его идеологии, политики и практики, показываются трагические судьбы людей, попавших в ловушку сионистской пропаганды.

КОГДА ИСЧЕЗАЮТ МИРАЖИ